

A vintage advertisement for 'Chaynaya Malberri-street' perfume. The central illustration depicts a woman with short dark hair, wearing a white dress and gold jewelry, sitting at a table and holding a martini glass. Beside her, a man in a suit and tie is looking at her with his hand near his face. The table is set with plates, glasses, and a small vase with a red flower. The background is decorated with snowflakes and a blue feather. The text 'Шэрон ОУЭНС' is in the top right, and 'Чайная Малберри-стрит' is in the bottom right in a cursive font. A small perfume bottle is visible in the bottom left corner.

Шэрон
ОУЭНС

Чайная
Малберри-стрит

Судьбы героев этой невероятной рождественской истории причудливым образом переплетаются и сходятся в удивительном месте, полном загадок и чудес, — в чайной на Малберри-стрит, где подают восхитительные десерты и где однажды, совершенно неожиданно, вы можете получить послание от Николаса Кейджа.

Трогательная и очень смешная книга, в которой романтика и мечта идут рука об руку, поможет вам скоротать долгие зимние вечера, а изысканный вишневый чизкейк, его рецепт вы с удивлением обнаружите в конце книги, станет приятным дополнением к праздничному чаепитию.

Итак, поудобнее завернитесь в ваш любимый плед, и пусть атмосфера Рождества наполнит ваш дом... Добро пожаловать в Чайную на Малберри-стрит!

Шэрон Оуэнс
Чайная на Малберри-стрит

Посвящается Дэрмоту

Глава 1

Чайная

Дэниел Стэнли торопливо сбежал вниз по лестнице из квартиры на втором этаже и зажег свет в чайной. В помещении было так холодно, что у него по коже побежали мурашки. Дэниел подошел к окну и раздвинул шторы. На улице было еще темно.

Солнце взойдет только часа через два. Он торопливо обошел чайную, включил лампы на столиках, и комната сразу наполнилась теплым светом. На какое-то мгновение старенькое кафе стало почти уютным и веселым. Пыльные занавески, поблекший линолеум, потрескавшаяся мебель, стены с чешуйками облупившейся штукатурки — все купалось в золотом свете.

Дэниел пристально посмотрел на себя в маленькое зеркальце у двери. У него были большие, все понимающие голубые глаза с сеточками мелких морщин в уголках. И немудрено: держать семейное кафе — дело непростое. Дэниел был бледен как полотно, волосы отрасли — не мешало бы подстричься. Но унаследованные от матери правильные черты лица — прямой нос и высокие скулы — все еще оставались тонкими, как у молодого, хотя у многих к сорока обычно расплываются и теряют четкость. Да, он и в свои сорок семь выглядел совсем неплохо: подтянуто и опрятно.

Он открыл входную дверь и взял ящик с молоком, которое с утра принес молочник. Потом стал одну за другой включать все кухонные машины: тостер, водогрей, а также старую печь, которая все еще отлично работала, хотя, как только температура переваливала за двести, начинала страшно греметь и дребезжать. Он налил воду в чайник и поставил его греться. Затем посмотрел на часы: половина шестого. Старая отопительная система забурчала, подавая признаки жизни. «Хорошо хоть еще работает», — облегченно вздохнул Дэниел.

Пока чайник грелся, он подошел к окну посмотреть, что делается на Малберри-стрит.

Город понемногу пробуждался от сна.

По Лисберн-роуд уже двигались грузовые машины. В половине восьмого появятся прибывшие на работу жители близлежащих городишек. Дэниел наблюдал за водителем грузовика, который, постукивая пальцами по приборной панели, терпеливо ждал, когда зажжется зеленый свет. Казалось, водитель увлеченно слушал по радио какую-то песню, и, когда стоящая впереди машина не сразу тронулась на зеленый, он даже не посигналил. Дэниел редко включал музыку в кафе. Ему нравилась утренняя тишина, которую нарушали лишь привычные звуки из кухни. Тишина помогала ему сосредоточиться на готовке. Сегодня он испечет ароматный вишневый чизкейк и сочный кофейный торт с карамельным кремом.

Через дорогу гибкая, как тростинка, рыжеволосая цветочница расставляла за начищенным до блеска стеклом эркера белые цветы. Она нежно, почти любовно брала каждый цветок за стебель и расправляла тонкими пальцами пышную листву, на которой все еще блестели капли росы. Цветочницу звали Роза. Конечно, Дэниел никогда бы не догадался, что белые цветы она выбрала сегодня не случайно: они символизировали конец ее недолгой совместной жизни с Джоном. Теперь она снова была свободна и совсем одна в городе, который местные жители называли Большая Коптилка. Она обвела взглядом расставленные со знанием дела бледно-белые цветы и, удовлетворенная результатом, налила в чайник воды, чтобы заварить чай. С тех пор как она рассталась с мужем, Роза вставала

раньше обычного, а ее магазин никогда еще не выглядел так замечательно.

Наблюдая из окна кафе за ее неторопливыми приготовлениями, Дэниел размышлял о том, какое это, должно быть, необременительное занятие — продавать цветы: не надо беспокоиться, что вдруг нагрянет санитарная инспекция или у клиента случится пищевое отравление. Красные розы на День святого Валентина, елки на Рождество — и целый год живи себе спокойно, расставляй время от времени металлические ведра в витрине. Да, непыльная работенка. Хотя надо признать, с металлическими ведрами для цветов она удачно придумала. Роза знает, как украсить витрину. Иногда она заходила в его чайную перекусить в обеденное время, и тогда они кивали друг другу в знак приветствия.

Обед! Мысль об обеде оборвала фантазии Дэниела о том, как легко и беззаботно жилось бы ему, будь у него цветочный магазин, а не кафе. Он вспомнил, сколько еще всего ему нужно успеть сделать, прежде чем появятся первые посетители. Вспомнив о работе, он подумал о Пенни. Пора было заваривать чай. Дэниел заспешил обратно на кухню.

Быстрым движением он снял крышку с маленького металлического чайника, положил в него чайный пакетик и налил немного кипятку. В эту минуту из водогрея вырвалась струя пара, и Дэниэл, как всегда, вздрогнул от неожиданности.

— Где ты там, Пенни? — прокричал он. — Чай готов! Поторапливайся!

— Уже встала, — сказала жена, медленно спускаясь по скрипучей лестнице. — Что за спешка? Еще целый час в запасе.

На ней было длинное белое платье, вязаный жакет и симпатичные синие туфли. На талии красовался золотой пояс, украшенный монетками. В ушах блестели большие кольца-серьги, в волосах заколки-бабочки. Нечего и говорить о том, что уже с утра пораньше она была тщательно накрашена. В этом была вся Пенни — всегда что-нибудь придумает, чтобы выглядеть эффектно.

— Ну, как я тебе? — спросила она, повернувшись кругом. — Бабочки мне идут? Недавно купила.

— Очень мило, — ответил он сдержанно. — Не совсем подходящий наряд для работы, но мило, мило.

— Завтра надо будет убрать рождественские украшения. А жаль, — вздохнула Пенни, поправляя мишуру на елке.

— Еда сама не приготовится, — напомнил он строго. — Печка уже нагрелась.

— Мы все сделаем вовремя. Разве мы хоть раз не успели?

— Да нет... Какие кексы ты будешь печь сегодня? С черникой? Или, может быть, шоколадные? У местных клерков они нарасхват. Во всяком случае, пока что. — Он стал проверять контейнеры на прилавке.

— А как насчет банановой начинки для разнообразия?.. Где американский флаг? Я вывешу его в окне, и мы сделаем специальное предложение для кофе с кексами.

Она нашла флаг в глубине кладовки и, зевая, пошла с ним обратно к окну. Дэниел сообщил ей, что он сам намерен сегодня испечь, и Пенни записала все цветными мелками на доске и выставила ее на тротуар у входа. Потом она села за маленький столик у окна и стала разглядывать прохожих, спешивших куда-то с утра пораньше. Она помахала цветочнице напротив. В эту минуту Роза как раз перетаскивала кадку с большим подстриженным деревом.

— Роза уже встала и трудится вовсю, — сказала она. — Ты заметил? В последнее время она много работает. Сейчас вот обновляет витрину. Красиво получается, правда?

— М-мм, — неопределенно протянул Дэниел. У Пенни была страстная тяга ко всему красивому и милому, и ему не хотелось слишком ее поощрять.

Она отвернулась от него. Было холодное январское утро понедельника, и при одной только мысли о том, что ей предстоит сегодня, спина у нее деревенела. Пенни Стэнли работала в этом кафе с детства и могла, кажется, делать сэндвичи и заваривать чай во сне. Прогнувшиеся посудные шкафы и вечно текущие краны она изучила лучше, чем свое собственное тело. Все тридцать пять лет ее несло как щепку по течению. За эти годы в ее жизни не произошло никаких мало-мальски примечательных событий, и она кротко благодарила судьбу за то, что и несчастья тоже обходили ее стороной. Конечно, если не считать автокатастрофы, в которую попали ее родители. Но в остальном рассказывать было не о чем. Иногда ее мучили угрызения совести за то, что она проживала свою жизнь так тихо и бесцветно. Взгляд ее карих глаз уже давно стал тусклым и безропотным, а руки загубели и покраснели — последние двадцать лет она только и делала, что пекла хлеб.

Но сегодня сердце кроткой Пенни Стэнли билось беспокойно. Ей захотелось перемен, и она понимала, что, если сама ничего не изменит, за нее никто этого не сделает. Без толку было загадывать желания и ждать, что следующий день будет не таким, как предыдущий. Всю свою жизнь она только этим и занималась.

Она не могла объяснить, что с ней. Может быть, все дело в передаче по радио, в которой речь шла о наступлении нового тысячелетия. Одна женщина собиралась потратить несколько тысяч фунтов на грандиозный праздник на пляже в Австралии. Она заранее оплатила билеты и проживание всем своим друзьям и родственникам. А какой-то мужчина хотел уехать с женой и детьми на далекий шотландский остров и жить там с ними в полном уединении, прихватив запас еды и воды на случай ядерной катастрофы. Пенни не собиралась ударяться в подобные крайности, но все, же ей очень хотелось чего-то необычного. Земля стала старше на тысячу лет — и Пенни тоже. На тысячу лет старше, чем в день свадьбы.

Она увидела на стуле журнал с фотографиями дорогих интерьеров и начала листать его. Дэниел принес ей на подносе чашку чаю и простую лепешку с маслом. Увидев журнал, он нахмурился. Он считал глянцевые журналы источником чуть ли не всех бед на свете. Только забывают простым людям голову напрасными мечтами о том, чего у них нет и никогда не будет.

— Спасибо, дорогой, — сказала Пенни и сделала маленький глоточек. — Посмотри, вот это дом! Вот в таком бы жить! Посмотри сюда, Дэниел, это гостиница на юге. Называется «Лоусон Лодж».

Дэниел взглянул на фотографии через ее плечо:

— Ну, достался кому-то особняк, набитый всяким антиквариатом, и превратили его в гостиницу. Пенни, мечтать о таком доме — только зря расстраиваться.

— Мечтать, говорят, не вредно. За это денег не берут. — Она поставила чашку на стол и, подперев кулаками острый подбородок, продолжала с упоением разглядывать журнальные фотографии.

Дэниел вернулся на кухню.

— Мечты держат тебя на плаву, когда в жизни держаться больше не за что, — сказала Пенни самой себе. Она изучала фотографии, как будто хотела навсегда сохранить их в памяти.

Великолепный особняк на южном побережье Ирландии, построенный в девятнадцатом веке каким-то английским лордом. В наши дни все потомки лорда давно переехали в Лондон

и живут там, в маленьких квартирках, купленных по баснословным ценам, а особняк превратился в гостиницу. Вид снаружи: фасад из серого камня, окруженный искусно подстриженной живой изгородью. У входа большие потрескавшиеся садовые вазы с молодыми растениями, которые живописно свешиваются до земли. Тут же на лужайке, где трава выкошена ровными полосками, лежат две породистые собаки: их черная гладкая шерсть блестит и лоснится. Вид внутри: кухня в деревенском стиле, над массивной печью синего цвета множество медных кастрюль на крючках. Поваренные книги аккуратно расставлены на полках расписного уэльского шкафа. Горшочки с домашним вареньем охлаждаются на подоконнике. На окнах голубые клетчатые полотняные занавески.

Но лучше всего — большая гостиная, пурпурные стены которой волнуют воображение. Отличный фон для мягких белых диванов, нарядных белых настольных ламп, тяжелых штор из белой парчи и пухлых белых подушек с бахромой по краям. На красных стенах висят в позолоченных рамах настоящие картины — какие-то дивные пейзажи, написанные маслом. А на расставленных тут и там столиках милые вазочки с дорогими шоколадными конфетами в разноцветных обертках, альбомы по современному искусству и живые цветы в вазах. Куда ни глянь — одна роскошь.

Она вздохнула и осторожно коснулась страницы с фотографией, как будто можно было закрыть глаза и, открыв их, враз оказаться в этой прекрасной комнате и, стоя у арочного окна, всматриваться в величественную гладь океана сразу за садом с подстриженными деревьями. Окажись она там, она бы даже не присела на кресло, не откинулась бы на пышные подушки с бахромой, чтобы не помять их. Она бы ничего не трогала. Просто любовалась бы картинами и вдыхала пьянящий аромат дорогих цветов. Пенни любила красивые вещи. Красота во всех ее проявлениях действовала на нее умиротворяюще.

Она поставила пустую чашку с блюдцем на старую, в пятнах и царапинах стойку и рядом с благоговением положила журнал.

— Дэниел, взгляни, вот что мне хотелось бы сделать у нас в кафе. Покрасить стены в кроваво-красный цвет. Посмотри, как здорово будет смотреться, если везде включить свет. Какой теплый, насыщенный цвет!

— Ну, вот, опять, — тяжело вздохнул он, начищая стеклянную подставку для чизкейка. — Прежде чем красить, стены нужно ошпукатурить. И ты это прекрасно знаешь, дорогая.

— Может быть, найдем кого-нибудь? Или сами засучим рукава и переделаем здесь все. Вставим большие оконные рамы, купим новую мебель. И кухню тоже переоборудуем. Ты же знаешь, мы можем себе это позволить.

— Милая, людям здесь и так нравится, — ответил Дэниел тоном, не допускающим возражений. — Это последнее место в городе, в котором ничего не изменилось еще со старых добрых времен, и, кроме того, это семейное предприятие, а не какая-нибудь закусочная быстрого обслуживания. Почему, ты думаешь, студенты из Куинз-колледжа любят заходить к нам? Они говорят, здесь «классно». Стиль ретро, домашний уют.

— Ах, ретро! Вот оно что! Им-то не приходится здесь целыми днями работать, жить в этом ретро и любоваться им каждый божий день! И вообще, они ходят сюда только потому, что у нас дешевле, чем там, где действительно уютно.

— Мы не будем выбрасывать деньги на хапуг строителей и дизайнеров с их новомодными придумками, Пенни. Нам ничего этого не нужно. Все это пустое расточительство — только подумай, сколько людей в мире живут в полной нищете.

— Но, Дэниел, я была бы так счастлива! Здесь у двери можно было бы поставить белый диван, а у барной стойки высокие стулья. У меня столько идей...

— Пожалуйста, Пенни, не начинай снова, не сейчас. Мы еще не закончили с выпечкой. Ты не посмотришь, как там булочки? Я пойду, займусь пирожными. — Он посмотрел на часы.

Пенни взглянула на мужа и впервые за все время, что они были женаты, подумала, что может его разлюбить. Она стремительно ринулась мимо него на кухню и начала демонстративно хлопать дверцами шкафов и тумбочек. Даже не взглянув на печку, она приготовила себе большой сэндвич с беконом, обильно полила его красным соусом и сделала большую кружку сладкого чая. Пусть Дэниел обходится легким завтраком, а у нее, Пенни, здоровый аппетит. В конце концов, она же не робот, убеждала она себя, сперва нужно о себе подумать, а там можно и за работу браться. Она села на шаткий кухонный стул и приступила к завтраку. Дэниел только вздохнул и сам пошел проверить булочки. Они уже зарумянились. Он вынул противень из печи и поставил остывать на решетку.

Пенни и Дэниел не обмолвились ни единым словом до тех пор, пока не пришло время ставить в печь кофейный торт. И то лишь для того, чтобы обсудить, какие чипсы подавать к сэндвичам — с паприкой или острые кукурузные. Пенни наблюдала, как он мастерски намазывал чизкейк кремом, выравнивая края специальным ножом. Потом он украсил торт вишней и поставил его на красивую стеклянную подставку, разрисованную по краям мятными листочками. Дело было сделано, и Дэниел довольно улыбнулся. Он очень гордился своим умением готовить выпечку. Пенни ревниво наблюдала за тем, как любовно и заботливо он обращается со своими десертами. Как бы ей хотелось, чтобы и на нее он смотрел с таким же обожанием. Она быстро налепила банановых кексов и, почти не глядя, задвинула противень в духовку.

В полвосьмого Пенни открыла дверь в кафе и перевернула табличку на «Открыто». Почтальон вынул письма из почтового ящика напротив их двери, улыбнулся, помахал Пенни и отправился дальше в своем маленьком красном фургоне развозить жителям Белфаста и окрестностей хорошие новости, плохие новости и бесконечные счета.

Глава 2

Старые Перечницы

Ровно в восемь на пороге чайной появились две пожилые дамы, они на ходу стягивали шарфы и перчатки, при этом их жестяные банки для пожертвований ужасно гремели. Беатрис и Элис Кроули. Сестры-близнецы и лучшие подруги. Они все время смеялись и улыбались. Интересы сестер, равно как и число их друзей в городе, было трудно перечесть. Секретом счастья, по их собственному признанию, было то, что им хватило ума не совершить величайшую глупость в мире — выйти замуж. Дэниелу подобные заявления не нравились.

Сестры Кроули всю жизнь проработали в школе и теперь вышли на заслуженный отдых. Однако самоуверенная и безапелляционная манера, свойственная всем профессиональным педагогам, никуда не делась. Они всюду разгуливали под руку, и, стоило одной сестре открыть рот, другая уже знала, как закончить начатую фразу. За глаза Дэниел называл их Старыми Перечницами.

Беатрис и Элис жили в небольшом доме с террасой, который достался им от родителей, в самом конце Малберри-стрит, где всегда царили тишина и покой. Если сестры не были заняты сбором пожертвований на нужды благотворительности, они неустанно наводили порядок в своем маленьком домике. Окна всегда были занавешены накрахмаленными кружевами, а входную дверь каждое лето покрывали свежим слоем темно-зеленой краски.

Дети военных лет, они вместе пришли в этот мир, родились с разницей в десять минут. «Однойцевые близнецы, — довольно объявила акушерка. — Здоровые и сильные, слава богу».

С самого рождения девочек соседи не переставали изумляться, глядя на их смуглую кожу и волосы цвета вороного крыла. «С чего бы это?» — судачили они при встрече. У мистера и миссис Кроули кожа была бледная, волосы светлые, черты лица тонкие, а глаза синие, как незабудки. Их дочери получились рослыми и темноволосыми, с темными, шоколадными глазами. Мать девочек, Элиза, была добропорядочной христианкой и верила в чудеса. «Бог послал мне двух прелестных дочерей, — говорила она, — когда мы с мужем уже совсем было отчаялись завести собственного ребенка». А откуда у ее девочек такая необычная внешность — это ее волновало меньше всего на свете, ведь Господь был так добр и милостив к ней. Уже к четырнадцати годам сестры заметно переросли своих родителей, но к тому времени все пересуды по поводу их необычной внешности поутихли. Беатрис и Элис на «отлично» сдавали любые экзамены, а после окончания школы остались преподавать в ней. Отношения сестер были настолько тесными и дружескими, что им никогда и в голову не приходило выйти замуж, обзавестись собственными семьями и покинуть отчий дом, после того как их родители, Уильям и Элиза Кроули, отправились в лучший мир.

Не обремененные домашними заботами, они все свое время посвящали сбору денег на благотворительность, тряся жестянками для пожертвований на Ройал-авеню. Особенно им нравилось за чашкой чаю в кафе «У Малдуна» перемывать всем косточки и рассуждать о том, каким должен быть правильный и достойный уклад жизни. Еще они любили выезжать за город на приходском автобусе.

Раз в неделю они отправлялись на городское кладбище — на могилу родителей положить свежие цветы. Нежно любимый сестрами отец, Уильям, был настоящим героем,

получил на войне много наград, и они часто вспоминали о нем.

— Подумать только, и ради таких, как вот эти, наш дорогой отец сражался с Гитлером, — бывало, сокрушалась Элис, провожая взглядом малолетних мамаш, толкавших мимо окон кафе коляски с толстощековыми младенцами. — В наше время таких девиц давно бы уже определили куда следует. Кажется, здесь неподалеку как раз был исправительный интернат, пока либералы его не прикрыли.

— Да, хотя... В интернатах тоже было не все гладко. Не скажу, что это решение всех проблем. Но девушкам следовало бы, по крайней мере, одеваться приличнее. — Беатрис презрительно фыркнула, глядя на сигарету, свисавшую с густо напомаженных губ девушки, которой никак нельзя было дать больше пятнадцати. — Они палец о палец не ударят, чтобы привести себя в божеский вид.

— Приличий больше не существует, — вторила ей Элис. — Все полетело в тартарары, как только перестали носить шляпки и длинные юбки.

— Мне трудно поверить, что наш отец защищал родину ради таких ничтожеств! — вскрикнула Беатрис, прочитав в газете о девятилетнем мальчике, которого исключили из школы за то, что он поджег кабинет. — Здесь пишут, что его родители, оба, конечно же, безработные, попросили пособие на частного преподавателя для своего отпрыска. Ха! Да таких расстреливать нужно за то, что вырастили такого негодяя.

— Верно, верно, — согласилась с ней Элис. — Людей, бывало, расстреливали и за меньшие провинности. И общество от этого только выиграло.

По воскресеньям они надевали свои лучшие перчатки и строгие шляпки и чинно шествовали в церковь, царственно кивая по пути всем знакомым. Они усаживались в первом ряду и громко пели во всю мощь своих здоровых, сильных, не отравленных никотином легких; они усердно молились за спасение мира в целом и Белфаста в частности. После обеда они принимались строчить обличительные письма: в основном эти гневные послания предназначались владельцу местного газетного киоска и резко осуждали отвратительную порнографию, которую он выставлял на верхней полке. А еще, конечно же, сестрам было что сказать о местной молодежи, ничтожно малая часть которой по воскресеньям удосуживалась посещать церковь.

— Неудивительно, что скоро люди совсем перестанут заключать браки, — не унималась Беатрис. — Девицы бросаются то на одного, то на другого. А уж одеваются — уму непостижимо! Совсем стыд потеряли. Срам, да и только!

— Именно, именно, — соглашалась Элис. — А какое безобразие, что теперь на каждом углу продают жареную картошку в бумажных пакетах и молодые люди едят прямо на ходу! Как можно допускать такое? Конечно, молодым людям теперь и жениться незачем — хлеба и зрелищ и без того вдоволь.

Старые Перечницы неплохо жили на свои две пенсии. Недостатков в них практически не было, если не считать слабости к новым шляпкам и непомерно раздутой гордыни. Именно гордыня побуждала их собирать денег на благотворительность больше, чем удавалось собрать остальным прихожанам; гордыня не давала им спокойно спать по ночам. Вместо этого они составляли торжественные речи на случай, если им доведется предстать перед ее величеством королевой, поскольку рано или поздно это, несомненно, случится и они будут представлены к награде как минимум. Блестящая медаль в бархатной коробочке. После всего того, что они делали для местного общества все долгие годы, они вправе были рассчитывать и на большее.

Элис подошла к стойке.

— Не хотите ли сделать пожертвование? — обратилась она к Дэниелу. — На поддержание военных памятников.

Дэниел помрачнел. Все, что было связано с благотворительностью, доставляло ему беспокойство, напомидало, что и сам он в детстве жил в нищете. Но Пенни без лишних слов взяла из кассы пятифунтовую банкноту, свернула ее и положила в жестянку.

— Вот, пожалуйста, — сказала она. — Пусть день сегодня будет для вас удачным, леди. — Она не без вызова взглянула на Дэниела.

— Молодец, Пенни! — Беатрис была счастлива. — Как говорится, никто не забыт, ничто не забыто.

— Благослови Бог павших героев, — поддержала сестру Элис, и они уселись, как обычно, за столик у батареи.

Дэниел пошел на кухню поставить охладиться кофейный торт.

— Для вас чай с тостами? — поинтересовалась Пенни, подходя к их столику с маленьким блокнотом наготове.

Открывая холодильник, Дэниел насупился. Сестры Кроули вывели его из себя. Из-за них ему приходится начинать день в убытке. Он слышал, как они втроем обстоятельно рассуждали о том, что лучше заказать. Неужто такой страшный грех съесть нормальный сэндвич с яичницей и беконом? Сколько, интересно, калорий насчитала Пенни в сэндвиче и яичнице с беконом? Сестрицы просто любят устраивать трагедию из-за каждой мелочи.

Наконец решение было принято. Да, конечно, чай с тостами. И нельзя ли еще приготовить яичницу-болтуню? Ой, гулять так гулять — каждой еще по две сосиски! Сегодня плотный завтрак будет очень кстати. День впереди длинный — сколько еще всего предстоит сделать. Они потрясли жестянками перед лицом Пенни и улыбнулись безмятежной улыбкой добродетели.

— Яичница, сосиски и чай с тостами — две порции, — прокричала Пенни через заслонку.

— Понял, — произнес Дэниел, открывая упаковку сосисок. День начался.

Через несколько минут в кафе вошла Милли Мортимер и остановилась у стойки. Она недолюбливала Дэниела, и даже не пыталась это скрывать. Она взяла себе за правило курить на кухне, несмотря на неоднократные напоминания Дэниела о том, что это противоречит санитарным нормам.

— Ну, что, Пенни, как ты? — поинтересовалась Милли. — Я тут была неподалеку, дайка, думаю, зайду, посмотрю, как поживает моя подружка Пенни.

Дэниел вздохнул. Он считал Милли очень вульгарной. Она носила обтягивающую одежду, говорила с нарочитым «белфастским» акцентом, а уж как она курила, выпуская дым из уголка рта, — противно смотреть! Ей было тридцать шесть, но из-за «химии» и укладки она выглядела намного солиднее. Он не мог взять в толк, почему Пенни терпела ее столько лет.

— Проходи на кухню, — приветствовала подругу Пенни. — Там нам никто не помешает, можно спокойно поболтать.

Милли напрямик прошла в кухню, попутно окинув взглядом витрину — что у нас вкусенького сегодня? Она сняла пальто и зажгла сигарету.

— Старые склочницы тут как тут, — заметила Милли, кивнув в сторону сестер Кроули. — Я уж было подумала, к тебе сегодня члены королевской семьи пожаловали!

Она поставила стул у задней двери и немного приоткрыла ее, чтобы выдувать дым наружу. Поток ледяного воздуха ворвался внутрь, нагло вытесняя теплый воздух из кухни, и Дэниелу пришлось прикусить губу, чтобы промолчать. Пенни и Милли дружили еще со школы. Милли всегда была заводилой, но это не мешало ей иметь ужасный характер.

— Задумала навести тут красоту? — спросила Милли, потянувшись и взяв со стола один из журналов по дизайну. — Давно пора! — И скорчила гримасу вслед отвернувшемуся Дэниелу. Она послюнила палец и стала пролистывать журнал. — С цветом уже определилась?

— Нет, все еще думаю, — ответила Пенни.

— Запах свежей краски — лучшее лекарство от хандры. Ты только посмотри! В одной и той же комнате две стены фиолетовые, а две ядовито-зеленые — нет уж спасибо! Послушай, у моего Джека хорошо, получается, орудовать молотком, так что если надумаешь повесить полки — обращайся.

Дэниел сосредоточенно растирал яйца. Он только фыркнул и что-то пробормотал себе под нос, представив, как верзила Джек Мортимер будет орудовать молотком и пилой в его драгоценном кафе. Он протянул Пенни деревянную ложку и пошел к стойке, у которой уже собралось несколько проголодавшихся работяг.

— Что твой благоверный только что сказал? — поинтересовалась Милли. — «Пустые траты», зуб даю. Ох, Пенни, и что только ты в нем нашла? — Она говорила почти шепотом, но видно было, что внутри у нее все кипит.

Пенни улыбнулась, вспомнив их первую встречу с Дэниелом:

— Первый раз, когда я увидела Дэниела, я думала, что упаду в обморок, так сильно билось сердце. В глазах у него был какой-то необыкновенный огонь. — Она потянулась за подогретыми тарелками.

— Ах, Пенни, какая была, такой и осталась! Огонь в глазах — большое дело! Мужчины не для того созданы, чтобы ими любовались, они ведь не украшения. Могла бы найти себе кого-нибудь получше!

— Ну, этого мы теперь уже не узнаем, так ведь? — Не дожидаясь ответа, Пенни вышла из кухни отнести завтрак сестрам Кроули.

Дэниел взял со стойки список и сказал, что сбегает в соседнюю лавку за зеленью.

— Я тут подумала о гадалке из Донегола, — сказала Пенни подруге, вернувшись на кухню. — Помнишь те каникулы, мы с тобой и девчонки из нашей школы — вот было здорово! Вшестером в маленьком домике у пляжа! Помнишь? — Она включила чайник.

— Как не помнить? — подхватила Милли. — Мы чуть не околели от холода. Не взяли с собой ничего теплого. У меня была одна куртка и шесть купальников. А хорошо бы наоборот. А Шионна Мак-Алир втюрилась в парня, который работал на кассе у аттракциона с электрическими машинами. Стрижка «ежик» и шрам на шее, помнишь?

— Да-а... а еще, когда он отказался пойти с ней на свидание, она уверяла, что ее сердце разбито, буквально разбито, так оно болело. Интересно, что с ней стало?

— Вышла замуж за врача-консультанта из Норт-Дауна. У них старинный дом, настоящий памятник архитектуры, целое имение.

— Значит, разбитое сердце больше не болит, — заметила Пенни и принялась заваривать чай. — Бог с ней, с Шионной. Так ты помнишь гадалку? Она сказала мне, что я встречу высокого красивого незнакомца в темном месте возле воды, что у него будут голубые глаза и что он будет знать, как меня зовут, еще до того, как я успею назвать ему свое имя. Мне

казалось, это так романтично — ну да мне же и было всего только семнадцать! И представь, не успела я вернуться домой, как встретила Дэниела.

— Эй, Пенни, не заводи опять свою старую шарманку. Твоя гадалка наверняка каждой чего-нибудь эдакого посулила. — Милли была особой практичной. — Мы же поехали к морю. Кругом вода и куча незнакомцев! — Она пристально посмотрела на Пенни. — Ты бы послушала гадалку, окажись ты там сейчас?

Пенни сидела за столом и разливала чай.

— Нет, конечно. Ты что, с ума сошла? Мне тридцать пять, Милли. И я вовсе не считаю, что познакомиться с будущим мужем в ночном клубе у доков так уж романтично. И он знал, как меня зовут, потому что мое имя было написано на золотом ожерелье, которое я надела в тот вечер. И не у него одного голубые глаза... — Она запнулась. — Но все же... она, наверное, что-то видела. Я хочу сказать, мы все-таки вместе, сколько лет прошло!

И все же иногда Пенни задавала себе вопрос, действительно ли тогда, много лет назад, она приняла неожиданное предложение Дэниела потому, что поверила в красивую сказку гадалки?

— Ну, дай тебе Бог, — вздохнула Милли, у которой на этот счет не было никаких сомнений. В молодости Пенни могла заполучить любого мужчину. Красивая девушка, да еще с приданым — доходное семейное дело со стороны отца. А ей приспичило выскочить замуж за первого встречного прощельгу! — Он повернут на работе. Носится с этими дурацкими пирожными как очумелый. Были бы у меня твои деньги, всё бы продала и уехала на какой-нибудь курорт. Навсегда. Побездельничала бы для разнообразия. Чего ради ты убиваешься? Могла бы красиво жить на континенте. У тебя скопилась, небось, уже кругленькая сумма? Не понимаю я тебя.

— Небольшая квартирка в Испании, как тебе такая идея, Милли? — Пенни отпила глоточек.

— А что? — отозвалась Милли, выбрасывая окурок во двор и тут же зажигая следующую сигарету. — А мы с Джеком и детишками могли бы наведываться летом, чтоб ты не скучала.

— Приятно помечтать, Милли, и мы, наверное, даже могли бы себе это позволить, но боюсь, я никогда не брошу свое старое кафе. Глупо, сама знаю. Но я не могу, никогда не смогу все бросить. Мое место здесь.

Милли закатила глаза. Знакомые речи. Всех жителей Белфаста можно разделить на два типа: одни мечтают уехать и никогда больше сюда не возвращаться, другие же намерены провести здесь остаток своих дней, что бы там ни было. И, кроме того, рядом со своим упертым муженьком Пенни стала совсем безвольной — ни шагу без его разрешения. Милли решила сменить тему:

— Я заметила, что Джек набирает вес. Слишком налегает на пиво и жареную рыбу с картошкой. Вот и вся проблема, но ведь прямо ему этого не скажешь. Он очень переживает из-за своей внешности — может обидеться. Как бы посадить его на диету, чтобы слово «диета» при этом не звучало?

— Легко, — ответила Пенни, подумав минуту. — Он должен увидеть себя твоими глазами. Сейчас скажу тебе, что надо делать. Покрась ванну в ослепительно белый цвет и повесь самое большое зеркало, какое только сможешь найти. В полный рост. Шириной самое меньшее — полтора метра. Вкрути лампочку на сто пятьдесят ватт. И тогда каждый раз, когда он будет принимать душ, он не сможет не видеть себя во всей своей красе. А когда

он сам объявит тебе, что собирается сесть на диету, изобрази удивление и скажи, что она ему совершенно ни к чему.

— Пенни, ты просто гений! Завтра же и займусь. Я даже знаю, куда пойти, — в модных мебельных салонах на Дублин-роуд продаются огромные зеркала.

— Прекрасно. Мне бы чашечку чаю, — попросил Дэниел, проходя мимо. — Ты не поверишь, салат опять подорожал. Пятьдесят пять пенсов! И это, прошу заметить, не кочанный, а из теплицы. Вот на этом всего ничего — десять листочков. Грабеж среди бела дня. Представляешь? Будь у меня место во дворе, я бы свой выращивал.

У Милли на этот счет сомнений не было. Дэниел поставил пакеты с зеленью на стол. Женщины посмотрели на него.

— Пока меня не было, посетители приходили? — спросил Дэниел, глядя на Милли, потянувшейся за добавкой.

Милли, не обращая на него никакого внимания, взяла себе рулетик с начинкой из индейки. Пенни прекрасно знала, что, как только Милли уйдет, Дэниел обязательно спросит, заплатила ли она. Конечно, нет. Она никогда не платит.

— Никого, — ответила Пенни и поставила на стол чашку для Дэниела.

Дэниел вернулся в зал и сел пить чай за стойкой. Потом принялся укладывать свежее испеченные кексы в плетеную корзинку. Они выглядели очень аппетитно на чистой желтой салфетке, несмотря на то что Пенни слишком щедро полила их помадкой, которая кое-где растеклась по бокам.

— Все руки перепачкаешь, — бормотал Дэниел будто бы про себя, неодобрительно хмурясь на шлепки помадки на бумажных формочках.

Женщины многозначительно переглянулись. Милли постучала себе по виску пальцами с зажатой в них сигаретой. Дэниел Стэнли безнадежен. Пепел с кончика сигареты слетел ей на плечо. Мужчины должны интересоваться боксом, футболом, политикой и автомобильными двигателями. А все эти приплясывания вокруг выпечки просто нелепы. В улыбке Пенни сквозила мрачная решимость. Она сама была сыта по горло странностями Дэниела, но никогда не призналась бы в этом даже лучшей подруге.

Милли пыхнула напоследок и бросила окурок во двор.

— Надо двигать, — сказала она, потянувшись за пальто. — Мне еще в парикмахерскую. Пора снова высветлить перья. Моя лучшая половина выводит меня сегодня на ужин, а я как пугало огородное. — Она натянула пальто. — Ну, будь здорова! — И ушла.

— Пока! — вздохнула Пенни.

Возможно, Миллин муженек малость растолстел, зато, когда приходит время выключать свет, прыти у него хоть отбавляй. Даром что он с ног до головы в татуировках и от него несет машинным маслом, зато в постели он кому угодно даст сто очков вперед. Настоящий Ромео, если верить Милли. Иногда, возвратившись с ней домой из паба после хорошей пьянки, он вставал на колени и что было мочи пел ей серенаду. Даже в два часа ночи. От начала до конца, а если соседи принимались колотить башмаками по стенам, то пел еще громче. Он целовал маленькие ножки Милли и постепенно добирался до ее смеющихся губ. Да, любовник он что надо. В доказательство у них подрастало шестеро ребятишек.

Мужа Пенни все семнадцать лет их совместной жизни больше интересовали чизкейки, чем ножки собственной жены. За все эти годы Дэниел не совершил... ничего эдакого в постели. Ни разу обозленные соседи не стучали в стены жилища Стэнли. Раньше они,

случалось, страстно целовались и танцевали, прижавшись друг к другу, в прокуренных ночных клубах. Но когда, возвратившись домой, они ложились в постель, все происходило слишком быстро, не оставляя сладостных чувств и воспоминаний. Несколько раз Пенни хотела поговорить об этом с Милли, но так и не сумела. Как станешь обсуждать такие интимные подробности с Милли Мортимер или с кем-либо еще!

Дэниел и Пенни никогда не раздевались в одной комнате. Переодеваться в ванной по очереди само собой стало правилом. Пенни не могла припомнить, как так получилось. Если грубый, неотесанный сварщик Джек Мортимер мог целовать растяжки на животе Милли и даже ее всклокоченные, пережженные химией волосы и пахнущие табаком губы, тогда чего не хватает Дэниелу? У Пенни была хорошая фигура, пышные кудри и гладкая, как шелк, кожа. Она носила красивое белье, всегда тщательно делала педикюр, пользовалась хорошими духами. И при этом Дэниел каждый вечер выходил из ванной в полосатой пижаме, ложился в кровать и устраивался поудобнее с очередной кулинарной книгой. С тем же успехом они могли бы спать в разных постелях.

Пенни зачитывалась любовными романами в мягких обложках. И когда у нее случайно получалось уговорить Дэниела обратить на нее внимание в постели, она неизменно бывала разочарована его более чем скромными усилиями. Почему он не срывает с нее одежду, задыхаясь от всепоглощающей страсти, как пишут в романах? Почему не прижимает ее к себе в темноте и не шепчет, что жизнь потеряет всякий смысл, если она его разлюбит? Почему желание не охватывает его в самое неподходящее время и в самом неподходящем месте? Милли и Джек как-то раз предавались любви среди бела дня в песчаных дюнах в Портстюарте, устроившись неподалеку от каких-то пресвитерианских богомольцев на отдыхе. Одно из двух: либо рассказы Милли Мортимер и любовные романы нагло врут, либо в семейной жизни у Пенни что-то не клеится...

Интересно, что бы предприняла Милли, узнай она, что Дэниел отказывался обсуждать с Пенни даже самую возможность завести ребенка? Он постоянно твердил, что для ребенка у них нет ни времени, ни места. И что они уже не в том возрасте, чтобы посещать центры планирования семьи и курсы для будущих родителей. Если бы Милли узнала, она бы силком потащила Пенни к адвокату и сама бы заполнила заявление о разводе. Вот как она поступила бы!

Нет, теперь уже слишком поздно взывать о помощи. Ситуация Пенни лучше всего укладывается в заголовок для местных желтых газетенки: «Семейная пара из Белфаста: мы делаем сэндвичи, а не детей!»

Она со стыда умерла бы, если бы кто-нибудь узнал о том, как проходят их дни и ночи наверху, над чайной «У Малдуна». Поэтому она просто говорила Милли, что у них на детей совсем нет времени.

Пенни налила себе еще чая и начала строить планы.

Главная беда, что совершенно не остается сил. Каждое утро она приступала к работе в половине седьмого и заканчивала в лучшем случае только после девяти вечера. Работа отнимала непомерно много времени. Да она, считай, за порог дома не выходит! Дэниел ведал финансовой стороной дела и каждый день, в обед, сам относил выручку в банк. Но Пенни хорошо знала, что у них достаточно денег, чтобы нанять работников и самим в кафе проводить меньше времени. Строго говоря, Пенни могла бы вообще не находиться в кафе. Если бы Дэниел нанял пару официанток, они бы вполне ее заменили. Ну, хотя бы уборщицу-то можно взять? Где это слыхано, чтобы хозяйка кафе сама все убирала и мыла? Стыд и

позор.

Пенни просто бесило, сколько времени он тратил настряпню. Он — как это называется? Трудоголик. По ней, вполне можно было бы покупать кондитерские изделия в булочной, как делал ее отец, когда управлял кафе. Им бы оставалось только подумать, как выигрышно подать их и красиво украсить витрины.

И пора им уже договориться о том, чтобы кафе по вечерам закрывать в нормальное время, несмотря на наплыв клиентов, после окончания мыльных опер. Но уговорить Дэниела на все эти нововведения — та еще задача. Ей понадобится немало мужества, чтобы только заикнуться о них.

Дверь отворилась, и в кафе влетела ватага чумазных школьников. Пороняв на пол портфели и хоккейные клюшки, они выстроились в неровную очередь за булочками с начинкой и песочными трубочками, чтобы подкрепиться по пути в школу. Пенни смотрела на их юные лица и думала, будет ли у нее самой когда-нибудь сын или дочка, о которых она сможет волноваться и заботиться. Детишек не мешало бы причесать, их школьную форму отутюжить. Зато аппетит у них, похоже, здоровый. Вскоре на витрине ничего не осталось. Когда дети убежали обратно в школу, Пенни смахнула горькую слезу и вытерла следы их пальчиков со стекла.

Она разрезала еще несколько булочек, положила на половинки консервированного тунца щедрую ложку домашнего майонеза, сверху украсила зеленым шнитт-луком. Она протерла столики и вымыла посуду. Подметая пол, она думала о красивой кухне из журнала. Наполняя сахарницы, вычищая дохлых мух из сетки на задней двери, мечтала об аккуратно подстриженных деревьях в саду и посудомоечных машинах с безупречным фарфором. А вынося во двор мусор, Пенни грезилась об огромных белых диванах и пышных подушках с бахромой по краям.

Глава 3

Бренда Браун из Белфаста

Было девять часов утра, кафе постепенно заполнялось посетителями. Сестры Кроули как раз собирали свои жестянки и длинные полосы объявлений, чтобы отправиться собирать пожертвования дальше, когда в кафе вошла неопрятно одетая молодая особа в заляпанных краской башмаках и заказала чашку чая. Резким движением откинув со лба черную челку, она отдала Дэниелу деньги за чай — пенс в пенс. Сестры Кроули часто задавались вопросом, зачем юная леди так коротко обрезала волосы сзади, если собиралась оставить длиннющую челку, закрывавшую ей лицо. Но девушка, бывшая объектом их презрения, попросту не замечала, какими испепеляющими взглядами они ее одаривали, пока она пила чай или ела что-нибудь в кафе «У Малдуна».

— Нет, тостов не надо, — ответила она Дэниелу.

— Могу я попытаться соблазнить вас яичницей по-ольстерски? Из свежих домашних яиц. Идет нарасхват. С аппетитным кусочком воздушного хлеба, только сегодня испекли...

— Нет, спасибо. Есть ничего не буду. Я не голодна.

На самом деле она была еще как голодна, но денег на сегодняшнее утро было мало. Пособие по безработице должно было прийти только на следующий день.

Дэниел покачал головой. С такими клиентами далеко не уедешь, оттого и выручка в иные дни совсем никудышная. Глядя, как она направляется к столику, он снова покачал головой: ладно еще, если пятно синей краски на ее джинсах уже высохло. На стульях и так пятен хватает.

Девушку звали Бренда Браун. Она была постоянным клиентом в кафе, благо что жила по соседству в однокомнатной квартирке. Казалось, Бренде нравилось одиночество. Нравилось слушать в наушниках «Радиоход» или «Плейсибо». Похоже, она обходилась без бойфренда. Она часами просиживала у стойки и писала длинные письма золотыми чернилами на красной бумаге, а потом запечатывала их в красные конверты. И бумага, и конверты неизменно были красные. Была у Бренды еще одна странность: она сама с собой разговаривала.

Бренда была художницей, и, следовательно, деньги у нее не водились. Мать Бренды совсем не разбиралась в искусстве, но, как могла, пыталась помочь непутевой дочери. Миссис Браун обожала ходить по барахолкам, так называемым распродажам «из багажника», и неоднократно предлагала сбыть там картины Бренды. Картины были непонятные: люди с синими лицами, с большими, заплаканными, взывающими о помощи глазами. Неистовые бури, старые, треснутые окна и большие черные дрозды, кружащие над голыми деревьями. Но ведь люди еще и не такое покупают. В этом и состоит прелесть подобных распродаж. Туда как раз и съезжаются люди, которые покупают очень непонятные вещи. Можно было бы запросто сбыть несколько творений Бренды.

Но Бренда вовсе не хотела, чтобы ее великий дар миру, произведения, в которые она вложила всю душу и сердце, томились в неизвестности на раскладных столах продуваемых всеми ветрами автостоянок. Бесчисленное количество раз ей приходилось объяснять матери, что ее картины не из тех, что просто вешают на стену для красоты или подбирают под ковер. Это живопись. Искусство. Настоящее искусство. И продаваться они должны в настоящих

художественных галереях, где их купят понимающие и восприимчивые к искусству люди, которые живут в домах с простыми белыми стенами. Все остальное было бы оскорблением ее таланта. Если бы все сводилось к коммерческому успеху, она, как горячие пирожки, выдавала бы акварельки с милыми ирландскими коттеджами и пустынными солнечными пляжами, была бы со всеми милой и любезной и в ус бы не дула.

— Я бы на твоём месте не стала отбрасывать такой вариант, — сказала мать, когда в очередной раз пришла навестить Бренду в её крошечной квартирке. Все углы и коридор были заставлены полотнами. Едва-едва хватало места, чтобы пройти, а о том, чтобы развернуться там с пылесосом и сделать уборку, и говорить нечего.

Двадцать четыре года, не ребенок, размышляла мать, пора бы подумать о серьезных заработках. Сама миссис Браун получала гораздо больше, чем Бренда за свои полотна, покупая и перепродавая старый хлам. Насколько ей было известно, её дочь не продала пока что ни одной картины.

— В конце концов, деньги есть деньги, а тут у тебя не мешало бы навести порядок, — поучительно заметила миссис Браун, споткнувшись о маленькую картину под названием «В ожидании любви».

Когда мать приходила в гости, Бренде оставалось лишь тяжело вздыхать да удивляться, как у её родителей, фанатов Элвиса, которые за всю свою жизнь не смогли выбраться в мало-мальски приличный музей, могла появиться такая замечательная и талантливая художница, как она. Да ещё в Белфасте! Добро бы в Донеголе или в Дублине. Вот где надо было бы родиться, вот где настоящая жизнь. Там жив кельтский дух и первозданная природа «гостеприимного края». Недаром Джеймс Джойс и вся эта братия писали там стихи в пропахших табаком и портером барах. Интересно, Боно и Эния добились бы успеха, если бы они родились в Богом забытой деревушке в графстве Тирон? Или если бы их назвали какими-нибудь дурацкими именами, например Мейзи Хегарти или Фрэнсис Магрорти?

С другой стороны, кто не знает Лайэма Нисона? Он родом из городка Баллимена, где-то неподалеку от Белфаста. Бренда сама там не была и не могла бы показать его на карте. Все же, несмотря на заурядное имя и малообещающее начало, Лайэм Нисон сумел стать всемирно известным актером. (На каждое правило найдется исключение.) Бренда подумала, что хорошо бы как-нибудь съездить в Баллимену посмотреть, есть ли в местном муниципалитете выставка, посвященная Лайэму Нисону, или мемориальная доска на доме, в котором прошло его детство. Возможно, если она отправится в Баллимену и пройдет по улицам, по которым когда-то ходил он, частичка его удачи и харизмы перейдет к ней. Бренда была суеверной, в голове её роились сотни причудливых идей и представлений.

Она была твердо уверена, что невыразительное имя и неудачное место рождения мешали ей по-настоящему проявить себя. Любой художник с благозвучной фамилией, которому довелось родиться в правильном месте, мог дать сто очков вперед таким, как Бренда Браун. Прошло два года с тех пор, как она закончила колледж; уже два года она создает свои великие произведения о любви и утрате, мире и войне, жизни и смерти. По большей части о смерти, если точно. Она неделями трудилась над каждой картиной, корпела над каждой деталью, смешивала на палитре сотни различных оттенков синего. А когда картина была закончена, дни напролет придумывала для неё запоминающееся название. И что же? Галереи не проявляли ни малейшего интереса. Все без исключения галереи на севере одна за другой отклонили её работы. Нет в мире справедливости!

Бренда теперь уже не замечала пятен краски на своей одежде. Обдумывая новую

картину, она беспрерывно бормотала что-то себе под нос.

Удел художника — одиночество. Девушки в ее возрасте мечтают о выгодных браках или романах с сомнительными мужчинами, заграничных путешествиях, модных машинах, дорогих квартирах, богатстве и карьере. Им и в голову не приходит все то, над чем бедная Бренда билась с утра до вечера. Она часами в полном одиночестве просиживала в своей крошечной квартирке, раздумывая о том, как непросто все устроено в этом мире. Взять хотя бы людей. Вот если бы Винсент ван Гог жил в наши дни, думала она, сидел бы он на антидепрессантах и продавал бы свои картины за бешеные деньги. Или его картины сегодня в такой цене только потому, что он вышел в чистое поле и выстрелил себе прямо в грудь? Бренде, конечно, хотелось славы, но идти к ней таким путем — это чересчур.

Или, скажем, если бы миром управляли поэты и художники, а не политики, стал бы мир от этого лучше? Или хуже? Или наша планета обречена вечно страдать от голода и войн?

Есть ли Бог на свете? Если есть, почему не прекратит все эти мучения? И вообще, почему Бог не *женщина*?

Странно, но никто из сверстников Бренды не разделял ее печали по поводу непонятной и саморазрушительной природы человека. Некоторые из тех, с кем она вместе училась в колледже, вообще обходили ее стороной. Завидев ее, они тут же исчезали в ближайшем магазине.

Только на прошлой неделе она видела, как Эмили Шедуик поспешила в оптику, — а ведь у Эмили было отличное зрение. Бренда знала об этом — знала, но не обижалась. В конце концов, она и сама не горела желанием вступать в разговор с Эмили, опять слушать про ее служебный роман с каким-то несостоятельным типом. Эмили буквально позволяла ему вытирать о себя ноги: спала с ним, платила за квартиру, в лепешку расшибалась ради него, — а он ни в какую не хотел жениться. Паразит! Нет, еще раз выслушать от начала до конца повесть об этой несчастной любви — верный путь в психушку. (Бедняжка Эмили готова была прыгать от радости, если ее бойфренд удосуживался подарить ей жалкий букетик за 2 фунта 99 пенсов.) Вот в чем беда большинства таких девиц — у них начисто отсутствует воображение. На уме только свадебные платья. Уж лучше Бренда будет жить сама по себе.

В ее жизни не было человека, с которым можно было бы поговорить по душам, поэтому она частенько разговаривала сама с собой. Она любила подбодрить себя джином с тоником; иногда, глядя, как она пересчитывает мелочь в ладони, можно было подумать, что у нее упадок сил с похмелья. Дэниел считал, что Бренда непредсказуема, и не сводил глаз с кассы, когда она отиралась поблизости, но Пенни она нравилась. Казалось, что Бренда пытается отыскать красоту в их промозглом, сером городе, и такое стремление Пенни не могла не оценить. Иногда, тайком от Дэниела, Пенни угощала Бренду сэндвичем или чаем и улыбалась, глядя, как она пишет письма. Словом, если кого-то и можно было назвать подругой Бренды, так это Пенни.

Пенни сгорала от любопытства, кому адресованы письма в красных конвертах, но она была слишком хорошо воспитана, чтобы спросить напрямик. Как-то раз, убирая со стола, она заметила адрес, и Бренда сама ей все рассказала. За чашечкой латте с ореховым пирогом — за счет заведения — они долго говорили об этом. Любая умудренная опытом женщина посоветовала бы Бренде повзрослеть, перестать витать в облаках, как говорится. Или брать от жизни все. Но Пенни и сама была немного мечтательницей.

Бренда была влюблена в актера Николаса Кейджа. Она годами писала ему любовные

письма, но ни одно так и не отправила. В письмах было полно всякой романтической чепухи вроде того, как чудесно было бы гулять вдвоем по парижским улочкам зимой, целоваться в хороводе кружащихся снежинок (на них обоих были бы длинные черные пальто). Или как бы она хотела сделать его черно-белую фотографию на кладбище Пер-Лашез (он бы устремил свой взгляд в небо, раздумывая о чем-нибудь возвышенном). А после они пили бы крепкий кофе в каком-нибудь захудалом баре, затерявшемся в безвестных глухих улочках (вдали от папарацци), и держались за руки. Все в этом духе. Она хранила письма в своей квартирке, под кроватью, в коробке из-под обуви. Там уже собралось девяносто два письма, все с марками, хоть сейчас отправляй.

Эти письма сыграли свою роль на ее дипломной презентации в 1997-м, правда, тогда их было всего пятьдесят четыре. Бренда перевязала стопку красных конвертов тонкой проволокой и возложила на «подушку» из бритвенных лезвий. Она назвала инсталляцию «Хрупкое сердце», и на ее руководителя эта работа произвела большое впечатление. Бренда получила диплом с отличием, множество лестных слов от декана, но, к сожалению, никаких заказов.

И вот, сидя в кафе за чашкой чая, Бренда сделала глубокий вдох, поднесла ручку к бумаге и начала писать.

5 января 1999 г.

Дорогой Николас Кейдж!

Надеюсь, это письмо застанет тебя в полном здравии.

Просто хочу сообщить, что посмотрела картину «Дикие сердцем» в ретроспективе фильмов Николаса Кейджа в Королевском кинотеатре: в жизни не видела ничего более захватывающего. Тебе очень идет пиджак из змеиной кожи, и тот эпизод, где ты куришь две сигареты разом, тоже очень впечатляет.

Я никогда не была за границей, но у моих родителей одно время был дом-фургон в Донеголе. Мы в нем жили все лето, сидели за откидным столиком, ели ветчину с помидорами и смотрели на Атлантический океан. А в это время ты жил там, на другом берегу, в Америке.

Увидев тебя в «Диких сердцем», я поняла, что ты просто родился звездой всемирного масштаба. А как ты убиваешь голыми руками подосланного убийцу в первой сцене! Потрясающе СТИЛЬНО. Вообще-то, я за мир и против насилия. Поскольку сама я родилась и выросла в Белфасте, думаю, надо расставить все точки над *i* в этом вопросе с самого начала. Я не выношу насилие в любых его проявлениях, если только речь идет не о фильме, сделанном с большим вкусом.

Лора Дерн тоже отлично сыграла — как она везет тебя через границу штата в старой машине с откидным верхом, врубив рок на полную, хотя и знает, что ты освобожден условно (и нарушаешь закон). А танцы в пустыне! Потрясающий фильм!

У нас был подержанный ржавый «воксхолл-кавалир». Мои родители, я и две мои сестры обычно ездили на нем в Бандоран. Всю дорогу туда и обратно слушали рок-н-ролл. Все больше Элвиса. Было бы здорово проехаться так в машине с открытым верхом и распевать под палящим солнцем его песню «В гетто». У нас,

правда, небо почти всегда было затянуто тучами. Или шел дождь. Большую часть времени мы поедали огромные, размером с тарелку, гамбургеры в закусочной «Перемена» в Бандоране. (Говорят, гамбургеры там уже не те, что раньше.)

Мне понравился фильм «Власть луны», где ты, в смокинге, однорукий, идешь в оперу с Шер. Я люблю тебя в роли пекаря с разбитым сердцем. Страдать и работать. Немного похоже на меня. (Я художник.) Можешь обвалить меня в муке, когда пожелаешь. (Шутка.)

Пожалуйста, пришли мне свою фотографию с автографом. Жаль, что имя у меня такое заурядное.

Пишу тебе, сидя в чайной «У Малдуна» на Малберри-стрит. Местечко тихое, и прямо за окном почтовый ящик — очень удобно.

С нетерпением жду ответа. Я твоя преданная поклонница.

Искренне твоя,

Бренда Браун

Бренда сложила письмо, поцеловала его и положила в хрустящий красный конверт (по 25 пенсов за штуку в магазине для художников «Бредбери графикс»). И написала золотыми чернилами: «Николасу Кейджу, голливудскому актеру, Голливуд-Хиллз, Голливуд, США». Потом наклеила несколько марок первого класса и нежно провела конвертом по щеке.

— Люблю тебя, Бренда Браун из Белфаста, — прошептала она с американским акцентом.

Как раз в ту минуту Пенни вышла из кухни с подносом чистых чашек и блюдец.

— Опять пишешь ему? Я бы на твоём месте отправила письмо сию же секунду. Ты ведь не будешь жить вечно. Да и он тоже. Я видела его вчера по телевизору — господи, да у него уже волосы редют! Мы все состаримся, пока тут у нас случится что-нибудь из ряда вон выходящее.

Бренда была поражена. Пенни говорила так прямо и резко — совсем на нее не похоже. Обычно казалось, что она самое тихое и покорное создание на свете. Но сегодня с ней явно что-то случилось и глаза блестели по-особому. Бренда встревожилась. Может, ее слова — знак, посланный ей, Бренде? Бренда верила в предзнаменования.

Она пулей вылетела из кафе, ринулась к почтовому ящику за окном и бросила письмо в щель. И тут же пожалела об этом. Заглянула в ящик, но было поздно. Письмо провалилось вниз, в темноту, на самое дно. Теперь оно стало достоянием почтового ведомства.

Ноги у Бренды стали ватными. Она на цыпочках вернулась обратно в кафе и опустилась на стул. Чай остыл. Она с надеждой посмотрела в сторону прилавка. Обычно Пенни бесплатно подливала ей чая, но сегодня удача отвернулась от Бренды. Пенни ушла на кухню, а за прилавком стоял Дэниел и, сдвинув брови, сосредоточенно резал большой торт, причудливо украшенный сахарной глазурью.

Бренда принялась тихо и медленно дышать, чтобы успокоиться и заставить сердце, рвавшееся из груди, биться равномерно. Она стала ждать почтальона, который должен был прийти в десять часов вынимать письма из ящика.

Глава 4

Дилемма Генри Блэкстаффа

Генри Блэкстафф стал следующим посетителем в кафе «У Малдуна» в этот день. Он пришел как раз, когда Бренда выходила. Она не ответила ему улыбкой на улыбку. Он направился к своему любимому месту у окна и сел. Дэниел тут же подскочил к нему. Генри поздоровался и заказал яичницу по-ольстерски с двойным воздушным хлебом и полный кофейник кофе. Дэниел был доволен — первый приличный заказ за день. Он принес вилку и нож и картинным жестом положил приборы на стол. Приемчик работает безотказно и приносит хорошие чаевые — проверено еще во времена работы в гостинице «Империял».

Генри вынул из кармана куртки «Гардиан». Расправил газету на столе и углубился в чтение.

Генри шел сорок второй год. Он был несостоявшимся писателем-романистом и целыми днями просиживал за большим столом в своей букинистической лавке на Грейт Виктория-стрит. Свой магазинчик, красивый дом и внушительную сумму денег он унаследовал от дяди, Берти Блэкстаффа. Берти сколотил состояние в Англии на строительстве железных дорог, собственной семьи у него не было, и, когда он умер, все досталось Генри. Он сидел в магазине, сочинял свои нудные романы, продавал кому-нибудь книгу-другую. Генри вел тихую, размеренную жизнь. Пока не встретил Аврору.

Однажды она зашла в его магазинчик в надежде найти первое издание «Джейн Эйр» или какой-нибудь роман Диккенса, подписанный автором, а нашла Генри. Они влюбились друг в друга с первого взгляда. Аврора Блэкстафф работала в школе и была ее главной достопримечательностью. В школе для девочек, разумеется, куда каждый год в сентябре принимали только лучших из лучших. Она преподавала английский язык и драму вот уже двадцать лет и сейчас исполняла обязанности завуча. Она посвятила свою жизнь борьбе с местными диалектами и популяризации классической английской литературы XIX века. В свободное время Аврора создала общество любителей литературы и назвала его «Общество почитателей Бронте». Члены общества собирались в ее доме дважды в месяц: втискивались в гостиную, чтобы принять участие в чтениях за чашкой чая.

Любой работе Аврора отдавалась энергично: завязав свои длинные белокурые волосы в тугий пучок, она отправлялась в школу, и ее платья в цветочек стремительно мелькали в школьных коридорах. Авроре было сорок пять, но выглядела она старше. Однажды, когда она ездил в Йоркшир с группой студентов посмотреть дом-музей сестер Бронте, ей показалось, что она услышала голос Эмилии, но вполне возможно, что то был всего лишь стон ветра над вересковой пустошью.

Детей у них не было. Аврора была слишком занята, а Генри все время проводил в мечтаниях о договоре с престижным издательством, которым не суждено было сбыться. Аврора порой замечала, что Генри стал как будто ниже ростом, и Генри мало-помалу пришел к выводу, что это, должно быть, от его общей разочарованности в жизни.

Сейчас Аврора была полностью захвачена осуществлением своего самого амбициозного плана. Она собиралась пристроить к задней части дома огромную оранжерею, чтобы проводить там заседания литературного общества. Популярность «Почитателей Бронте» крепла день ото дня. Газета «Айриш ньюс» в разделе «Культура» опубликовала статью о

деятельности общества, и после ее выхода в свет в почтовый ящик Авроры посыпались письма. В обществе уже состояло двадцать человек, а у нее лежало еще пятьдесят заявлений. Аврора тщательно отбирала претендентов. Она не желала, чтобы по ее викторианскому особняку на Мэлоун-роуд расхаживали толпы карьеристов и брачных аферистов, ели ее пирожные с сахарной глазурью и сэндвичи с огурцами.

Представитель фирмы, явившийся ознакомить их с прайс-листами, решительно не понравился Генри Блэкстаффу. Арнольд Смит показался ему скользким, нахальным типом, у которого была дурная привычка трогать чужие вещи. Генри не мог забыть, как Арнольд схватил антикварную вазу, внимательно изучил клеймо на дне и только потом поставил ее — не туда, откуда взял. Генри хотел было попросить Арнольда Смита тотчас же убраться вон из дома, но, к сожалению, фирма «Уэлли: элитные окна и оранжереи» единственная в городе способна была взяться за постройку такой огромной оранжереи, о которой мечтала Аврора. Генри помнил тот день до мельчайших подробностей. Вся его жизнь изменилась тогда.

— Мне он не нравится. Он просто льстец и шарлатан, — заявил Генри, когда синий «ягуар» Арнольда Смита тихо отъезжал от их дома по бетонной дороге. — Такой что угодно скажет, лишь бы заполучить клиента. «А вы, случайно, не актриса, миссис Блэкстафф? Мне кажется, я вас где-то видел...» Держит нас за идиотов?!

— Да, типаж выразительный, тут я готова с тобой согласиться, — ответила Аврора. — Но, в конце концов, у торговых агентов это в крови, все они любят поактерствовать.

— И когда же нам сообщат стоимость этого чудо-сооружения, хотел бы я знать? Не понимаю, почему нельзя просто снять помещение? Или собираться в пабе, заодно и выпить немного. Все так делают. Все эти ваши кружки и клубы по интересам.

— Генри, дорогой, я не могу допустить, чтобы наши собрания проходили в убогом помещении, где горит одна лампа и дует из всех щелей, или еще того лучше — в прокуренном кабаке, где сквернословят пьяные мужики. Атмосфера будет нарушена. У нас же не просто книжный клуб. Это другой уровень. Литературное общество.

— Ах, извините! У вас, оказывается, общество.

— Вот именно. И заседания общества должны проходить достойно, Генри, дорогой мой. Оранжерея решит все наши проблемы. У нас появится больше места, и тебе не придется бежать со всех ног и отсиживаться в этой твоей затрапезной чайной.

— Ты же знаешь, я всех твоих дамочек терпеть не могу. Особенно миссис Джонсон хороша — корчит из себя королеву Викторию, зачем-то носит митенки и дурацкую черную накидку.

— Не надо так волноваться, Генри. Ну, что, право, тебе так далась несчастная миссис Джонсон и ее трогательная накидка? Это, если хочешь знать, семейная реликвия, она сохранилась еще с викторианских времен. А миссис Джонсон на редкость эксцентрична! Надо будет нам устроить костюмированные чтения. Отличная идея, хоть я сама ее и предложила. А теперь, будь умницей, завари чай, хочу перед ужином просмотреть эти буклеты.

После ужина последовала чудовищная ссора. Аврора сообщила Генри, что чуть ли не весь его любимый сад придется уничтожить, чтобы разровнять место под оранжерею. Генри никак не ожидал, что она будет такой огромной.

— Мистер Смит заверил меня, — стояла на своем Аврора, — что его компания уже не первый год успешно справляется с большими, взрослыми деревьями. Ну, сам подумай,

может, оно и к лучшему, а? С этим садом у тебя столько хлопот! Да у тебя от работы скоро горб вырастит — если хочешь знать!

— А как же моя теплица, Аврора? Моя несчастная тепличка! Хоть она-то останется? Там столько редких образцов — мои эксперименты по прививке в самом разгаре...

— Ну, знаешь, Генри! Это уж слишком! Только не хватало, чтобы твоя ветхая развалюха портила мне весь вид из оранжереи! Прикажешь мне выступить перед аудиторией на фоне такого кошмара? Ха-ха-ха. Очень остроумно.

— Так что, получается, ты уже все решила? Это даже не подлежит обсуждению? Ты просто возьмешь и выбросишь растения, за которые я получил столько призов?

— Подумаешь, несколько чахлах доходяг. А ты как думал? Скажи спасибо, дорогуша. Кстати, я тут подумала, что тебе не плохо было бы отпустить усы, так ты удачно впишешься в атмосферу, когда будешь подавать закуски.

Генри промолчал. Чтобы достойно ответить на эту речь, ему пришлось бы прибегнуть к словам и выражениям, от которых Аврора упала бы в обморок.

Вспомнив эту сцену, Генри покачал головой. Он не мог сосредоточиться на газете. Может быть, Аврора права, и он действительно женоненавистник. Может, ему обидно, что жена сама принимает важные решения, связанные с большими расходами.

Он очнулся как раз, когда Пенни несла ему завтрак. Она держала в руках горячую тарелку, прихватив ее чистым полотенцем, чтобы не обжечься. Ему вдруг сделалось совестно, что этой милой женщине приходилось его обслуживать. За последние месяцы они сдружились. Пенни все знала про «Почитателей Бронте» и про отношение Генри к этой затее.

— Что-нибудь еще для вас, Генри?

Он покачал головой.

— Выглядит очень аппетитно, спасибо, — сказал Генри, чтобы сделать ей приятное. Кафе знавало лучшие времена, подумалось ему, но кормят здесь бесподобно. Недаром он ходит в такую даль с Мэлоун-роуд. — Аврора меня убивает, — начал он, когда Пенни уже собиралась отойти от его столика. — Еще один безумный прожект. Весьма дорогой на сей раз. Оранжерея. Огромная, будь она неладна! Весь сад бульдозером разворотят. А мне не дают даже слово сказать. Куда там!

— Какой вы славный, Генри! Повезло вашей жене — любую прихоть ее исполняют. Как я ей завидую! — Пенни не сказала Генри, что недавно вычитала в журнале: покупка оранжереи — верный знак того, что пара нуждается в расширении пространства. Что им двоим, вероятно, стало тесно в доме. Дэниел утверждал, что редакторы журналов половину статей просто выдумывают на ходу. И на этот раз Пенни с ним согласилась. В конце концов, что может быть плохого в красивой оранжерее? Пенни и сама не отказалась бы от такой.

Генри был польщен. Слова Пенни заставили его почувствовать себя романтическим глупцом, богатым мужем, который потворствует прихотям своей хорошенькой женочки. Отныне именно такой линии поведения он и будет придерживаться. Притворится, будто передумал, скажет Авроре, чтобы она смело выбирала лучшую конструкцию, невзирая на цену. Потом, когда придет время выписывать чек, она сама засомневается, стоит ли запускать руку в сбережения. И объявит, что все отменяется, а Генри будет так великодушен, что не скажет заветное: «А что я тебе говорил!» И вновь станет для нее обожаемым мужем.

Генри решил помириться с Авророй, а потом они вместе посмеются над ее дурацким

оранжерейным проектом. Да, подумал он, завтра в это время от ее затеи и следа не останется. Непозволительная роскошь — выбрасывать такую уйму денег, и на что? На хобби, всего-навсего! Выкорчевать араукарию чилийскую, которую посадил еще дядюшка Берти, уничтожать все деревья ради минутного каприза? Не зайдет же она так далеко, в самом деле?

Почувствовав себя гораздо лучше, Генри заправил яичницу солью и перцем и приступил к завтраку.

Глава 5

Тайная жизнь Сэди Смит

Генри Блэкстафф не мог и предположить, что женщина, которая только что вошла в кафе, — не кто иная, как многострадальная жена торговца оранжереями Арнольда Смита. Ее звали Сэди. Главная кухарка в хозяйстве Смита. Ответственная посудомойка, единственная нянька при его занудных родителях и мученица, с какой стороны ни посмотри.

Убедившись, что в кафе нет никого из знакомых, она сняла платок и темные очки и направилась к прилавку. Сэди Смит сидела на диете, но в кафе «У Малдуна» подавали лучшие в городе домашние чизкейки.

Сегодня вишневый — Сэдин любимый. Огромные темные вишни сверху, а с них по краям бледно-желтого основания стекает блестящая заливка. Сэди не могла дождаться, когда Пенни или Дэниел обслужат ее. Они, как назло, застряли на кухне и вернулись за прилавком только секунд через тридцать, никак не меньше. Сэди уже изнывала от нетерпения, когда ей, наконец, удалось привлечь их внимание. Она заказала два куса чизкейка, свежие сливки, два шарика ванильного мороженого и еще капучино с тертым шоколадом. Свой заказ она прошептала Дэниелу, словно шпион, раскрывающий государственную тайну. Пока Пенни подогревала молоко, Сэди уселась спиной к другим столикам и принялась ждать, чувствуя, как ее желудок весь сжался от предвкушения. Когда перед ней поставили все, что было заказано, она набросилась на еду, как будто ей грозила голодная смерть. Дэниел заговорщически подмигнул ей, старый искуситель. Он знал, отчего она готова пуститься во все тяжкие. Дамочки на диете приносят хороший доход.

Сэди старалась не думать о своем муже Арнольде. Она нарушала диету, притом демонстративно, и Арнольд был бы очень разочарован. Но он никогда не узнает. В такое заведение его никакими силами не затащишь. Забившись в укромный уголок этого неприметного кафе на Малберри-стрит, она могла втайне от всех и совершенно безнаказанно вкушать запретные плоды.

Уже две недели Сэди питалась исключительно низкокалорийными супами и салатами без заправки. Ходила вечно голодная и раздражалась по пустякам. Несмотря на все жертвы, ей удалось сбросить всего один жалкий килограмм. Встав на весы, она не испытала ничего, кроме горького разочарования, оно-то и привело ее сюда. Каждая клеточка ее тела расслаблялась и блаженствовала, когда горячий кофе со сливками ласково касался ее губ. «Как Арнольд когда-то», — вздохнула она печально. Как давно, страшно давно это было. Еще до того, как он с головой ушел в продажу оранжерей, балконных дверей и замков с противовзломной сигнализацией. Губки Сэди быстро разомкнулись и так же быстро сомкнулись. Вишневый чизкейк таял у нее на языке и оседал в истосковавшемся по кулинарным изыскам желудке. Проглотив последний кусочек, она закрыла глаза от удовольствия и вздохнула. Она была полностью удовлетворена.

Сэди годами сидела на диетах, но всякий раз дело заканчивалось тяжелым провалом. Ее прикроватная тумбочка была забита книгами о правильном питании. Все попытки похудеть шли по одному и тому же точно выверенному сценарию. Перво-наперво она покупала книгу о диете. Садилась на диету в понедельник и шесть дней с упорством религиозного фанатика соблюдала ее. В субботу днем, закупаая продукты на неделю вперед, она уступала настойчивым желанием и покупала сэндвичи с беконом и томатным соусом и шоколадные

эклеры со взбитыми сливками. Она ела весь вечер без остановки и ложилась спать с чувством жесточайшего отвращения к себе. В воскресенье утром она пихала весы на нижнюю полку шкафчика в ванной и старалась не думать о своей фигуре приблизительно два месяца. Потом она покупала новую книгу о диете.

Когда ей был двадцать один, она весила восемьдесят четыре килограмма. И сейчас, в сорок один, она весила столько же. Она была небольшого роста, и поэтому Арнольд дразнил ее: «Ах, ты, моя кружка-толстушка» или «Крепкая репка росла, росла, да так и не выросла». Ей не нравилось вспоминать об этом. А также о годах, проведенных за подсчетом калорий или перемешиванием свежих фруктов с безвкусным йогуртом. Она всюду ходила пешком, носилась по магазинам с сумками — бесполезно. У нее были круглые белые ноги, похожие на две пухлые сардельки. Отправляясь на важные мероприятия, она всегда мучилась с выбором платья. И всегда старалась подыскать что-нибудь, что могло бы скрыть ее короткую шею, толстые лодыжки, квадратную спину, широкие бедра и рыхлые колени.

Она посмотрела на часы. Морис и Дейзи были предоставлены сами себе уже два часа. После серьезной операции на колене, которую Дейзи перенесла пять лет назад, родители Арнольда жили вместе с ними. Должно быть, уже волнуются, где же обед. Сэди нехотя взяла пальто и сумочку и поспешила расплатиться. Чек выбросила в урну при выходе из кафе. От острого взгляда Арнольда ничего нельзя было утаить. Нужно купить цветов по дороге и дома сказать, мол, вышла за цветами, чтобы подбодрить Дейзи, которая только-только оправилась после простуды. Ее поход в чайную останется секретом.

К несчастью для Сэди, и у Арнольда тоже был свой маленький секрет.

Едва она открыла дверь, чтобы выйти наружу, как вдруг распознала приметный «ягуар» мужа, скользящий вдоль по Малберри-стрит. Сэди отпрянула и скрылась за дверью. Нельзя, чтобы ее заметили выходящей из кондитерской. Муж сразу же поймет, чем она тут лакомилась. Она выглянула из-за шторы. Его шикарная, сверкающая в слабых лучах утреннего солнца машина не спеша подъехала ближе. Сам он улыбался и поглаживал по колену чрезвычайно худую блондинку, нашептывая ей что-то на ушко. Заметив, как он поднял одну бровь, Сэди поняла, что он говорит какие-то непристойности. Потом он и вовсе отвел глаза от дороги — никогда не позволял себе такого, если в машине сидела Сэди, — и плотоядно посмотрел туда, где заканчивался вырез на блузке женщины. Женщина в свою очередь откинула голову назад и громко рассмеялась, обнажив длинные, хищные клыки. Она потянулась к Арнольду и ослабила узел на его галстуке, а он схватил ее руку своими жадными пальцами и поднес к губам. Круглое лицо Сэди от изумления впечаталось в стекло витрины: Арнольд поцеловал унизанную кольцами руку спутницы, как если бы он был принцем из пантомимы, а она Спящей красавицей. Потом они повернули на Камден-стрит. И исчезли из виду.

Спотыкаясь, Сэди вышла из чайной, стояла на улице и вглядывалась им вслед, широко открыв рот, как рыба, выброшенная на берег.

Ее муж, Арнольд, был важным, самоуверенным бизнесменом — продавал местным нуворишам оранжереи, напичканные разными новомодными придумками. Внешне он был совершенно непримечателен, да и полноват, между прочим, но все недостатки компенсировала его властолюбивая натура. Если Арнольд находился в комнате, никто не мог и слова сказать. У него на все имелось свое мнение, и он всегда был прав. Не важно, о чем шла речь — о мировой политике или повсеместно испортившемся вкусе хлеба, выпекаемого на хлебозаводах, — Арнольд всегда был прав.

Но Сэди любила его. Любила его неукротимую решимость. Арнольд никогда не сдавался. Не в пример Сэди, с ее неудавшимися диетами, Арнольд упрямо шел к цели: если уж он решил продать оранжерею, он не отступит, пока не заключит сделку. Он умел оценивать людей и играл на их тщеславии, недостатках и слабостях. Он убеждал их, что оранжерея — верный шаг к решению всех проблем. А уж расписывался он — ну просто министр. Арнольд задира л нос, но дело свое знал.

Сэди прощала ему его гонор, а он закрывал глаза на ее далеко не идеальную фигуру. Их интимная жизнь была скучной и предсказуемой, плодом ее стали два сына, которые сейчас жили в Австралии. Как у нее повернется язык сообщить им такую ужасную новость?

Она, совершенно убитая, стояла и ждала автобуса. Когда он подъехал, Сэди ни с того ни с сего рассыпала все монеты, и они попадали в водосточный желоб. Сэди даже не подумала их поднять. Она протянула водителю блестящий фунт. Он прокомпостировал ей билет. Она не поблагодарила его, он тоже не сказал «спасибо». По пути домой она не позволяла себе думать об Арнольде и его тайной любовнице: не знала, что думать. Ее мозг превратился в кусок сыра. Высококалорийного, выдержанного чеддера. Сэди чувствовала себя полной дурой, обжорой и неудачницей. Как в тумане она вышла на своей остановке.

В то время как Сэди с трудом передвигала ноги по улице, небеса разверзлись, и на нее и на букет розовых гвоздик, который она купила для Дейзи, обрушился проливной дождь. Капли дождя больно били по лицу. Она сообразила, что оставила свой зонт за дверью чайной «У Малдуна». Домой она пришла промокнув до нитки, ее отчаянию не было предела.

Глава 6

История Дэниела Стэнли

День промчался в лихорадочной круговерти из посетителей, уборки и грязной посуды. В семь часов стихло, и Пенни с Дэниелом сели ужинать на кухне. Пенни поделилась с Дэниелом своими предложениями, вряд ли стоит говорить, что они его мало впечатлили.

Его совсем не вдохновляла идея нанять уборщицу, пару официанток и предоставить Пенни свободное время. Зачем оно ей? Бывали недели, когда о выручке говорить не приходилось. Но главное, почему не стоит нанимать персонал: при нынешнем положении дел накладные расходы сведены до минимума. Он терпеливо повторял и растолковывал Пенни давно знакомые ей доводы.

А тут еще как гром среди ясного неба — она хотела, чтобы они попробовали завести ребенка, пока не поздно. Он был потрясен до глубины души: неужели она все еще носит с этой безумной идеей? Он полагал, что она давным-давно выбросила ее из головы и что теперь им ничто не мешает без лишних хлопот вести семейный бизнес.

Он объяснял ей, что невозможно будет заниматься чайной и ребенком одновременно, они просто не могут позволить себе такой роскоши.

— Не беда, что нет детей, зато, только представь, от скольких неприятностей мы себя избавили. Ни тебе бессонных ночей, ни кошмарных месяцев, когда режутся зубы. В конце концов, никто не будет ползать под ногами, подбирать с пола случайно оброненные монетки и пух с ковра, совать в рот всякую дрянь, а потом задыхаться, пока не постучишь по спине...

— Откуда ты столько знаешь о детях, если они тебя не интересуют? — не отступала Пенни.

— Я слышал, как Милли тебе рассказывала. Судя по всему, ее дети — просто ужас. Стоит ей на минуту отвернуться — они уже что-нибудь сломали или сами поранились.

— Они не всегда будут маленькими, Дэниел. Потом они подрастут, начнет проявляться их личность.

— Еще хуже! Придется искать хорошую школу. А потом они будут драться во дворе и являться домой в порванной форме. Уроки их делать не заставишь, а на подростков вообще управы нет...

— Да ну, Дэниел, ты чепуху городишь! Ты бы послушал себя! Говоришь, как ворчуньи Кроули. Наш ребенок никогда не стал бы таким. Мы бы его любили и воспитали хорошим человеком.

— В этой жизни никто не застрахован, Пенни. Как ты можешь быть уверена в том, что после не передумала бы, не захотела бы повернуть все вспять, когда были только ты, я и наше маленькое кафе?

— Потому что я точно знаю, что любила бы нашего ребенка, несмотря ни на что.

— Ты сама не знаешь, что говоришь.

— Ну конечно, лучше всю жизнь подавать чужим людям чай с тостами и булочки с кремом, чем дать жизнь ребенку!

— А я-то думал, что чайная тебе небезразлична так же, как и мне, Пенни! В конце концов, она принадлежала твоей семье. Это же твое, твое кровное дело!

— Дэниел, я правда люблю наше кафе. Я знаю, что ты трудишься не жалея себя и что кондитер ты первоклассный. Но я не хочу проводить здесь пятнадцать часов в сутки. Я не

становлюсь моложе, я хочу ребенка. — Из глаз ее брызнули слезы.

— У меня что, нет права голоса?

— Конечно, есть. Но это я буду вынашивать ребенка, рожать и кормить его. У меня осталось не так-то много времени, Дэниел... — Она судорожно всхлипнула.

— Что-то ты разнервничалась, Пенни. Ну же, успокойся. Я только хочу сказать, что в один прекрасный день тебе все это может до смерти надоест. Вдруг ты захочешь вернуться к прежней, свободной, необремененной заботами жизни?

— С какой стати? Разве я не самая терпеливая женщина на свете?

— О чем это ты?

— А как бы иначе я смогла выдерживать тебя все эти годы? — не успокаивалась Пенни.

— Послушай, давай сегодня ляжем спать пораньше. Хочешь?

— И ты опять примешь меры предосторожности?

Он ничего не ответил. Все было ясно и так.

— Не нужно одолжений, Дэниел. Я прекрасно знаю: для тебя это не больше чем еще одна постылая обязанность!

Она бросилась вон из кафе в квартиру — сделать себе горячую ванну. Она возьмет с собой в ванну бутылку охлажденного вина, хрустальный бокал и новый любовный роман. Она пролежит там весь вечер, и пусть Дэниел сам обслуживает последних посетителей и убирает, если ему так по душе этот проклятый ресторанный бизнес.

— Нет, — говорила она своему отражению в ванной, — уму непостижимо! Теперь он пытается убедить меня, что я не хочу ребенка, когда завести ребенка всегда было моим самым заветным желанием. А я еще даже не заикнулась ему о приличном доме с садом. Мне начинает казаться, что Милли была права на его счет! Что-то здесь нечисто.

Она поставила бокал вина на стул, рядом положила толстый роман в мягкой обложке и осторожно шагнула в ванну, наполненную горячей водой, над которой возвышалась десятидюймовая шапка густой пены. Но в тот вечер она не прочитала ни строчки. Она просто лежала, уставившись в потолок, потягивала вино и строила планы, пока вода совсем не остыла.

Дэниел долгое время ходил по кухне мрачнее тучи. Он понимал, что не следовало сегодня так разговаривать с Пенни. И раньше тоже. Закрыв чайную на ночь, он уселся за столик и стал размышлять над собственной жизнью, о том, что привело его к кризису. Потому что он чувствовал — кризис назрел. Пенни уже не первый год заводила разговор о детях, но до сих пор ему всегда удавалось убедить ее, что лучше подождать немного, пока у них не скопится приличная сумма в банке, пока не стабилизируется политическая ситуация, пока они не найдут Пенни замену и не обучат нового работника всему, чтобы он мог взять на себя ее обязанности. Сейчас он понимал, что больше увливать не удастся, — время вышло.

Да, странное дело, да и жизнь странная тоже.

Прижимистость Дэниела Стэнли была притчей во языцех у всех, кому довелось иметь с ним дело. За все годы, что он работал шеф-поваром в отеле «Империял» в Белфасте, он ни разу не угостил сослуживцев выпивкой, ни по поводу, ни тем более без.

Однажды официанты приклеили к полу пятифунтовую банкноту и чуть не надорвали животы со смеху, наблюдая, как Дэниел пытается отодрать ее. Веселье поутихло, когда он отпарил ее чайником, высушил на батарее и затем аккуратно убрал в карман. Тут все поняли, что он просто ненормальный. Впрочем, всем, кто родился и вырос в Белфасте, не привыкать

к разного рода помешательствам, так что со временем Дэниела приняли таким, какой он есть, вместе с его скупердядйством.

Раз в год для служащих устраивали автобусную поездку на побережье. Обычно в Ньюкасл, откуда открывался великолепный вид на горы Морн. Всем нравился тамошний увеселительный центр с игральными автоматами, веселый звон монет, вылетающих при выигрыше. Музыкальные автоматы крутили бодрые мелодии, которые неслись над головами счастливых толп отдыхающих дальше к морю. Кукла-гадалка в маленьком стеклянном ящике предсказывала только светлое будущее.

Джон Андерсон, старший официант, лично заказывал автобус и собирал деньги за проезд, а также смотрел, чтобы водитель оставался трезвым и доставил всю компанию обратно домой в целости и сохранности. Все с нетерпением ждали поездки и по дороге туда и обратно распевали песни. Короче говоря, это был лучший день в году.

Компания из двадцати человек гуляла на полную катушку: пинтами пили эль в старинных барах, выстроившихся вдоль берега, и скармливали игральным автоматам свою зарплату. Уминали за обе щеки рыбу, обильно приправленную солью и уксусом, с картошкой-фри, и каждый год гадали, отчего это нехитрое блюдо здесь на побережье, где воздух наполнен морскими запахами, кажется особенно вкусным. Поглощали мороженое со взбитыми сливками по десять порций на брата и несметное количество розовых облаков сахарной ваты. А с собой в подарок семье покупали каждый по стеклянному брелку и несколько осколков прибрежной скалы на липкой ленте.

Под вечер мужчины устраивали забег вдоль берега — проигравшего несли к воде и прямо в одежде бросали в поблескивающие волны под радостный визг женщин.

Дэниел Стэнли ни разу в жизни не ездил вместе со всеми. Каждый год Джон Андерсон спрашивал, бронировать ли для него место в автобусе, и каждый год Дэниел отвечал: «Спасибо, не стоит, у меня другие планы». Правда, никогда не говорил, какие именно. Он никому ничего не рассказывал ни о себе, ни о своем прошлом. Немногословный малый. Но прошлое Дэниела уже почти настигло его. Шел 1981-й. Дэниелу было двадцать девять, и он оставался загадкой для всех.

Никто из его сослуживцев не знал, что его мать, красавица Тереза, бросила его в 1956 году. Дэниелу, единственному ребенку в семье, тогда было только четыре. Отец его еще раньше уехал в Америку: Тереза, пробыв замужем две недели, на шестом месяце беременности обнаружила, что ее новоиспеченный муженек уплыл искать счастья в Новом Свете. Тереза проплакала три месяца, а потом родился Дэниел. Она выбросила все свадебные фотографии и стала как-то приноравливаться к жизни. В то время в городе работы было сколько хочешь. Молодежь стремилась в места, где климат потеплее и условия получше. Тереза устроилась официанткой в закусочной поближе к центру и переехала в маленький домик на Магнолия-стрит, где арендная плата была ниже средней. Половина улицы в войну была разрушена, и до восстановления дело пока не дошло. Вскоре Тереза завела любовника. Потом другого. Большинство ее спутников были очень славные малые и все без исключения писанные красавцы, но ни один не хотел связывать себя с замужней женщиной, да еще с ребенком. Рано или поздно каждый находил предлог, чтобы больше с ней не встречаться.

Последний раз Дэниел видел мать в солнечный июньский день в 1956 году. Он играл с ребятами в войну на нагретых солнцем развалинах разрушенных домов. Дэниелу всегда приходилось быть Гитлером, потому что он был самым маленьким на улице. Мальчишки

побольше носились за ним взад и вперед по дороге и кидались в него, в его костлявую спину каштановыми орехами — ручными гранатами.

Тереза позвала сына домой и дала ему большой кусок торта с вареньем и кремом.

— Веди себя хорошо, — сказала она. — Будь опрятным, следи за собой, работай усердно, и я приеду и заберу тебя.

Потом она отвела его домой к женщине, которая обычно присматривала за ним, когда Тереза была на работе, и поцеловала на прощание. Но на работу она не пошла. Дома на столе она оставила записку о том, что ей придется ненадолго уехать. Она не взяла с собой ничего, кроме красной помады и пары новых туфель.

В обед соседка зашла попросить заварки для чая и обнаружила записку на кухонном столе. В считанные минуты перед входом собралась небольшая толпа: все топтались, шептались, что будет дальше. Детям наказали успокоиться и прекратить игры. Власти были подняты на ноги. Было известно, что миссис Стэнли водила дружбу с несколькими мужчинами, но ни один из них не откликнулся на просьбу предоставить какие-нибудь сведения об исчезнувшей.

В дом позвали священника — преподобного отца Игнатия Малкахи. Он пообещал молиться о том, чтобы Тереза пожалела о своем решении и вернулась к маленькому сыну. Сказал, что поместит объявление в приходском журнале. Он похлопал Дэниела по голове, вздохнул и дал ему шиллинг. А что еще ему оставалось? Ох уж эти матери-одиночки! Беда с ними. Все начинают чудить без надежного мужа, который наставлял бы их на путь истинный. А ему самому нужно читать больше проповедей о ценности брака.

Молодой полицейский с зелеными зоркими глазами обыскал весь дом в поисках улик и на каминной полке нашел последнее уведомление с требованием внести арендную плату, а также одиннадцать неоплаченных счетов — в жестяной форме для кекса на буфете. Было высказано предположение, что у Терезы Стэнли помутился рассудок, когда она поняла, что погрязла в долгах. В намеренном преступлении ее никто не заподозрил. Маленький дом был повторно сдан внаем паре из Портадауна, не придававшей особого значения суевериям, — многие побоялись бы въезжать в дом, где поселились печаль и несчастье. Еще несколько месяцев обескураженные жители Магнолия-стрит перешептывались и делились друг с другом всякими соображениями, но мало-помалу о Терезе Стэнли все позабыли.

Но Дэниел не забыл. Он хранил серебряный шиллинг, который подарил ему отец Малкахи, и был уверен, что его красавица мама вернется, как только закончит все свои дела. Она была не похожа на других матерей. Она красила губы ярко-красной помадой, она была красивая, она на весь дом распевала песенки из фильмов и меньше всего беспокоилась о тряпке или работе по дому.

Несколько благотворительных организаций в Нью-Йорке прилагали огромные усилия, чтобы разыскать отца несчастного мальчика, который тихо сидел в гостиной тети Кэтлин на улице Карлайл-Серкус, что на севере Белфаста. Шли месяцы. Но найти отца ребенка так и не смогли, и в итоге право опекуна передали Кэтлин. Хотя Кэтлин и Тереза приходились друг другу родными сестрами, трудно было представить двух настолько разных людей. Тереза — красавица с бурным темпераментом и романтической душой, фантазерка и кокетка. Кэтлин же красотой не отличалась, зато была очень практичной. Она не признавала никаких завихрений и глупостей. Кремень. Так обычно о ней отзывались.

— Пенни сбереженное... — внушала она маленькому Дэниелу по меньшей мере десять раз на дню.

— ...все равно что пенни заработанное, — тихо повторял он заученную истину. Пожалуй, это было единственное, что они говорили друг другу. Других проявлений родственных чувств не случилось.

Кэтлин ничего не выбрасывала, берегла даже бечевку, которой перевязывали свертки в магазине, и обмылки. Она была не замужем и работала на табачной фабрике. Она не привыкла заботиться о детях и нечасто разговаривала с Дэниелом, разве что причитала, как нелегко ей приходится с Терезиным отпрыском, когда Дэниел просил велосипед или кулек ирисок. Кэтлин не тратила с трудом заработанные деньги на свежие цветы для собственной гостиной или черепаховые гребни для своих густых темных волос. Ее нимало не трогали ни пирожные на прилавке, ни сочная ветчина. И племяннику своему, непутевому, она игрушек не покупала. Из-за такой вот расточительности, приговаривала она, бедняжка Тереза плохо кончила.

Дэниел исхудал и замкнулся в себе, все детство его преследовал запах одежды из благотворительных магазинов для бедных и мучительный позор нищеты. Он часто думал о матери и молился, о том, чтобы в один прекрасный день она пришла, веселая и красивая, на их Магнолия-стрит и забрала его домой, покупала бы ему всякие вкусности и баловала бы его. Но его мольбы остались неслышанными.

Когда Дэниел подрос, тетюшка пристроила его учиться ресторанному делу. Он долгими часами горбатился в разных забегаловках по всему городу и рано усвоил, что единственный верный способ добиться успеха — усердно и много трудиться.

К двадцати четырем годам он стал шеф-поваром в одной из лучших гостиниц в городе и пользовался всеобщим уважением. К тому времени, когда его тетка неожиданно умерла, завещав дом и скромное состояние католической церкви, в сердце Дэниела уже не осталось места для радости и сострадания. Он похоронил тетю просто, не тратясь на цветы и надгробие. Она была бы довольна.

Он переехал в съемную квартиру и с головой погрузился в работу. Его рвение принесло ему повышение по службе и небольшую прибавку к жалованью. Но сколько ни работал он сверхурочно, как ни откладывал, а деньги на счете все равно прибывали медленно. Он решил экономить. Поменял свою крошечную квартирку на Эглантайн-авеню на неотопливаемую комнату в студенческом квартале. Святая земля, как называли эту часть города, была мало похожа на милую Эглантайн-авеню. Студентам было плевать, чистые ли у них занавески на окнах и ухожен ли палисадник. Он скучал по двухэтажным домикам, каштановым деревьям и эркерам на Эглантайн-авеню, но постоянно отрезвлял сам себя напоминаниями о том, что все это не так важно по сравнению с финансовой стабильностью. Он повсюду ходил пешком, даже утром зимой, когда особенно холодно, в автобус не садился. В редкие выходные дни читал книги из библиотеки или гулял по Ботаническому саду, сам заходил погреться в оранжерею с тропическими растениями. Он бросил курить, покупать газеты, ужинать в пабе — отказывал себе во всем, кроме самого необходимого. Каждую пятницу он спешил в банк положить на счет заработанные деньги, а чековую книжку хранил дома под половицей. На женщин он не заглядывался. Непредсказуемые создания — обходятся дорого и в один прекрасный день бесследно исчезают.

Однажды, разыскивая на гостиничном складе перец горошком, он наткнулся на ящик с разными принадлежностями для косметического кабинета. Тщательно упакованные, в деревянном ящике лежали и благоухали косметические средства превосходного качества. Секунду помедлив, он залез в ящик и взял кусок мыла и шампунь.

В тот же вечер он вынес их из гостиницы: когда он прощался с портье, сердце бешено колотилось. Подумаешь, всего лишь мелочи для личного пользования, уговаривал он сам себя. Небольшой навар. Компенсация за маленькое жалованье и долгий рабочий день — тяжкий удел всех гостиничных служащих. Он чувствовал небывалый подъем, ощущение собственной силы, столь редкое в его однообразном, сером существовании.

Неделю за неделей Дэниел выискивал новые возможности поживиться за счет гостиничного имущества. Тут шкаф оставили незапертым, тут вновь прибывший товар вовремя не пересчитали. Из шкафчика уборщицы он прихватил несколько рулонов бумажных полотенец и банку крема для обуви. Из буфета для персонала беззастенчиво таскал чайные пакетики, индивидуальные упаковки шоколадного печенья и плоские квадратные ломтики сыра чеддер в целлофановой пленке. Стоило бармену отвернуться, как вместе с льняной салфеткой исчезали куриные крылышки и бутылки с апельсиновой шипучкой. В номерах он поживился дорогим махровым полотенцем, комплектом простыней и чайником.

Это странное увлечение завладело им полностью. Украсть что-нибудь было проще простого, все в гостинице были настолько заняты, что никто и не замечал, как он шныряет по коридорам. Как-то раз он, осторожно балансируя, прошел через толпу в вестибюле, неся на голове хрустальную вазу под новым накрахмаленным поварским колпаком! Даже когда он украл дорожные часы остановившейся в гостинице миссис Констанции Деларги и на место происшествия вызвали полицию, никто не стал обыскивать его карманы. Он был вне подозрений.

Вера в свои воровские способности росла в нем день ото дня, и Дэниел редко уходил с работы, не прихватив какой-нибудь «сувенир». За полгода его комната оказалась битком набита разными вещами, а потом ему пришла в голову мысль начать сбывать украденное. Он ездил с чемоданом на барахолки под открытым небом по всему северу, в полной уверенности, что никто не узнает его, если он будет держаться подальше от Белфаста. Деньги потекли рекой. Наконец его счет в банке стал на что-то похож.

Казалось бы, преступный замысел Дэниела был идеальным. Гостиничные запасы постоянно пополнялись, богатые постояльцы были легкой добычей, а покупателей на рынке прельщали товары по сходной цене, пусть даже и сомнительного происхождения. Но это не могло продолжаться вечно. Как сказала однажды тетя Кэтлин, все хорошее когда-нибудь кончается. По случаю своего тридцатилетия он, окончательно зарвавшись, снял со стены в конференц-зале посредственную акварель, на которой был изображен берег Портстюарта. Он завернул картину в кашемировое пальто, купленное в комиссионном магазине в Оксфэме, и принес домой.

Владелец гостиницы мистер Айвор Твиди сразу же заметил, что картина исчезла, и приказал служащим глядеть в оба, пока не установят, кто мог это сделать: нечистые на руку постояльцы или, возможно, кто-то из своих. В вестибюле поставили охранника, а остальные картины намертво закрепили на стенах. Мистер Твиди смеялся шуткам гостей и широко улыбался каждому встречному, но при этом оставался начеку: он не терпел воровство — в любых его проявлениях и любых размерах.

Карьера Дэниела в гостинично-ресторанном деле внезапно оборвалась два месяца спустя, когда он был замечен с банками консервированных фруктов, льняными салфетками и разрозненными чашками и тарелками на рынке в соседнем прибрежном городке Бангоре. Было пасмурное сентябрьское утро, понедельник. Зорким свидетелем преступления оказался не кто иной, как старший официант, Джон Андерсон.

Увидев, как Дэниел протягивает две банки консервированных ананасов женщине в зеленом пальто, Джон Андерсон не сразу понял, что происходит. Женщина отдала Дэниелу несколько монет, он их пересчитал и преспокойно опустил в карман. Джон сначала не поверил своим глазам, но ошибки быть не могло. Это точно был Дэниел Стэнли: его черные, как вороново крыло, волосы, его манера зачесывать их назад, открывая загорелый лоб. Глядя сквозь толпу в гавани, Джон понял, что его старый знакомый и коллега — вор.

Чтобы хорошенько обдумать сложившееся положение, старший официант заказал двойное виски в баре «Якорь». Решиться выдать товарища далось ему нелегко. Очень нелегко. Может статься, у бедного малого финансовые трудности, а на гостиничном жалованье далеко не уедешь. Может, он задолжал букмекерской конторе, или ломбарду, или какому-нибудь шакалу ростовщику. С другой стороны, если гостиница несет убытки, то все они рискуют остаться без работы. Джон Андерсон выкурил пару сигарет и съел картофельную запеканку с мясом. С тяжелым сердцем он набрал номер владельца гостиницы с платного телефона на барной стойке.

Когда мистер Твиди поднял трубку, его лицо сделалось пунцовым, сэндвич с ростбифом и горчицей застыл на полпути к открытому рту. Мистер Твиди приказал вскрыть шкафчик Дэниела; после того как гостиничный слесарь выполнил поручение, там обнаружили сорок банок с канадским лососем, двадцать чайных ложек, сто кусков лавандового мыла и посеребренный соусник. Начали расследование, проверили всю отчетность. Вывод: Дэниел воровал гостиничное имущество больше года. С невероятной скоростью весть об этом распространилась по всей гостинице. С женской частью персонала чуть было не случился истерический припадок, когда открылось, что Дэниел Стэнли всего лишь обыкновенный воришка. Примчавшись с работы домой, женщины с порога сообщали домочадцам эту сенсационную новость. Миссис Догерти из прачечной заявила, что всегда подозревала: с их шеф-поваром дело нечисто. Все-таки совершенства в мире быть не может, мудро заметила она.

Мистеру Твиди потребовалось выпить в баре четыре бренди и портвейна, чтобы успокоить нервы. Его правый глаз сильно дергался при мысли о прелестном пейзаже с пляжем в Портстюарте, дорожных часиках Констанции Деларги и о бог весть каком количестве банок первосортного канадского лосося, которые прямо у него из-под большого багрового носа стащил тот, кому он без раздумий доверил бы свою жизнь.

Когда Дэниел вышел на работу в тот вечер, его уже ждали в комнате для персонала. Мистер Твиди выразил горькое разочарование в своем лучшем шеф-поваре и незамедлительно уволил его без рекомендательных писем. Он добавил, что у него руки чешутся заехать Дэниелу по физиономии, но он человек набожный и не признает насилия. Мистер Твиди также сообщил Дэниелу, что не станет заявлять в полицию, чтобы избежать скандала, а с семьей Деларги он давно дружит. Но он лично проследит за тем, чтобы Дэниела на пушечный выстрел не подпустили ни к одной гостинице в стране. Он наперечет знает всех, кто держит гостиницы в Ольстере, и Дэниелу в этом городе не видать работы как своих ушей, даже в захудалой сосисочной!

Два швейцара, злорадно ухмыляясь, препроводили униженного Дэниела вон из здания, причем один из них умудрился сшибить с Дэниела белый поварской колпак, и хлопнули дверью прямо перед его носом. Он одиноко стоял посреди зацементированного двора, около мусорных баков и пустых пивных бочек. Начинал моросить дождь. Второй раз в жизни Дэниел оказался один-одинешенек в этом мире.

Несколько дней он раздумывал над сложившимся положением, сидя в своей комнатке на Пэлистайн-стрит. Без рекомендательных писем нечего было и думать устроиться на приличное место. У него скопилась кое-какая сумма на счете, но, чтобы открыть собственное дело, денег требовалось значительно больше. Слава богу, у него хватило ума сказать мистеру Твиди, что он проиграл все деньги, вырученные от продажи краденого, на скачках! По крайней мере ничего не пришлось возвращать. Он внимательно изучал свои большие голубые глаза в облупившемся зеркале и снова вспоминал свою прекрасную мать, красавицу Терезу, которая понадеялась на то, что внешность сделает ее счастливой и богатой.

Но судьба была немилосердна к Терезе. Иначе она обязательно вернулась бы за ним. А ведь в то время разбогатеть было куда легче. Может, найдется богатая вдовушка или разведенная, которая пожелает разделить свое состояние с приятным спутником?

С этой мыслью Дэниел нарядился в новый шикарный костюм от «Доддса» на Чичестер-стрит и направился в модный ночной клуб в центре города, недалеко от реки. В ту ночь, если верить рекламе, должна была состояться вечеринка «Новая романтика» или что-то в этом духе. Дэниел предположил, что туда вполне могут заглянуть любители повеселиться из более престижных районов, таких как Мэлоун и Култра. Дрожащей рукой он протянул пятифунтовую банкноту за вход подростку с двумя сережками в левом ухе. Прошел к бару и заказал безалкогольный напиток со льдом и кусочком лимона. Он облокотился на стойку и застыл в позе, которая, как он считал, призвана была выразить его огромный жизненный опыт, и стал ждать. Паук, расставивший сети. В ожидании крупной мухи.

Мухой оказалась Пенни Малдун. Она стояла около бара и ждала свою лучшую подругу Милли. Увидев Дэниела, она тут же влюбилась в него. На ней были новые туфли, в которых ужасно болели ноги, но стоило ей заметить загадочного незнакомца в ослепительно белой рубашке, как боль сама собой улетучилась. Ей казалось, будто по ногам разливается шипучий лимонад, а сердце колотилось так сильно, словно целый полк барабанщиков выбивал дробь. Она подумала, что мужчина у стойки, со скучающим взглядом, похож на певца и композитора Брайана Ферри. И пиво не пьет, подметила она, наблюдая за тем, как изящно он потягивает лимонад из высокого стакана. Непьющий мужчина с прекрасными манерами. Такого нечасто увидишь в Белфасте. Подружки тоже не видно. Как и обручального кольца. Вот удача!

Пенни напрямик направилась к Дэниелу. Он заметил золотое ожерелье, поблескивающее на ее белой шее. На ожерелье было написано: «Пенни».

— Извините, — начала она разговор. — Вы кого-то ждете?

Дэниел посмотрел на ожерелье, которое сверкнуло на свету.

— Пенни, — произнес он. — Вас ведь так зовут?

— Да, — подтвердила она, совсем позабыв об ожерелье, в голове тотчас всплыли предсказания цыганки.

— Милое имя, — заметил он.

— Спасибо. А как вас зовут? — Она уселась рядом с ним на высокий стул.

Он оцепенел от смущения, но сумел сохранить спокойствие. Несколько официантов из гостиницы «Империял» только что вошли в клуб и остановились у бара: он знал, что за ним наблюдают. Девушка была совсем юной, лет семнадцати. Вряд ли она окажется полезной ему — наверняка небогата и живет не одна, но ради не спускающих с него глаз официантов он улыбнулся своей самой ослепительной улыбкой. Ему нравилось ее имя. Подходящее имя

для жены бережливого человека. Свет приглушили, под потолком закрутился сверкающий шар. Дэниел предложил своей даме чего-нибудь выпить. Ничего другого ему не оставалось. Иначе пришлось бы приглашать ее на танец. Он ни разу в жизни не танцевал и не собирался начинать сейчас, когда за ним пристально наблюдали бывшие коллеги. Пенни поправила волосы, улыбнулась и попросила шампанского.

— Спасибо, я обожаю шампанское, — поблагодарила она. — Но должна вас сразу предупредить, от него у меня начинает кружиться голова. Я вас никогда здесь не видела. Вы в наших краях недавно?

— Нет, — ответил он. — Я здесь родился и вырос. Просто я нечасто выбираюсь куда-нибудь, вот и все. Боюсь, танцор из меня неважный.

Они разговорились. Через полчаса, когда Милли на всех парах влетела в клуб, Пенни была уже по уши влюблена.

Официанты, внимательно следившие за происходящим, никак не ожидали встретить в ночном клубе Дэниела Стэнли в модном костюме. Костюм-то, кажется, совсем новый. Туфли начищены до блеска, стильная стрижка. Белая рубашка с расстегнутыми верхними пуговицами приоткрывала грудь, которая за несколько месяцев торговли ворованными товарами на свежем воздухе покрылась золотистым загаром. Сидит себе и болтает как ни в чем не бывало с хорошенькой девчонкой, вдвое моложе его. «Надо же, — удивлялись они. — Поистине никогда не знаешь, чего от кого можно ждать».

В гостинице поговаривали, будто Дэниел Стэнли женщинами вовсе не интересуется. Что, возможно, у него другая ориентация. С чего же еще мужчине с приятной внешностью сторониться женщин? Вон другие, красотой не блещут, а только и делают, что волочатся за представительницами прекрасного пола.

«М-да, жизнь вечно преподносит сюрпризы, — судачили они. — Ведь проворовался весь как есть. И хоть бы что, как с гуся вода. Старик Твиди у нас гордый, заявлять в полицию не пошел. Дэниел Стэнли разгуливает себе на свободе кум королю. А тут еще *на* тебе, сидит, голубчик, и крутит с такой красоткой, что слюнки текут. Похоже, только школу закончила. Наш пострел везде поспел!»

Дэниел и Пенни пересели за маленький мраморный столик, беседа их стала еще оживленнее. Милли пришлось сидеть со знакомыми девчонками и беспомощно наблюдать, как Пенни хлопает ресницами и флиртует с великовозрастным кавалером. Милли не терпелось познакомиться с ним и задать пару вопросов на засыпку. Как ни крути, а Белфаст — маленький город, не повредит с самого начала знать, с кем имеешь дело. Для того чтобы узнать об этом незнакомце все, что нужно, не понадобилось бы много времени. В какой школе учился; где работал; есть ли сбережения, брошенные ревнивые жены, малолетние дети? А может, у него криминальное прошлое? Некоторые мужчины забывают сообщать своим новым пассиям некоторые подробности. Но Пенни ни разу в тот вечер не пригласила подругу присоединиться к ним. Она встретила мужчину своих девичьих грез и не собиралась упускать его. Как ей соблазнять его, если Милли будет рядом?

Пенни села поправее и расправила плечи, чтобы ее маленькая грудь казалась больше; она накручивала локоны на пальчик и старалась поймать глазами взгляд Дэниела.

Дэниел же перегнулся через стол, чтобы лучше слышать Пенни, и часто кивал. Через определенный промежуток времени он отправлялся к бару за напитками. Милли и официанты заворуженно наблюдали за старым как мир обрядом ухаживания, который происходил прямо на их глазах.

Говорила в основном Пенни, Дэниел держал под прицелом дверь, высматривая кандидатуру получше. Пенни рассказывала ему, как однажды встретила кинозвезду — и где! В закускойной в Блэкпуле. Актер был настолько пьян, что не мог достать деньги из кармана и расплатиться за ужин, в конце концов хозяин забегаловки махнул на него рукой. Дэниелу эта история не показалась интересной, но он вежливо улыбнулся. Он размышлял о том, что, возможно, ему стоит вступить в гольф-клуб или записаться на вечерние курсы в Королевский университет. Знать бы, где собираются богачи?

Пенни сказала ему, что обычно сама первая не знакомится, но в нем она почувствовала что-то особенное. Что-то благородное, старомодное. Она рассказала ему, что ни братьев, ни сестер у нее нет, родители уже люди в возрасте. И она помогает им вести семейный бизнес: они держат чайную на Малберри-стрит. Называется «У Малдуна». А вот это уже интересно! Он прекрасно знал это место. В двух кварталах от его скромного жилища. Маленькое, непритязательное местечко. Удачно расположено в центре студенческого квартала, кругом полно молодых людей, в первый раз оказавшихся вдали от дома. Большинство из них принадлежит к среднему классу, они небось не в состоянии сами намазать хлеб маслом. Вероятно, денежки в кафе текут рекой. Дэниел улыбнулся своей самой очаровательной улыбкой, и сердечко у Пенни ёкнуло.

Диджей поставил любимую пластинку Пенни. Ему показалось, она сказала, что группа называется «Экспандер Балет». Но как он выяснил позднее, это было «Спандау Балет» произнесенное с белфастским акцентом.

Некоторые посетители устремились на танцпол и начали как-то странно дергаться, подняв руки вверх, как будто они играли на невидимых барабанах. Дэниелу показалось, что у одного парня подведены глаза, но он не мог сказать наверняка. Он посчитал, что на каждом черном замшевом ботинке этого парня было по двенадцать пряжек. Это же надо так расфуфыриться, возмутился про себя Дэниел, и это в старом добром Белфасте! Однако такой кричащий наряд вовсе не вредил популярности танцора у женщин: в паре с ним танцевала сногшибательная красотка в бархатном платье. Дэниел несколько секунд их разглядывал. Голые бледные руки девушки украшало множество серебряных браслетов, которые отражали свет от сверкающего шара на потолке. А танец-то, кажется, незамысловатый, думал Дэниел, изучая богемную парочку.

Его молоденькая собеседница притопывала ногой и кивала в такт музыке. Он пригласил ее танцевать. Они встали. Пенни была высокая, Дэниел тоже. Они хорошо смотрелись вместе, когда Дэниел вел ее на танцпол. Протанцевали около получаса, а потом, когда начался медленный блок, рука Дэниела скользнула по спине Пенни, а она нежно и в то же время чувственно обвила руками его шею. Они прижались друг к другу близко, как любовники, и двигались под музыку так слаженно, словно всю жизнь профессионально занимались танцами. Дэниел что-то шепнул Пенни на ушко, и она, прижавшись щекой к его плечу, закрыла глаза. Официанты онемели от зависти, а Милли подумала, что теперь ей придется найти новую подругу для походов в пабы и клубы Большой Коптилки.

Они поженились без лишнего шума. В канун Нового года, в 1982-м. Дэниелу был почти тридцать один год, Пенни только восемнадцать. На свадьбе было двадцать гостей — родственники и друзья семьи Пенни. Тетушка Дэниела, Кэтлин, давно умерла и отошла, надо надеяться, в лучший мир. Других родственников у него не было. Давнишнее исчезновение матери и свое недавнее увольнение он скрыл. А Пенни сказал, что его покойную матушку звали Кэтлин, но он нечасто навещает ее могилку, потому что всякий раз уж очень

расстраивается. Еще он сказал ей, что его босс о нем самого высокого мнения, — узнав о свадьбе, он ради такого случая отпустил его с работы на неограниченное время. Никого из своих бывших друзей по «Империялу» Дэниел не пригласил, отговорившись тем, что не станет созывать толпу своих друзей, когда платит за все отец Пенни. К тому же друзей у него так много, что нелегко будет выбрать, кого пригласить. Да и зачем, в конце концов? Он так любит Пенни, что больше ему никто не нужен, он ничуть не огорчится, даже если они будут одни в церкви. В качестве свадебного подарка он преподнес невесте прелестный пейзажик с пляжем в Портстюарте.

Дождь лил весь день. Свадебный кортеж подъехал к ветхой гостинице в Портраше, на северном побережье, где должны были чествовать новобрачных. Все выстроились на набережной для общей фотографии, когда внезапный порыв ветра сорвал с Пенни шляпку, перенес ее через перила и швырнул в море. Шелковые цветы на полях потемнели в ледяной воде. Еще минуту шляпка подпрыгивала на волнах вверх-вниз, а потом тихо ушла под воду, как веночек на похоронах. Будь среди присутствующих Бренда Браун, она обязательно увидела бы в этом происшествии дурное предзнаменование, но в то время, когда шляпка Пенни тонула, семилетняя Бренда раскрашивала несмывающимися фломастерами узоры на обоях, которые недавно поклеила ее мать.

В банкетном зале гостиницы гуляли сквозняки, но они не помешали маленькой компании хорошо повеселиться. Гостей угощали домашним овощным супом и мягкими булочками с завитками из масла, фаршированной куриной грудкой и картофельным суфле. Официантки разносили молодую морковь и цветную капусту на блюдах из нержавеющей стали и, накладывая, немилосердно грохотали ложками. Дэниел все посматривал на серебряные подсвечники, но от греха подальше держал руки под столом. Наконец подали крошечные креманки с вишневым десертом, залитым взбитыми сливками. Потом разрезали свадебный торт, украшенный очень мило серебряными подковками, и стали наливать чай и кофе из обжигающе горячих чайников.

Длинных речей не говорили. Отец Пенни покашливал, чтобы скрыть дрожь в голосе, пока рассказывал гостям, сколько радости принесла в их жизнь Пенни, неожиданный поздний ребенок. И конечно же, он надеется, что Пенни и Дэниел будут счастливы всю жизнь — так же, как счастливы они сегодня.

Потом он объявил о своем намерении отойти от дел и передать дорогую его сердцу чайную счастливым молодоженам в качестве свадебного подарка. А над чайной, добавил он, есть маленькая квартирка, в которой они могут неплохо устроиться, пока не купят собственный дом. Все захолопали, и стали громко кричать и радоваться, и дружно выпили за пригожего жениха и за скромницу невесту. Дэниел обнял Пенни и нежно ее поцеловал. Отец Пенни дал знак оркестру начинать играть, все встали и подняли бокалы.

Дэниела и Пенни вытолкали танцевать, и они, немного сбиваясь, закружились в вальсе. Пенни закрыла глаза — она была на седьмом небе от счастья. Несколько месяцев назад гадалка предсказала ей, что она выйдет замуж очень рано. И вот она покорена сказочным красавцем. Зрелым мужчиной тридцати лет. Не каким-нибудь неуклюжим юнцом, ее ровесником, который на первом же свидании постарался бы ее раздеть, даже не взглянув ей в лицо.

Она не помнила себя от радости. Не было сил ждать, когда же начнется медовый месяц. Подружка Милли предупреждала, что хорошо бы выждать немного, узнать Дэниела получше, прежде чем выходить замуж. Слишком он хорош, чтобы это было правдой, вот что твердила

Милли. Но Пенни была уверена, что бедняжка Милли просто умирает от зависти. Ее последний парень, Джек, работал на верфи, и лицо у него было такое, что детишки буквально плакали от страха.

Дэниел был доволен собой. Он втайне надеялся, что ему предложат работать в семейной чайной Малдунов, и теперь ему все принесли *на блюдечке*. (Пардон за каламбур, подумал он про себя.) В конце концов настал и на его улице праздник. Интересно, жив ли еще его отец: может быть, сидит сейчас где-нибудь в Америке на крыльце в кресле-качалке и ест кукурузный хлеб. Он вспомнил Терезу — она гордилась бы им, он чувствовал. Ей бы понравилась эта вечеринка с танцами у самого моря. Вспомнил он и о тете Кэтлин, угрюмой и молчаливой, которая считает свои небесные пенни где-то там, высоко над ним, в темнеющем небе.

Глава 7

Женщина в бархатной шляпке

В тот вечер, когда Пенни совершенно некстати завела разговор о ребенке, Дэниел отправился спать в соседнюю комнату и всю ночь проворочался на жестком матрасе. Он недолго раздумывал, стоит ли ему уступить пожеланию Пенни — сократить часы ее работы. Это означало бы, что придется нанимать дополнительный персонал. А если у Пенни появится больше свободного времени, она начнет ходить по магазинам, разглядывать детскую одежду и будет умолять его подарить ей ребеночка. А если у них появится ребенок, что тогда? Ей понадобится новый дом. Настоящий дом с собственным парадным входом и садом с качелями. А там, глядишь, и еще один ребенок, чтобы первому было веселее. У женщин вечно какие-то фантазии на уме, прямо беда. Пяти лет не пройдет, как они с Пенни останутся без средств к существованию. На чае с сэндвичами далеко не уедешь: он просто не смог бы содержать семью и платить наемным работникам, даже если бы сам вкалывал с утра до ночи.

На следующее утро он принес Пенни чай в постель и, надеясь выиграть время, сказал, что подумает над ее словами.

— А пока, — добавил он, — нам лучше продолжать в обычном режиме. Так что я займусь выпечкой, а ты наведи порядок в зале. Пол неплохо бы вымыть.

— Вот что я скажу тебе, Дэниел, — проговорила она медленно, подложив под спину подушку и устраиваясь поудобнее. — Я не собираюсь наводить порядок в кафе ни сегодня, ни завтра, никогда.

— Что?

— Никогда. Ты меня понял?

— Ты с ума сошла?

— Я устала до смерти, с меня хватит. Или за порядком будет следить уборщица, или убирай сам. Тебе решать.

— Но я же занимаюсь выпечкой!

— С сегодняшнего дня я работаю восемь часов, и ни минутой больше. Это и мое кафе тоже, если ты забыл! И у меня тоже есть право голоса.

— Неужели? Каков же будет твой вклад в наше общее дело, разреши поинтересоваться? — не унимался он.

— Я собираюсь приступить к работе в девять, обслуживать посетителей и готовить суп на обед. А теперь дай мне поспать, иначе я за себя не отвечаю. Хочешь, чтобы в кафе было чисто, — поторопись. Я тебя не задерживаю. — Она допила чай, легла и до носа натянула пуховое одеяло.

Дэниел постоял еще секунду, онемев от неожиданности. Прежняя Пенни навсегда исчезла в эту ночь, ее место заняла новая Пенни, которая больше не боялась ему перечить. Уже без четверти семь, а в духовке пусто, в раковине гора грязной посуды с прошлого вечера и нигде полы не мыты...

— Ты решила устроить забастовку? — спросил он.

— Да, черт побери, решила.

— Но, Пенни, как ты можешь? Это ведь и твое кафе...

— Точно!

— Какой смысл...

— И вот еще что. С сегодняшнего дня можешь спать в другой комнате. Оттого, что ты лежишь здесь и полночи читаешь свои кулинарные книги, толку мало — только мешаешь мне спать!

Дэниел вышел и тихо закрыл за собой дверь, как будто в доме кто-то умер. Пенни ждала, что он взорвется, раскричится, даже ударит ее. Она представляла, как они, задыхаясь от ярости, дерутся на темной лестнице и он тащит ее вниз мыть полы, их руки и ноги переплетаются в отчаянном единоборстве. Но он тихо спустился вниз и занялся выпечкой. Она лежала и слушала привычные звуки раннего утра: вот заработали кухонные машины, а вот звякнули бутылки с молоком. Ей самой не верилось, что она решилась на это.

Услышав, как одиноко звякнуло ведро во дворе, она чуть было не помчалась вниз ему на подмогу, но потом вспомнила о Джеке и Милли Мортимер. Если бы кто-нибудь в день ее свадьбы сказал ей, что она будет завидовать любовным отношениям этой парочки, она бы смеялась до коликов. Нет, будет так, как она решила, даже если на это уйдет вся жизнь. Все ее существование в один миг сделалось хрупким. Каждая минута тянулась бесконечно долго, каждая могла закончиться чем угодно.

Пусть она смертельно устала и нервы никуда не годятся, все равно она будет стоять на своем. Дэниел не привык, что она способна действовать не посоветовавшись с ним, — вот и все. Ничего, привыкнет — придется! Ей просто нужно все время ссылаться на усталость, как только он попросит ее что-нибудь сделать. Ему придется забыть про свои драгоценные пирожные, закатать рукава и вкалывать самому. На этот раз она не уступит. Она ему устроит — через пару месяцев такой жизни он дойдет до ручки. От нее требуется только одно — сохранять спокойствие и потихоньку подталкивать мужа к мысли о том, что она права. Постепенно, шаг за шагом. Только так можно добиться успеха. Соотношение сил медленно, но верно смещалось в сторону Пенни.

В тот день в кафе вошла состоятельная на вид женщина и поинтересовалась у Пенни, не передавали ли ей журнал. «Журнал по дизайну интерьеров, с фотографией большого антикварного шкафа на обложке», — объясняла женщина, ее большие серые глаза переполняло беспокойство. Пенни была так поражена красотой женщины, что не особо вслушивалась в ее вопросы. Макияж был безупречным, дымчатые тени нанесены от края верхнего века до аккуратно оформленных бровей. Пенни всегда подмечала такие детали, она точно знала, что эта косметика не из дешевых, продается в красивых упаковках в больших универмагах. От запаха дорогих духов у нее чуть голова не пошла кругом. Какой-то женский инстинкт заставил Пенни оглянуться вокруг и убедиться, что Дэниела нет поблизости.

Вся одежда на женщине была из бархата сливового цвета: пальто до пола, отделанное по кромке бисером, большая мягкая шляпа и шарф с вышивкой.

— Так вы не находили?

Конечно, находили, но только Пенни очень не хотелось отдавать журнал.

Женщина объясняла, что именно этот номер ей особенно дорог. Единственный сохранившийся экземпляр ее первого журнала, который она сама от начала до конца подготовила к выпуску. Десять лет назад. Пенни даже не разглядела дату на обложке.

— Вы уверены? — Пенни очень хотелось оставить красивый журнал себе. — Что-то не припомню, чтобы находила тут старый журнал.

— Нет-нет, он совсем не похож на старый. Потому что интерьеры, которые там сняты,

не устарели, они прекрасны во все времена! — воскликнула женщина, убирая выбившуюся прядь волос за маленькое, аккуратное ушко. — Он должен быть где-то здесь! Меня обслуживал очень симпатичный мужчина. Может быть, журнал у него? Может, мне лучше у него спросить?

Так дело не пойдет, подумала Пенни.

— Подождите минуту. — Пенни не слишком убедительно сделала вид, что роется под прилавком. — Ах, вот же он... — Она неохотно протянула журнал женщине. Нужно уметь проигрывать.

— Спасибо, большое вам спасибо! Вечно я все теряю, — поблагодарила женщина и заказала чашку травяного чая.

Пенни наблюдала за ней из кухни и гадала, понравилась ли она Дэниелу. Он даже не упомянул о ней.

Одета хорошо, очень хорошо. Судя по всему, намного состоятельнее, чем обычные посетители их кафе. И акцент какой-то странный: смесь белфастского с нью-йоркским. Это и понятно, в конце концов, она в издательском бизнесе, рассуждала Пенни. Разъезжает по миру, живет то тут, то там, останавливается в дорогих красивых отелях, как тот, с красной гостиной. Интересно, как ее занесло сюда, в их захудалое кафе. Надо надеяться, она не ресторанный критик и не готовит обзор о белфастских забегаловках.

Пенни и Дэниел не разговаривали друг с другом всю неделю. Если и общались, то строго по делу — уточнить заказ клиента.

Дэниел надрывался целый месяц, выполняя львиную долю работы. Но потом не выдержал и в середине февраля нанял уборщицу. Ее звали Крошка Мэри, но друзья, по ее словам, называли ее Мэри Чистюля. Она приходила каждый день после полудня, и меньше чем через час кафе сияло чистотой. Пенни поражалась, как ловко и быстро Мэри справляется с уборкой: сильными, ритмичными движениями она водила шваброй по полу и никогда не терла одно место дважды. И самое удивительное, полы выглядели намного чище, чем когда их мыла сама Пенни. С ее лица стала сходить усталость, она снова начала улыбаться и каждый день с нетерпением ждала появления Мэри. Она платила ей прямо из кассы и старалась не замечать, какой несчастный вид у ее мужа.

Мэри понимала, что в семье Стэнли не все гладко, но вмешиваться и давать советы было не по ее части. Ей платили за уборку кафе, и она делала свое дело. Она слыхала что-то про кражи из гостиницы, про Дэниела Стэнли и его чудачества. Поговаривали, что его вырастила сумасшедшая тетка, которая пятьдесят лет ходила в одном пальто, и что он и сам деньгами не расшвыривался.

Но Мэри была не из тех, кто болтает лишнее.

Глава 8

Бренда участвует в выставке

Бренда Браун была в приподнятом настроении. Ее бледное лицо светилось надеждой, когда в пять часов она вошла в чайную «У Малдуна» и заказала сэндвич с сыром и маринованными огурцами, острые кукурузные чипсы и большую колу со льдом и лимоном. Поглощая ужин, она писала письмо ручкой с золотыми чернилами.

28 февраля 1999 г.

Дорогой Николас Кейдж!

Дошло ли до тебя мое последнее письмо?

Я все жду фотографию с автографом. У меня для нее приготовлена серебряная рамка.

Я тебе уже писала, что я художник? Скоро в местной галерее будут выставлены мои последние работы. Я и еще несколько выпускников сняли галерею в складчину на две недели, и каждый представит по пять вещей. Мы никак не могли решить, кто, что и куда будет вешать. Каждый претендовал на большую стену напротив окна. В результате она досталась Тому Райли-Данситу. Он заявил, что свет из окна — неотъемлемая составляющая его скульптурных композиций и эта стена ему жизненно необходима. Вечно он строит из себя невесть что. А сам делает из выхлопных труб большие вопросительные знаки, вот и все творчество.

Остальные сейчас в галерее, бегают с банками белой эмульсии, суетятся. На участке стены, который достался мне, тоже была выбоина, но я заделала ее специальной липкой лентой, а потом закрасила.

К письму прикладываю открытку с моей картиной «В ожидании траурной процессии». Она о похоронах подростка, погибшего во время уличных беспорядков. Том Райли-Дансит сказал, что картина скучная, невыразительная и вообще некомильфо.

А я ответила ему, что он-то сам сваривает куски старого хлама и выдает это за современное искусство, потому что слабо рисует. На втором курсе он провалился на рисунке с натуры, но я не стала никому об этом рассказывать, чтобы не ставить его в неловкое положение.

Тебе нравится картина? Видишь, в толпе много симпатичных девушек, которым он, мертвый парнишка, нравился. Картина о том, что бы он сделал, сколько бы всего узнал, если бы жил в другое время и в другом месте. О том, что насилие — это тупик.

Я подумываю сменить имя на какое-нибудь другое, более загадочное, чем Бренда Браун. Какое-нибудь чисто ирландское имя, при упоминании которого все сразу бы представляли наследницу старинного аристократического рода, с огромным состоянием и вольнолюбивым нравом.

Может быть, Аойфе Фицджеральд-Конвей?

Или Джеральдин Мерфи-Магуайер.

Может быть, я трачу время на ерунду.

Перед началом все соберутся у меня подзаправиться, то есть, я хочу сказать, в честь открытия выставки мы немного выпьем.

Скорее всего я, как обычно, надену черный брючный костюм и белую блузку, зачешу волосы назад и приглажу гелем. Без определенного пола и вне времени. Побольше темных теней, и никакой помады. Меня вряд ли назовешь сексуальной. Но мне нравится думать, что я обладаю некой своеобразной красотой. Которая не сводится просто-напросто к внешним данным. (Надеюсь.)

Ну ладно, надо бежать. Пожелай мне удачи.

Искренне твоя,

Бренда Браун

P. S. Я твоя преданная поклонница. Пожалуйста, пришли мне фото с автографом.

Бренда смаковала каждый кусочек сэндвича и кукурузных чипсов. Она решила потратить часть денег из своего скудного бюджета на бутылку джина, тоник и пачку льда в баре, прежде чем двинуться домой переодеваться. Нужно будет успокоить нервы перед открытием.

Не забыть бы припрятать джин, пока остальные не явятся. Художники — ни у кого, ни гроша за душой. От ее джина в мгновение ока ничего не останется. Хватит с них и дешевого пива. Не такие уж они ей и друзья, рассуждала Бренда. Собираются у нее просто потому, что она живет рядом с галереей. Между прочим, неплохо бы спрятать еще и краски, чистые холсты и диски с записями «Радиоход». Убрать банку с кофе тоже не помешает. Некоторые из выпускников художественных школ влчат нищенское существование, ради денег глаз у тебя потихоньку вынут. Разумеется, Том Райли-Дансит был исключением: его скульптуры нарасхват, не успевает клепать, притом что за каждую такую кучу мусора он заламывал восемьсот фунтов. Все носятся с его работами только из-за его звучного имени, с горечью разьясняла себе Бренда.

А потом она вспомнила, что Эмили Шедуик тоже пригласили. Как бы хоть на этот раз обойтись без обсуждения ее личной жизни? Бренда решила, что включит музыку на полную и притворится, будто у нее уши заложило. Меньше всего ей хотелось, чтобы Эмили портила ей настроение перед самым открытием.

Кого-то из местных журналистов тоже позвали — кто знает, может быть, они захотят задать художникам пару вопросов. Бренда принялась репетировать, что бы она им ответила. Еще она решила не улыбаться, если будут фотографировать.

Она посмотрела на старый красный почтовый ящик за окном, с которого начнется путешествие ее письма в Америку. Улыбнулась Пенни и помахала письмом в воздухе. Пенни кивнула и показала большой палец в знак одобрения.

Глава 9

«Согласна. А. Б.»

Генри Блэкстафф был дома. Он стоял на кухне и ждал, когда закипит чайник. Его коварный план перехитрить Аврору с треском провалился, более того, по нему же и ударил. Когда он сказал ей, что не имеет ничего против оранжереи, если она так о ней мечтает, Аврора рыдала от радости. Она обзвонила всех членов общества — поделиться хорошими новостями — и даже босиком сбегала к соседям.

Арнольд Смит сновал по всему дому с электронной «рулеткой», и планировочные схемы множились с невероятной скоростью.

Скоро милый сердцу Генри сад исчезнет. Араукарию чилийскую, которую посадил еще дядя Берти, выкорчуют, чтобы освободить место под фундамент. Разберут и теплицу, которую самолично собрал Генри. Аврора выбрала самую дорогую модель оранжереи: с прочным, деревянным обрамлением, высотой с дом, витражными стеклами, полами с подогревом и стропилами из кованого железа.

Арнольд Смит алчно затаил дыхание: он складывал и умножал, умножал и складывал, его блестящая ручка беспрестанно мелькала.

В холле зазвонил телефон. Трубку поднял Генри.

— Это тебя, — позвал он. — Некий Дэвид Кроппер с Би-би-си.

Безудержная радость не покидала Аврору весь вечер. Оказалось, что Дэвид Кроппер продюсер, который узнал об Авроре из газеты, теперь подумывал снять о «Почитателях Бронте» документальный фильм. Аврора поведала ему, что сейчас строит оранжерею в викторианском стиле специально для заседаний общества. Члены общества будут надевать костюмы соответствующей эпохи и слушать, как Аврора зачитывает отрывки из известных произведений. Продюсер Дэвид Кроппер сказал, что обязательно позвонит через несколько недель узнать, как идет строительство, и добавил, что замысел восхитительный. Генри вздохнул. Если у жены появится малейшая возможность попасть на телевидение, с ней сладу не будет. Она, кажется, совсем забыла, что еще недавно презирала все достижения технического прогресса.

На следующее утро, ровно в девять, Арнольд Смит стоял на пороге резиденции Блэкстаффов, его жадное лицо почти упиралось в медное дверное кольцо. В руке он держал смету на постройку оранжереи. Цена была умопомрачительная. Шестизначное число, его самая крупная сделка. Ему даже позвонили из центрального офиса. Придется выложиться на полную, пустить в ход все уловки, чтобы получить контракт. Он надеялся, что мужа нет дома. Мистер Блэкстафф, казалось, не разделял энтузиазма жены относительно этого проекта. Но Арнольду повезло. Аврора сама открыла дверь и проводила в гостиную. Черкнула «Согласна. А. Б.» старой авторучкой, едва взглянув на сумму. Затем она провела его обратно к двери, даже не предложив чая.

— Так вы обещаете использовать восстановленные кирпичи? — беспокоилась Аврора. — Это имеет первостепенное значение. Конструкция должна выглядеть так, будто построена в то же время, что и дом. И не забудьте, слева нужно оставить место для книжных шкафов. Обожаю запах старых книг! Это так романтично! Разбитое сердце на каждой странице! Безответная любовь: жестокий меч, вонзаемый в душу обывателя. Так я встретила своего мужа, к стати сказать.

Что за чушь несет эта полоумная, недоумевал про себя Арнольд Смит.

— У вас тонкий вкус, — промурлыкал он, когда Аврора закрывала за ним дверь. Он подумал, что нужно проверить чек, прежде чем заказывать материалы. Вполне возможно, у этой особы не все дома.

Генри вернулся домой с утренней газетой, и они с Авророй опять рассорились.

— Сколько-сколько? Ты шутишь! Да еще один дом во Франции нам стоил бы меньше! Не могу поверить, что ты вот так, без меня, взяла и выписала чек. Надо было арендовать комнату в музее, как я и предлагал. Твоим друзьям там самое место.

— В этом ты весь, Генри! Знаешь, в чем твоя беда? Ты слишком долго сидел в магазине и весь покрылся пылью. Когда ты в последний раз продал книгу?

— Какое это имеет отношение к делу? Это мой магазин, и я управляю им как хочу.

— Он достался тебе по наследству, и ты бы давным-давно закрыл его, если бы не деньги дядюшки Берти. — Она задыхалась от ярости. — На оранжерею я трачу свои сбережения. Ты что, и порадоваться за меня не можешь? Тебе-то это ровно ничего не стоит.

— А мой сад? Чем я, по-твоему, должен заниматься в выходные? И вот еще что: сбережения у тебя появились только потому, что за все плачу я. Каждую чашку несусветно дорогого чая, который заливают в себя твои самодовольные болваны, оплачиваю я.

— Обидно слышать, что ты попрекаешь моих друзей куском хлеба. Ты сам убедился бы, что все они очень культурные люди, если бы захотел получше их узнать. Разве ты не понимаешь, что для меня это уникальная возможность?

— Нет, если честно, не понимаю.

— Ради всего святого, меня ведь покажут по телевизору! И может даже, не раз. Может быть, снимут целый сериал. И тогда меня уж точно сделают старшим преподавателем.

— Размечталась!

— Пусть так. Но у меня, по крайней мере, есть мечта! А у тебя вообще нет воображения! Поэтому никто и никогда не напечатает твои дурацкие романы, смешной ты, ничтожный *человечишко!*

— Удар ниже пояса, Аврора. Не понимаю, что вообще с тобой приключилось. Ты же знаешь, как я люблю эту араукарию. Сам дядя Берти посадил ее!

— А я не понимаю, что приключилось с тобой! Устроить такую сцену из-за нескольких старых деревьев. Когда я впервые увидела тебя в магазине среди прекрасных книг, я подумала, что ты не такой, как другие. Что ты не похож на обыкновенного мужлана с бесконечными разговорами о футболе. Ты был из другой эпохи. Ты был моим мистером Рочестером. Моим героем. — Она простирала к нему руки, как будто он разбил ее бедное сердце.

— А ты была моей Джейн Эйр, — растроганно промолвил он в ответ. — Моей слабой и хрупкой повелительницей. Но теперь из-за этой оранжереи...

— Понятно. Значит, ты такой же, как все, ставишь мне палки в колеса, не можешь допустить, чтобы я приобрела какой-то авторитет. — Она подошла к окну и стала смотреть на место, где в конечном итоге должна будет появиться великолепная оранжерея.

— Я не хочу мешать тебе. Я просто хочу спасти свой сад. Разве нельзя построить оранжерею поменьше, чтобы не пришлось выкорчевывать араукарию?

— Нет, нельзя. В ней должно быть достаточно места для шестидесяти стульев, двух тысяч книг и небольшой сцены для выступлений! — отрезала она твердо. — Мистер Смит составил смету, и я ее одобрила.

— Ты же знаешь, что я могу в два счета положить конец этому светопреставлению. Дом и участок у нас в совместном владении. Я мог бы пойти в суд и положить этому конец.

— Так, так, так! Замечательно. Борьба обещает быть жестокой и беспощадной. Позвольте сказать вам, Генри Блэкстафф, что вы поздно вато спохватились: раньше нужно было демонстрировать характер! Не пытайся теперь доказать мне, что хозяин в доме мужчина! Этот номер не пройдет. Я не позволю помешать мне! Сама срублю дерево, если понадобится!

— А если я поведаю всем твоим драгоценным друзьям, что твое настоящее имя — Герти Лич и что ты официально поменяла его в тысяча девятьсот семьдесят четвертом? И что твой папаша был заядлым картежником, с замашками трансвестита и судимостью за мошенничество. Твои драгоценные снобы, которые приходят сюда, только чтобы на дармовщинку выпить и закусить, опрометью ринутся тогда вон из моего дома! Небось давку устроят в дверях!

— Если ты сделаешь это, клянусь чем угодно, сам отправишься к дядюшке Берти гораздо раньше, чем думаешь! Не сомневаюсь, в раю все засажено араукариями чилийскими! — С этими словами она помчалась вверх по лестнице в спальню и хлопнула дверью так, что затряслись перила.

Внезапно почувствовав слабость, Генри опустился в кресло с овальной спинкой. Аврора впала в нешуточную ярость. Не простит его еще несколько недель. И с какой стати она должна его простить? Он только что угрожал жене отнять у нее самое дорогое, что у нее есть, — ее репутацию. Он и вправду становится хрестоматийным негодяем. Лучше бы он с самого начала благословил ее оранжерейную затею, и все. Она все равно не отступится.

Самое ужасное, что придется выкорчевать дерево дядюшки Берти. Кажется, Арнольд Смит считает, что это самый верный способ от него избавиться. А ведь это как выкорчевать самого Берти. Какое чудовищное надругательство над памятью его покойного благодетеля!

— Сегодня я хочу почитать из «Грозового перевала», — объявила Аврора день или два спустя.

Генри не слушал. Он знал, что Аврора обращается не к нему — просто репетирует, проверяет, как звучит ее голос.

Она не обращала на Генри никакого внимания.

— Сочинение мисс Эмилии Бронте. Первое издание вышло в тысяча восемьсот сорок седьмом году. — Пауза. — «Здесь, на голой вершине холма, земля затвердела от ранних бесснежных морозов, и холодный ветер пронизывал меня насквозь...»

Боже милостивый, подумал Генри и пошел взять пальто. Не прогуляться ли ему до чайной «У Малдуна», не утешить ли себя хорошим бифштексом и кусочком пирога с почками?

Глава 10

Случайная встреча в отеле «Европа»

Клэр Фицджеральд снова вернулась в Белфаст. Она сидела в баре отеля «Европа» и только что заказала еще выпить. Всем напиткам она предпочитала белое вино, а в этом отеле был большой выбор вин в порционных бутылочках по 0,375 литра. Нужно попросить, чтобы поскорее принесли меню. Она страшно проголодалась, целый день работала без передышки. Хотите верьте, хотите нет, но выбирать места для фотосъемок и названивать по телефону очень утомительно. Рядом на столе лежала стопка глянцевого журналов, которые ей предстояло изучить на предмет содержания и стиля, и милая сумочка от Лулу Гиннесс. Что еще положено иметь при себе культурной женщине?

Заметив, что на нее поглядывает вполне симпатичный бизнесмен, она отвернулась, чтобы не обнадеживать его. Он был хорошо одет и вообще казался весьма приятным, и сама она не раз проводила вечер в компании привлекательных незнакомцев. Но сегодня у нее не было настроения заводить новые знакомства и поддерживать беседу. Она оглянулась на него. Он махал ей рукой. Проклятие.

Этот второй приезд в Белфаст — настоящая ошибка. Глупо было рассчитывать, что ей уже все нипочем. Все точно так же, как и в первый раз, когда она приезжала в начале января навестить тетю, правда, тогда у нее было не столько времени, чтобы предаваться размышлениям и воспоминаниям, потому что она приехала вместе с родителями. До этого она не навещала в Белфаст долгие годы, но теперь казалось, будто она никогда и не уезжала. Охваченная внезапным приступом меланхолии, Клэр словно вновь превратилась в потерянного подростка. И уж совсем тошно ей стало после того, как она зашла в чайную «У Малдуна», когда вновь ожили старые воспоминания, которые нужно было бы навсегда похоронить еще двадцать лет назад вместе с ушедшей юностью.

«Перестань сейчас же, — убеждала она себя. — Вернешься в Америку, и все встанет на место. Только в этом дурацком городе вечно чувствуешь себя не в своей тарелке. Завтра же утром улечу в Нью-Йорк, и все будет хорошо».

Не теряющий надежды бизнесмен прислал бармена с бутылкой самого дорогого вина, какое только было в отеле, она кивнула ему в знак благодарности. Работа в издательском деле научила ее держаться предельно вежливо с каждым, пока не выяснишь, кто перед тобой. Она налила немного вина и сделала пробный глоток. Превосходно! Секунду она раздумывала, не пригласить ли его за свой столик. Не будет большого вреда, если они немного побеседуют. Он и вправду казался очень милым. Может, составит ей компанию за ужином.

Нет, ни к чему. Она не в настроении. Он станет интересоваться ее работой, расспрашивать о Нью-Йорке, а потом ей придется ломать голову, как бы поделикатнее дать ему понять, что она не останется с ним на ночь. Ужин превратится в военную операцию, главной целью которой станет забота о том, чтобы ненароком его не обидеть. Она глянула в его сторону. Он все еще смотрел на нее в ожидании сигнала. Надо будет вернуть ему бутылку, поблагодарить, сказать, что у нее раскалывается голова, — что-нибудь в этом духе. Но сейчас даже такой вариант объяснений казался ей слишком обременительным.

Она резко встала, собрала вещи, вышла из бара и быстро направилась в фойе. Дорогое вино осталось на столике. Печальная картина, как и лицо отвергнутого мужчины в баре. Она

нажала кнопку лифта. Надо будет заказать ужин в комнату. Она не хотела, чтобы мужчина настиг ее в ресторане. Когда двери лифта закрывались, она увидела на его лице явное разочарование. Быть красивой подчас довольно хлопотно.

Она была красивой и знала это. Какой смысл отрицать очевидное? У нее были большие серые глаза и крошечный ротик. Даже когда она выходила на улицу ненакрашенная, мужчины провожали ее долгими взглядами. Но стоило ей нанести серебристые тени с перламутром на веки и темно-красный блеск на губы, она становилась просто обворожительной и мужчины уже не могли не мечтать о ней. Она была живым воплощением автопортрета Тамары де Лемпики, написанного в 1925 году, — «Тамара в зеленом „бугатти“». Идеальная стрижка, стильная бархатная одежда — все знакомые женщины завидовали ей. Любая другая в точно такой одежде и с таким же макияжем никогда бы не смогла достичь такого же потрясающего эффекта. С такой красавицей дружить нелегко. В подругах у Клэр никто надолго не задерживался. Женщины не могли вынести, что мужчины обращают внимание исключительно на нее. Всем подавай Клэр! Всегда только Клэр.

Клэр пыталась одеваться проще, но это был не ее стиль. Она ненавидела джинсы, спортивные костюмы и неряшливые кроссовки. Любила шарфы с вышивкой, длинные пальто с бахромой. Ей нравились дорогие кремы и духи. Целые ящики в ее солнечной нью-йоркской квартире были забиты серебряными браслетами, стеклянными кольцами и янтарными ожерельями. С неохотой и некоторым чувством вины она оставила у себя эти безделушки и распрощалась с женским обществом.

Бесстрастность и загадочность помогли ей завоевать огромный авторитет в издательских кругах Нью-Йорка. В городе, где у каждого второго талантов хоть отбавляй, огромное значение имеет личность. Спустя всего лишь пять лет работы в этом бизнесе она стала главным редактором глянцевого журнала, посвященного дизайну дорогих художественных интерьеров. Старинные кровати с пологом на четырех столбиках в особняках Новой Англии, собрания бесценной живописи в лондонских квартирах стоимостью миллион фунтов каждая. Парижские чердаки, забитые вещами, которые когда-то принадлежали кинозвездам, и мольбертами художников; незаправленные кровати с белыми простынями и изголовьями из плавника в рыбацких деревушках в Корнуолле. Вот что интересовало Клэр Фицджеральд.

Знаменитости и миллионеры лезли из кожи вон, чтобы фотографии их роскошных домов были напечатаны в журнале, но если Клэр считала, что в них не было ничего особенного, то никакие деньги и связи не могли помочь им попасть в журнал. Вульгарные особняки, столь любимые поп-звездами и модными моделями, даже не рассматривались. Клэр Фицджеральд обладала вкусом, который не купишь за деньги.

Она сидела в своем уютном офисе в Нью-Йорке, отбирала объекты для съемок, посылала помощников за деликатесами, вином и капучино и иногда мечтала о своей утраченной любви, Питере. Питер был любовью всей ее жизни. Они провели вместе одну ночь в ее маленькой квартирке на Малберри-стрит в Белфасте. Она была знакома с ним всего лишь девятнадцать часов.

Тогда она была студенткой, и эта квартира стала ее первым домом, все в нем было придумано ей самой. Помещение было крошечным, всего шесть квадратных метров, но лучше стать здесь полновластной хозяйкой, чем жить с другими студентами в доме, который славился своей запущенностью. Едва выйдя из детского возраста, Клэр мечтала жить в

красивом месте. В тот день, когда она поселилась на Малберри-стрит, она отдраила квартиру снизу доверху, украсила ее цветными покрывалами и подушками и бесплатными открытками из художественной галереи. Она поставила три горшка с цветами, две лампы, подаренные ей на новоселье матерью, букет цветов и постелила дешевые коврики. Купила новый матрас, а старый выбросила. Изголовье кровати в викторианском стиле она украсила индийскими шарфами и нитками стеклянных бус. Она чувствовала себя очень взрослой, покупая продукты в супермаркете, при этом не забывая про средство для чистки ковров, отбеливатель, а также мыло, шампунь и зубную пасту. Она не была типичной студенткой.

Квартира располагалась по соседству с чайной под названием «У Малдуна». Лучшего местоположения для квартиры трудно было придумать. Если ей предстояло усиленно заниматься, по пути из колледжа она заходила купить кофе с булочкой и салат и уже через минуту сидела за столом в своей комнате и с наслаждением ужинала. Рано утром, еще не встав с кровати, она улавливала аромат кофе, просачивающийся сквозь стены, и слушала дождь, барабнящий по застекленному люку прямо над головой.

Питер был бледным, говорил тихо, но в нем чувствовалась внутренняя сила. Ей это нравилось. Длинная черная челка падала на глаза, и ему приходилось постоянно откидывать ее в сторону, чтобы видеть Клэр. На нем была футболка с названием поп-группы — «Хьюман Лиг». Ей эта группа тоже нравилась. Вот так они и познакомились. Благодаря музыке. В ночном клубе у доков. Клэр заметила, что он смотрит на нее, и улыбнулась в ответ, а потом он подошел и заговорил с ней. Вот как все началось. Так просто.

Она спросила, нравится ли ему эта группа, и они оба рассмеялись, потому что на нем была футболка и два значка с ее названием.

Особенно она любила песню «Разве ты меня не хочешь?». Иногда она заливалась румянцем: она все еще помнила название песни. Даже сейчас. (Это была примитивная поп-мелодия, но в то время она казалась ей волшебной.) Он ответил, что конечно же знает эту песню, — хорошая песня.

Они начали танцевать, когда танцпол только заполнялся людьми, а когда дискотека закончилась, он предложил проводить ее домой. Клэр подумала, что идти двадцать минут до дома одной посреди ночи — далеко и страшно. И согласилась. На улице было холодно, дул сильный ветер. Он взял ее за руку.

Ей было только девятнадцать. Он был старше Клэр на три года и скоро должен был закончить учебу. Она поинтересовалась, что он изучает. Он ответил, что английский. И потом он станет учителем? Или попробует себя в журналистике? Он не имел ни малейшего представления — приехал в Белфаст из округа Фермана учиться, потому что в его родном городе трудно устроиться на работу. Скорее всего все кончится тем, что он будет прозябать и сходить с ума на государственной службе, как и многие выпускники-гуманитарии. Не он первый, не он последний.

Она поинтересовалась, не били ли его из-за прически, похожей на женскую, и черной подводки вокруг глаз. Он признался, что раза три за ним гнались футбольные фанаты. Но, казалось, его это мало волновало. Им его не догнать, объяснил он. Вот великое преимущество худых: на бегу не мешает лишняя тяжесть.

Когда они подошли к Малберри-стрит, она знала о нем уже немало. Он старший ребенок в семье. У него шесть сестер. Мать работает медсестрой и ходит к мессе каждый день. Его отец — механик, в свободное от работы время любит реставрировать старые машины. В семье живут дружно и делятся друг с другом всеми радостями и горестями. У

него есть гитара, но играет он неважно. Любит шоколадное печенье.

Ключ от квартиры лежал в кармане. Она все время вертела его в руке. Рука, за которую он держал ее, немела. Она решила пригласить его зайти.

Клэр не знала, что случится, когда они поднимутся наверх по маленькой лестнице и включат свет. Может быть, он поцелует ее? В те времена мужчины не считали, что приглашение зайти в гости на первом свидании автоматически означает предложение переспать. (Старые добрые времена. Вернутся ли они когда-нибудь?) Она предложила сделать кофе. Они стояли посреди гостиной. Казалось, воздух вокруг был заряжен предчувствием. От волнения она еле дышала. Он отметил, что квартирка убрана со вкусом, похвалил художественную фантазию Клэр и сказал, что ему очень хочется чая.

Они немного поговорили, в основном о поп-музыке и других невинных вещах. Когда Клэр встала с маленького дивана, чтобы поджарить тосты на стареньком, пятидесятих годов гриле, он пошел за ней на кухню. Она думала, что парень, у которого столько сестер, вряд ли приучен к работе по дому, но он поспешил разуверить ее.

Он присматривал за хлебом, пока она общаривала шкафы в поисках сухого молока. Когда тосты были намазаны маслом, она заметила, что он поджарил их только с одной стороны, так что с другой хлеб оставался мягким. Раньше она никогда не готовила тосты таким способом; попробовала — и ей понравилось, с тех пор она всегда поджаривала хлеб только с одной стороны.

Он посмотрел на ее губы так, будто хотел ее поцеловать, но не поцеловал, и Клэр почувствовала, как слабость разливается по ее телу. Она рассуждала про себя: он, должно быть, испытывает к ней какие-то чувства, иначе не стал бы провожать ее до дому. Она слишком дорожила этими минутами неясной близости, и ей вовсе не хотелось портить их неловкой попыткой прильнуть к нему. Они немного послушали музыку, сидя на маленьком диване и угощаясь тостами. Оба не проронили ни слова. Клэр очень хотелось дотронуться до его лица и поцеловать, но она словно оцепенела. В четыре утра она поняла, что ему пора уходить, но ей стало не по себе оттого, что он пойдет один по пустым улицам. Он казался таким ранимым в своем легком пальто, а глядя на его худое лицо, нельзя было удержаться от жалости.

— Останься со мной, — неожиданно попросила она, прежде чем сама испугалась собственной смелости. — Я хочу сказать, побудь со мной еще немного.

— С удовольствием, — ответил он нежно.

Они пошли в спальню. И тихо сели на кровать.

— Я только сниму ботинки, если ты не против. — Потребовалось несколько минут, чтобы расшнуровать их: на каждом было по двенадцать пряжек. — Иди сюда, — сказал он. — Здесь холодно. — Он протянул руку, и она села рядом.

Они лежали поверх покрывала, он посмотрел ей в глаза, и в ту секунду она почти поверила, что без ума от него. В кармане брюк у него лежало несколько кассет. На стуле рядом с кроватью стоял маленький магнитофон. Он выбрал кассету, которая особенно нравилась Клэр, вставил ее в магнитофон, нажал кнопку «повтор», а потом накрыл их обоим пледом. В комнате было страшно холодно. С каждым выдохом вырывалось облачко пара.

— Можно поцеловать тебя? — спросил он.

В следующее мгновение она почувствовала прикосновение его горячих, сильных губ. Он осыпал ее долгими, нежными поцелуями. Сказочными. Клэр раньше никогда не была близка с мужчиной и понятия не имела, что делать. Она раздумывала, стоит ли сказать об этом

Питеру, но, казалось, он обо всем уже догадался и ни к чему ее не подталкивал.

Они свернулись калачиком под покрывалом и долго целовались. Он обнял ее и сказал, что любит. Она не приняла его слова всерьез. Позже он приготовил еще чая на маленькой кухоньке и вернулся в спальню, осторожно неся поднос с наполненными до краев чашками. Они сидели на кровати, пили чай, слушали музыку, и Клэр мысленно радовалась, что в буфете нашлось сухое молоко. Потом начался ливень, они выключили магнитофон, легли и, прильнув друг к дружке, слушали, как барабанят в окно капли дождя. Свет уличного фонаря проникал в комнату и разукрашивал их лица причудливыми узорами. Он вновь повторил, что любит ее. Потом дождь перестал, и они ненадолго уснули.

В семь утра он сказал, что будет любить ее вечно, и на этот раз она ему поверила. Лежа в объятиях друг друга, они снова погрузились в сон и проснулись только после обеда.

Никогда после ей не доводилось испытывать чувств, хоть сколько-нибудь сравнимых с исступленным восторгом и радостной близостью той ночи. Как будто они были одни на планете. И больше никого. И ничто не имело значения. Потом она старалась не тревожить приятные воспоминания, бережно хранимые в тайниках ее памяти. Но стоило ей захотеть, и его образ оживал — такой четкий, как будто она видела его только вчера, как будто вчера было все то, что случилось в ту ночь, когда она, повинувшись внезапному порыву, решила отправиться на дискотеку.

Они вышли из квартиры только днем, в четыре часа, и заглянули в чайную «У Малдуна» подкрепиться. Питер написал свой адрес и телефон на вкладыше кассеты, которую они слушали, отдал ее Клэр и торжественно попросил ее стать его девушкой. Она согласилась. Положила кассету в маленькую, украшенную бисером сумочку и пообещала позвонить на следующий день. На автобусной остановке он нежно поцеловал ее и помахал на прощание рукой, когда автобус, который должен был отвезти ее домой к родителям на весь уик-энд, тронулся.

Пока голубой ольстерский автобус кружил по улицам города, направляясь в Сентфидд, Клэр лежала, откинувшись на спинку кресла и блаженно закрыв глаза. Счастье переполняло ее настолько, что хотелось поделиться с водителем автобуса, рассказать ему, что она встретила человека, за которого выйдет замуж и которого будет любить до конца жизни. Вдруг ей пришла в голову мысль, что надо было пригласить Питера поехать с ней вместе, познакомить его с родителями. Уже сейчас она начала скучать по нему, сердце сжалось от щемящей тоски. Она боялась, что, пока они разлучены, с ним может что-нибудь случиться: вдруг он попадет под машину или поранится...

Кирпич влетел в автобус через боковое стекло, словно бомба. С диким грохотом. Бабах! И тут же звон армированного стекла, разлетевшегося на тысячи мелких осколков. В одно мгновение весь пол автобуса оказался усыпан ими, сверкающими на свету, как гигантские крупинки сахара. Клэр подумала, как красиво, а потом поняла, что плачет.

Волосы у неё сделались влажными. На щеке кровь. Она поняла, что получила удар в висок, голова закружилась. Водитель затормозил, но, заметив, что к автобусу бегут несколько воинственно настроенных подростков, снова завел двигатель. Кажется, все происходило очень медленно и спокойно.

— Не останавливайся, приятель! — прокричал пожилой пассажир. — Они разнесут автобус!

Остальные пассажиры сидели тихо. Все привыкли к неожиданным вспышкам насилия. И знали, что им позволят выйти из автобуса, прежде чем подожгут его и перегорядят им

дорогу. Даже в том, что на языке полиции называлось «нарушение общественного порядка», был свой установленный порядок. Клэр вся дрожала. Потом, почувствовав первый приступ боли, она подняла руку и приложила ее к глубокой ране над правым ухом. К ней подошли две женщины: одна поддерживала Клэр, другая прикладывала платок к ране.

Сквозь выбитую оконную раму женщины кричали на малолетних хулиганов:

— Сопливые ублюдки! А ну марш домой!

Им в ответ по стенам автобуса забарабанил град мелких камней. Наконец автобус набрал скорость, и озлобленная шайка осталась позади.

В автобусном парке ей дали обжигающе горячего чая в бумажном стаканчике, но руки ее так дрожали, что она не могла пить.

Приехала полиция. Клэр кого-нибудь видела?

Она не помнила.

Вообще ничего?

— Только кусочки разбитого стекла, они сверкали на полу, — еле прошептала она. — Как гигантские крупинки сахара. Большие стеклянные бусины...

Внезапно она встрепенулась, словно ее ударило током. Сумка! О боже, где же сумка? Маленькая, расшитая бисером сумочка с адресом Питера... Пожалуйста, не мог бы кто-нибудь поискать ее в автобусе? Пожалуйста! Но ей сказали, что автобус уже проверили. Никакой сумочки найдено не было. Точно? Точно, в автобусе ничего не нашли.

Она огорчилась так, словно понесла невосполнимую утрату.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Машина «скорой помощи» доставила Клэр в больницу, где ее обезумевшие от беспокойства родители провели всю ночь, раздумывая, как жить дальше. По счастью, у дочери не оказалось серьезных повреждений, но это дело случая. Город теперь как раненый зверь, говорили они, в любую минуту может наброситься на человека и впиться зубами ни с того ни с сего. Они уже некоторое время рассматривали возможность переезда. Нынешний случай, чуть было не обернувшийся трагедией, вновь заставил их серьезно задуматься. Решено: они переедут в Англию, в Корнуолл, и будут держать небольшую гостиницу. Они давно мечтали об этом.

Когда Клэр выписали из больницы два дня спустя, подготовка к переезду была в самом разгаре. Родители даже не спросили, хочет ли она остаться в Белфасте и продолжать учебу. Стоило Клэр заикнуться об этом, мать тут же схватилась за сердце. Дом был уже выставлен на продажу.

Клэр позвонила в университет и оставила сообщение для Питера, но ответа так и не получила. Она предположила, что человек, принимавший звонки, забыл записать ее сообщение или, возможно, несчастные влюбленные так допекли сотрудников университета, что те вообще не считали нужным передавать сообщения.

Еще через три дня она целый час прождала за дверью кабинета, в котором у него должны были проходить занятия, но он так и не появился. Краснея от смущения, она подошла к студентам и спросила, не знают ли они, как найти Питера Прендергаста. Ее направили к девушке с длинными косами. Девушка сидела на полу под доской объявлений. Она подтвердила, что знает Питера и сможет передать ему записку. Да, она увидит его совсем скоро, может быть сегодня вечером. У Клэр гора с плеч свалилась. Она передала ей записку в запечатанном конверте. А девушка продиктовала ей адрес Питера, добавив, что не совсем уверена насчет номера телефона.

Полная радужных надежд, Клэр пошла домой ждать. Если их чувства друг к другу не изменились, она останется с ним в Белфасте. Может быть, они даже станут жить вместе.

Но стоило Клэр выйти из университета, девушка с косами вскрыла конверт, внимательно прочитала записку и выбросила ее в мусорное ведро. У нее самой были виды на Питера Прендергаста, и уж во всяком случае она не собиралась доставлять записки какой-то фифы из художественной школы. Она была довольна собой, потому что направила Клэр Фицджеральд по ложному следу: вместо адреса Питера дала ей адрес жуткой трущобы, где сама квартировала несколько лет назад.

Клэр несколько дней бродила поблизости от предполагаемой квартиры Питера. Потом, испугавшись, что девушка все-таки не передала записку, она написала Питеру в университет. Ответа не последовало.

Она была в недоумении. Разве не он сам сказал, что любит ее? Три раза? Когда пошла вторая неделя, а от Питера по-прежнему ничего не было слышно, она совсем пала духом.

На дом нашли покупателя, вещи отправили в арендованный коттедж в Корнуолле. Клэр все больше сомневалась, не выдумала ли она серьезные отношения там, где их и быть не могло. Шок, пережитый во время происшествия в автобусе, подорвал ее уверенность в чем бы то ни было. На ее мечты о настоящей любви теперь наложились воспоминания, в которых мелькали разбитые окна автобуса; женщины, осыпающие бранью малолетних хулиганов; полицейский и его участливый взгляд... Интересно, какие отношения связывали Питера и ту, с длинными косами? Почему другие студенты так уверенно направили ее именно к ней. Может, это его девушка?

Может, ее подруги правы и Питер просто водил ее за нос, надеясь соблазнить-таки в ту ночь? А теперь решил от нее отвязаться, потому что понял, что она не из тех, с кем можно встречаться по настроению, а когда надоест — бросить. Ни одна из ее подруг не слыхала, чтобы парень на первом же свидании признался в любви. Или удовлетворился бы поцелуями под покрывалом. Странно это все.

Клэр укладывала вещи в своей маленькой квартирке на Малберри-стрит и все время прислушивалась — не постучат ли в дверь.

Питер никак не мог взять в толк, почему Клэр не позвонила ему. Он несколько раз прохаживался мимо ее квартирке в надежде застать, когда она будет выходить из дому. Теперь он стыдился того, что так распинался о своей любви ночью, после дискотеки. Кто его за язык тянул? Повел себя как мальчишка. Неудивительно, если она подумала, что он птенец желторотый или у него не все дома. Шли дни, и его уверенность стремительно таяла. Да наверное, она решила, что он не в себе или врет напропалую. Дважды он стучался в дверь ее квартиры, но Клэр не было дома. На время он даже бросил ходить на лекции — совсем не мог сосредоточиться на учебе. Он подумывал оставить письмо в общем почтовом ящике в ее доме, но не знал, что писать, потому что не был уверен, что она теперь о нем думает. Если бы только увидеть ее — по выражению лица он бы сразу все понял. В конце концов он оставил записку, для которой долго и тщательно подбирал слова, у старика Малдуна, хозяина чайной.

Когда и после этого не последовало ответа, на него навалилась такая безысходность, что он сел на крыльцо перед ее парадной и решил не двигаться с места, пока не увидит Клэр.

К тому времени Клэр уже переехала в Англию и честно старалась забыть его. Когда он узнал, что она съехала, то понял, что больше нельзя скрывать от себя горькую правду: он для

нее ничего не значил.

Питер чуть было не провалил выпускные экзамены — вечерами он топил свое горе в студенческом баре, а с утра мучился от похмелья.

Но Клэр ничего об этом не знала. Она хотела быть с Питером, но потеряла его. Вот и вся история. За прошедшие с тех пор годы она отвергла девять предложений выйти замуж. В тридцать шесть она все еще оставалась одна. О таких, как она, говорят: «Принца ждет!»

Глава 11

Слониха Сэди и Сушеные Сморчки

Сэди Смит сидела на кухне, обставленной по последнему слову техники, в пригороде Белфаста, Карридаффе, и машинально листала местную газету. Ничего примечательного. Только нудные разбирательства по поводу финансирования новой кольцевой дороги да душещипательная статья о том, какой огромный урон причиняют местные вандалы городской автобусной компании. Фотография самодовольных местных чиновников возле новой клумбы. Из клумбы торчит табличка, оповещающая о том, что все расходы по строительству и содержанию клумбы несет сеть ресторанов быстрого питания. Сэди презрительно фыркнула. На что, спрашивается, идут налоги, которые люди платят в совет города? Видимо, на приятные заграничные поездки.

— Паразиты в галстуках! — кинула она в лицо улыбающимся с газетных страниц важным чинушам и ткнула пальцем в каждого. — Вот вы кто. — Сэди знала все о паразитах в галстуках. Сама замужем за таким.

В кухню вошла ее свекровь и оборвала увядшие цветки в букете на подоконнике.

— Гвоздики, — пробормотала она недовольно. — Мне больше нравятся розы. Белые розы с длинными стеблями, и чтоб зелени было побольше.

— Запомню на будущее, — ответила Сэди. — Если, конечно, Арнольд будет давать больше денег на хозяйство.

— Что собираешься приготовить на ужин? — поинтересовалась свекровь. — Морису хочется жареной рыбки. Если поторопишься, еще успеешь в рыбную лавку.

— Ну что ж, рыба так рыба, — согласилась Сэди. — Кажется, в морозилке еще осталось филе трески. Извините! — И она помчалась к морозилке в гараже, быстро закрыв за собой дверь, чтобы не слышать, как Дейзи кричит ей вслед, что Морис ненавидит мороженую рыбу.

Арнольд подкатил к дому на своем темно-синем «ягуаре», настроение у него было отличное. Он только что продал еще одну оранжерею. Уже двенадцатую в этом году. Комиссионные будут огромные. В центральном офисе довольны его работой и даже собираются вручить премию по итогам года на предстоящей рождественской вечеринке. Заказ Авроры Блэкстафф помог ему намного обставить других продавцов. Сумасшедшая старая калоша с замашками аристократки — все носится со своими никчемными пыльными книжонками! Он улыбнулся своему отражению в зеркале заднего вида и растопыренными пальцами провел по волосам. Надо будет съездить куда-нибудь с Патрисией отметить сделку. Он уже некоторое время планировал взять небольшой тайм-аут, провести пару дней без Сэди и родителей.

Слониха Сэди и Сушеные Сморчки. Так окрестила их Патрисия. У нее хорошо получалось придумывать прозвища. У нее многое хорошо получалось, особенно какие-нибудь гадости. Патрисия не дура, совсем не дура — просто так управляющей магазином подарков в центре города не становятся. (Арнольд познакомился с ней, когда из магазина обратились в его компанию, чтобы заменить витрину, которую от злости разбила кирпичом уволенная сотрудница.)

Они вместе полетят в Париж и уединятся в маленькой гостинице на берегу Сены. Ночной ветерок будет надувать муслиновые шторы, а снизу, из уличных кафе, будет

доноситься аромат только что сваренного кофе. Патрисия в чем-нибудь черном и полупрозрачном, со множеством лямок. После они закажут завтрак в номер, Патрисия подаст ему кофе в постель. Представив, как подпрыгивают ее обнаженные маленькие груди, он расстегнул верхнюю пуговицу на воротнике.

Но самое замечательное, что они будут далеко от его вечно недовольных родителей и занудливой, похожей на репку женоушки.

«Ах ты, старый проказник, — улыбнулся он своему отражению, — а у тебя еще есть порох в пороховницах...» Он взял газету и портфель с заднего сиденья и бодро направился по дорожке к дому.

Сэди была не в духе. Он понял это сразу же по тому, как она хлопала кухонными ящиками. В последнее время Сэди всегда была не в духе. Арнольд во всем винил ее раздавленную талию. Должно быть, нелегко живется, когда ты похожа на бурдюк, подумал он печально. Как ей не противно смотреть на себя в зеркало?

Она не обернулась поздороваться, когда он зашел в холл. Морис жаловался, что рыба никуда не годится, и отказывался ужинать. Сэди одновременно открывала банку с супом, готовила картофельное пюре и намазывала хлеб маслом. Арнольд поцеловал мать в щеку. Дейзи попросила его убрать старые цветы с подоконника: они портили ей вид на сад.

Сэди закрыла глаза и сделала глубокий вдох. Потом с грохотом поставила тарелки на стол и выбежала из кухни.

— Ты не собираешься с нами ужинать? — крикнул Арнольд ей вдогонку.

— Нет! Не хочу! — прокричала она в ответ.

— Это что-то новенькое. — Арнольд подмигнул родителям, и они втроем рассмеялись, хитрые заговорщики. — Должно быть, у старушки пропал аппетит.

— Держу пари, на шоколадной фабрике «Кэдбери» уже бьют тревогу, — подхватила Дейзи.

— Хо-хо! Смотри, чтоб Сэди тебя не услышала, — сказал Арнольд, — а то останетесь без кухарки!

— Ха! — раздраженно бросил Морис. — Она-то кухарка? Мороженой рыбой кормит! Твоя мать никогда не покупала полуфабрикаты. Я до сих пор помню запах вкусоностей, которыми она меня потчевала! Картофельная запеканка с мясом, яблочная шарлотка, жареная курица! А варенье из ревеня и пшеничный хлеб! Она сама готовила варенье и пекла хлеб. Только вспомнишь — слюнки текут. Вот как она меня кормила. Вот почему я дожил до такого возраста.

— Да и то правда, — грустно подтвердил Арнольд, вспомнив про папочкины деньги.

— А ты, сынок, и до пятидесяти не дотянешь, если будешь есть такую дрянь. — Отрезал Морис.

Арнольд хотел было рассказать им о своей крупной сделке, но передумал. Тогда, наверное, придется признаться, сколько денег он на этом заработал. Родители давно намекали, что не прочь съездить в путешествие, пока еще не настало время «отправиться на тот свет». Но одна мысль о том, что ему придется жить с Сэди и с ними в одной гостинице, вызвала у него содрогание. Уж лучше после ужина уединиться в кабинете и помечтать о шикарном уик-энде в Париже с Патрисией. Может, заказать билеты на эротическое шоу в «Мулен Руж»? Какой прок работать менеджером, если не устраивать себе маленькие праздники? Не все ж разъезжать по скучным конференциям...

Сэди закрыла дверь спальни и села на кровать. Ее трясло. Она бы не смогла сидеть сегодня с Арнольдом за одним столом. Она бы не смогла видеть, как он, не моргнув и глазом, лопает рыбу с пюре. Как будто не он целовал руку той, другой, женщины, не он похлопывал ее по колену и шептал разные милые глупости ей на ушко, как будто не он... Эх, влезть бы сейчас на стол, за которым он сидит, и вопить до посинения, пока все не разлетится в тартарары. Схватить бы тяжеленную кастрюлю из-под картошки и запустить ею в окно, в его хваленый стеклопакет, так чтоб жалюзи, картошка, стекло — все рухнуло бы одной кучей на лужайку перед домом. Небось тогда они бы прикусили языки: Морис со своей свежей рыбой, Дейзи с белыми розами, Арнольд с развеселой блондинкой, — как тут не выйдешь из себя? Но нельзя. Сперва нужно выяснить, что замышляет Арнольд.

Чутье подсказывало ей, что нужно смириться с любовными похождениями мужа. Может, он крутит интрижку на стороне, а может, и нет. Что бы там ни было, Сэди он не бросит. Кишка тонка. Кто еще будет так заботиться об Арнольде, его одежде, родителях и доме? Каждую неделю она выполняла тысячу мелких обязанностей и поручений. Без нее он вряд ли смог бы так ловко обделывать свои делишки. Он никогда не найдет ей замену. Все же, для верности, неплохо бы кое-что разузнать. Утром нужно снова сходить в чайную «У Малдуна» и хорошенько поразмыслить.

А пока она выудила из нижнего ящика пакетик с солеными крендельками и открыла его. Пусть она сходит с ума от ярости и унижения, но это еще не повод сидеть на голодном пайке...

Глава 12

Странный брак

Пенни гладила белье. Она сказала Дэниелу, что сегодня днем вместо работы в кафе займется домашними делами. Ее обуревало непонятное возбуждение, и час за часом простаивать за прилавком было бы просто невыносимо. Пока она утюгом разглаживала складки мятой одежды, нервы ее понемногу успокаивались. Она взяла из корзины рубашку от полосатой пижамы Дэниела и расправила ее на доске. Хоть бы он выбросил свои старые пижамы и спал раздетым. У него такие красивые плечи, мечтательно подумала она.

— Ах, Дэниел, — произнесла она вслух, хотя была в квартире одна. — Знал бы ты, что на пятилетие нашей свадьбы я хотела отдаться двадцатилетнему водопроводчику с обесцвеченным ирокезом, в клетчатых бондаж-брюках.

Она чуть не разрыдалась от смущения, вспомнив, как он выскочил из кухни, когда вдруг зазвонил телефон.

Рука задрожала, и ей пришлось поставить утюг. Она подошла к зеркалу, висевшему над электрокамином, и посмотрела на свое лицо — лицо тридцатипятилетней женщины.

«Что на меня нашло? Он выписывал квитанцию, а я придвинулась к нему почти вплотную, так что низкий вырез блузки оказался у него почти под носом. Господи прости, но парень был бесподобен. Безупречная кожа. Вот тебе ответ на вопрос, почему люди заводят романы на стороне. Перед такой красотой невозможно устоять».

Она провела рукой по шее. Такая же гладкая, как и раньше. Еще не поздно отдаться сумасшедшим страстям. Или поезд уже ушел?

«Я даже заготовила фразу на прощание... Думала, что скажу ему: „Ты милый мальчик, я тебя не забуду“. Посмотрела на него выразительно, как в старых черно-белых фильмах, когда точно понимаешь, что сейчас герои упадут друг другу в объятия. Глаза в глаза, не отрываясь, не говоря ни слова. Как он испугался! Может, в этом вся моя беда? Может, я веду себя, как в дешевой мелодраме?»

В тот день пронзительный звук телефона вмиг развеял ее чары — Пенни помчалась к прилавку ответить. Звонил сосед ее родителей сказать, что они попали в автокатастрофу. Не могла бы она приехать в госпиталь королевы Виктории, он будет ждать ее там. Мистер и миссис Малдун серьезно пострадали, но это не телефонный разговор.

Онемев от тревоги, вины и страсти, Пенни только кивнула: сейчас же возьмет такси и приедет. Когда она вернулась на кухню, задняя дверь была открыта, а водопроводчик исчез, оставив счет на столе.

Весь следующий год Пенни разрывалась между кафе и родительским домом. Отец и мать умерли друг за другом, с разницей в три месяца, год спустя — за все это время у Пенни не было ни дня отдыха.

Еще несколько лет после их смерти Пенни оплакивала родителей и ей было не до себя.

Это обстоятельство сыграло Дэниелу на руку: как говорится, не было счастья, да несчастье помогло. Он догадывался, что не оправдал ожиданий Пенни, но не знал, как поправить положение. Он был уверен, что жена в нем разочарована, но измениться было не в его силах. Слишком поздно. По ночам во снах ему являлась его мать Тереза. Она всегда смеялась — красивый рот, ярко-красная помада на губах. А потом как удар молнии: священник говорит ему, что мама исчезла неизвестно куда, и дает ему шиллинг. Потом —

угрюмая тетя Кэтлин. Он был ей не нужен. Она кормила его черствым хлебом.

Часто он просыпался в холодном поту и потом всю ночь не мог заснуть. Даже когда Пенни умоляла рассказать, что его мучит, он только качал головой и уходил от ответа. Она спрашивала, на что он копит деньги. Но он не мог ей сказать. Он и сам не знал. Он знал только, что, когда был маленьким, тетя Кэтлин сказала, что Терезу стубила расточительность.

Пенни, перестав гладить, подошла к серванту, взяла фотографию в серебряной рамке и поднесла поближе к глазам: здесь они вместе в день свадьбы. Счастливые улыбки на лицах. Дэниел в хорошем расположении духа и выглядит прекрасно, он был тогда очень загорелым. И сама Пенни светится от счастья. В тот день на ней была красивая шляпка с огромными цветами, вот она — через несколько минут ее сдует в море. На заднем плане Милли, как всегда с сигаретой, чуть-чуть не успела выйти из кадра. На ней розовое платье подружки невесты, которое никак не сочетается с ее волосами. Может, Пенни и Дэниел поженились слишком быстро и, может, Милли права?

— Ах, Дэниел, кто ты? Знала ли я тебя когда-нибудь? — горько произнесла она вслух.

Глава 13

Дорогой Николас, это Бренда!

19 марта 1999 г.

Дорогой Николас Кейдж!

Это Бренда. Бренда Браун из Белфаста.

Я подумала, что надо рассказать тебе, как прошла наша скромная выставка. Довольно неплохо. Бесплатное вино лилось рекой, и все напились так, что голова трещала. Вероятно, у одной из скульптур Тома Райли-Дансита тоже. Она таки треснула. Он пришел в бешенство, а мы умирали со смеху, пока он не видел. Сломанной, скульптура выглядела гораздо лучше. В любом случае он продал все свои чудовища, даже сломанные. Мне ничего продать не удалось. Во всем виновато мое скучное имя. Так мне кажется.

Все же выставка прошла недаром. Я получила милое письмо из одной галереи в Голуэе. Мне предложили выставить у них несколько картин, а потом, может быть, даже устроить мою персональную выставку, так что я собираюсь съездить туда, встретиться с владельцами. Хорошо будет уехать на несколько дней из Большой Коптилки, тем более сейчас, когда мои родители разводятся.

Они решили, что более подходящее время объявить нам о разводе, чем посреди воскресного обеда, трудно придумать. Причины, в сущности, никакой. Им, видите ли, стало скучно друг с другом. Вот что такое наши девяностые. Скучать никто не желает. Насколько я могу судить, им скучно друг с другом уже лет двадцать, но до сих пор никто ни о чем таком не заикался.

Сейчас я и вправду подумываю сменить имя. Как тебе нравится Эмили Фицуильям-Моррис, Анна Коннолли-Смит или Мэри Монтэгью-Скай?

Пожалуйста, пришли мне фотографию с автографом.

Я твоя преданная поклонница.

Искренне твоя,

Бренда Браун

Как только золотые чернила высохли, Бренда опустила письмо в почтовый ящик. Это третье письмо, которое она отослала Николасу Кейджу. Она представляла себе, как он открывает ее письма за завтраком возле бирюзового бассейна в Лос-Анджелесе. Он непременно должен заметить ее письма среди всех остальных. Привлекательные конверты будут выделяться на фоне обычной фанатской почты, которой его, должно быть, заваливают каждый день. Вот он сидит у бассейна, в темных очках и в рубашке с пестрым рисунком. Расстегнутой. Интересно, американцы едят тосты с джемом? Вообще едят тосты? Нет. Скорее всего оладьи с кленовым сиропом. Да, точно. На белой тарелке оладьи с сиропом, а рядом три красных письма с золотыми буквами на конверте. Отрадный образ. Можно будет использовать его на заднем плане следующей картины.

Глава 14

Кружки-подружки

Роза Томпсон, вздохнув, села передохнуть в комнатке позади цветочного магазина. Огромная пачка писем и извещений, несколько неоплаченных счетов. Из хороших новостей: еще полно работы с цветами. Нужно составить десять одинаковых строгих букетов для конференц-зала дорогой гостиницы и не забыть сделать оптовикам заказ на ближайшие месяцы. И после всего ей предстояло вернуться в дом, где она прожила четыре года вместе со своим мужем, Джоном, и забрать вещи. Там еще оставались ее платья, туфли, переросшее сырное дерево, африканский деревянный жираф и тридцать одна книга о том, как ухаживать за цветами и составлять букеты. Не такое уж большое состояние после четырех лет в городе.

Решено, сегодня после работы. Она, как последняя трусиха, вот уже три месяца откладывала это дело на потом. В обед нужно убрать все лишнее из багажника фургона, освободить место для вещей. Хорошо бы Джона не было дома. Мужчина он привлекательный, и ей вовсе не хотелось усложнять свое и без того сложное положение прощальным поцелуем, за которым, кто знает, может последовать что-нибудь еще. Им не по пути, и точка. Оставаться замужем за человеком только потому, что ты от него без ума? Глупо.

Она включила чайник и взяла из неразобранной почты первое письмо. Пора начать наводить порядок в делах.

В шесть часов она закрыла магазин и надела вязаный жакет. Дом всего в десяти минутах езды. Вечер выдался ясным, и она была довольна, что сегодня потрудилась на славу. На обратном пути можно будет зайти в чайную «У Малдуна» поужинать. Когда впереди показалась терраса времен Эдуарда II, ведущая прямо к дому (еще недавно их общему), настроение у нее было приподнятое. Правда, увидев, что сад без нее пришел в запустение, она расстроилась. Всего три месяца прошло, а сквозь зазоры на выложенной плиткой дорожке уже пробилась сорняки. Газон давно пора подстричь. В живой изгороди застряли два пакетика из-под чипсов. А растения в висящих над дверью корзинах погибли — засохли и пожелтели, а корзины все крутились и крутились на ветру. Джону лень было поливать их, разозлилась она. И этого после того, как она с ног сбилась, чтобы найти растения, которые нужно поливать только раз в неделю. Все мысли о прощальном поцелуе разом улетучились. Ему наплевать на сад. Тяжело вздохнув, она открыла дверь, вошла и тихо прикрыла ее за собой.

В доме царил беспорядок. На кофейном столике коробки из-под пиццы, на полу газеты. Чашки и тарелки на каминной полке. Сырное дерево совсем зачахло и всеми забытое висело в углу.

Вдруг с кухни донесся какой-то звук. Роза повернулась. На кухне стояла хорошенькая молодая женщина, на которой не было ничего, кроме рубашки Джона. Даже не женщина. Скорее девушка, лет двадцати. Обесцвеченные перекисью короткие волосы и загорелые ноги. Ярко-розовые ногти на ногах. Голубые ресницы, как инопланетные пауки. По-видимому, она ждала, когда закипит чайник.

— Вы, наверное, Роза, — догадалась девушка.

— Да, — ответила Роза. — Извините, но я вас не знаю.

— Меня зовут Синди. Джонни не говорил, что вы приедете сегодня.

— Я не сообщала ему. Решила появиться без предупреждения.

— А, понятно. Он наверху. Я позову его.

— Нет, не надо беспокоиться. Я пойду...

— К тебе пришли, Джонни! — прокричала девушка. — Это Роза! — Немного похожа на хиппи, подумала она и застегнула несколько пуговиц на рубашке.

— Бог ты мой! — отозвался мужской голос.

В спальне послышалась какая-то возня, а потом Роза увидела, как ее муж, в одних штанах, с виноватым выражением лица, заспешил вниз по лестнице в гостиную. Он протянул Синди халат, и она быстро запахнула его на себе. Теперь Джон стоял рядом с Синди. Они хорошо смотрелись вместе. По крайней мере лучше, чем Джон и Роза. Роза думала, что разрыдается от ревности, смущения и тоски. Теперь понятно, почему у него не хватало времени полить цветы в висячих корзинах.

— Роза, — начал он, — не ожидал тебя увидеть. Хорошо выглядишь. — Он скрестил руки на груди. Не слишком впечатляющая речь после такого эффектного выхода.

Он выразительно посмотрел на Синди и кивнул, чтобы она шла наверх. Но Синди вовсе не желала оставлять их наедине. Она улыбнулась ему в ответ и притворилась, что не поняла.

— Послушай, Джон, — прервала молчание Роза, — извини, что ворвалась вот так, не предупредив. Не знала, что ты не один...

— Роза, это Синди, моя новая ассистентка. Синди, это Роза. Моя жена. Бывшая. М-да Ситуация!

Синди улыбнулась Розе, ни разу не хлопнув своими голубыми ресницами, а Роза в ответ улыбнулась Синди — буквально сквозь зубы. Джон во весь рот улыбался им обоим. Повисла неловкая пауза. Они стояли втроем, как будто собирались отправиться в театр или дождались автобуса. Роза вспоминала, смыла ли она вчерашнюю тушь. (Нет, не смыла.) А сиреневый лак на ногах облупился? (Так точно.) Еще одна мысль не давала ей покоя: как же быстро Джон сумел найти ей замену. Что ж, вполне в духе времени. Вперед и только вперед — вот его девиз. В его насыщенной жизни нет места ностальгии и пустым воспоминаниям. Она поняла: вещи нужно забрать сегодня. Чтобы больше сюда не возвращаться никогда.

— Ну что ж, — сказала она холодно. — Я только соберу свои вещи и сразу же уеду. Занимайтесь своими делами, на меня внимания не обращайтесь. Извините, что прервала вас.

— Ну зачем ты так, Роза? — начал Джон. — В конце концов, это ты меня бросила! Я не хотел, чтобы ты уходила.

Улыбка на лице Синди не дрогнула, но она вся как будто сжалась.

— Ты хотел, чтобы я продавала охранные сигнализации и компьютеры, Джон.

— Ты могла бы отказаться. Ради бога, не обязательно было съезжать.

— Ты знаешь, мое призвание — заниматься цветами, я люблю цветы.

— Да уж знаю! — «Гораздо больше, чем любила меня», — подумал он.

— Что ты хочешь этим сказать? — спросила Роза, реагируя скорее на тон, чем на смысл его слов.

— Ничего.

Синди никогда не перечила ему. Синди считала его классным парнем.

— Хотите кофе? — предложила Синди, пытаясь вернуть беседу в цивилизованное русло.

— Нет, спасибо. Но вы, пожалуйста...

Она, как в тумане, пошла наверх; Синди удалилась на кухню, вполне довольная тем, что на сегодняшний день сцены и истерики отменяются.

Пока Джон со своей новой ассистенткой потягивали кофе, удобно устроившись на диване, Роза, словно вихрь, носилась вниз-вверх по лестнице, бросала книги и сандалии в коробки, стараясь не смотреть на разобранную кровать, с изголовья которой свисала пара пушистых розовых наручников. Последние крохи ее чувств к Джону завяли и умерли, как цветы в висящих над входной дверью корзинах. Через несколько минут она была готова к отъезду. Поникшее сырное дерево было спасено и бережно эвакуировано в багажник фургона.

— Вот ключ, — сказала она. — Не думаю, что он мне еще понадобится. — Она с силой вжала его в протянутую ладонь Джона.

Он кивнул в знак благодарности.

— Ну что же, Джон, надо отдать тебе должное. Ты времени даром не теряешь, жаль, что твоей энергии не хватило на сад.

— Извини, я был так занят, то одно, то другое, совсем закрутился. Сама понимаешь, надо еще и Синди поднатаскать...

При этих словах Синди густо покраснела. Роза заметила аккуратные колечки темных волос на груди мужа. Глупо отрицать — ее все еще тянуло к нему, но она приняла правильное решение и не собиралась от него отступать. Он жил исключительно сегодняшним днем. Из него никогда не получился бы хороший садовник.

Пришло время прощаться. Джон встал. Синди тоже. Джон хотел бы обнять Розу, но не мог. В одной руке он держал ключ, в другой кружку, а стоящая рядом ассистентка не сводила с него внимательных глаз.

Первой заговорила Синди.

— Я буду наверху, — обратилась она к Джону. — Да, и... рада была познакомиться, Роза.

— Я заберу ее, если вы не против. — Роза выхватила фарфоровую кружку из рук девушки. — Эта кружка — свадебный подарок моей сестры.

— Да, и эта тоже, — добавил Джон. — Наверное, ты ее тоже заберешь. Они ведь парные. — Он проглотил остатки кофе и протянул кружку Розе. Кружка была еще теплой.

Они оба смотрели на точеные ноги удаляющейся вверх по лестнице Синди.

— До свидания, Роза, — сказал Джон. — Мне будет тебя не хватать.

Роза прижала кружки к груди и вышла навстречу вечернему солнцу, не сказав ни слова и не обернувшись. Она забралась в фургон, положила кружки на переднее сиденье и тронулась с обочины. Главное, не думать о том, какую шутку сыграла с ней судьба.

— Ну что, кружки-подружки, никому-то вы не нужны, — сказала она мягко.

Дверь дома снова захлопнулась. Джон, должно быть, уже поспешил в спальню к Синди.

На обратном пути в свое временное пристанище Роза все ждала, что вот-вот жгучие слезы хлынут потоком, — но ничего подобного. Она пребывала в каком-то оцепенении. Может быть, и неплохо, что все дурацкие мечты о возможном воссоединении разбились в пух и прах. Пришло время двинуться дальше. Она вспомнила о горах Коннемара и о доме, где прошло ее детство. Если быть до конца честной, она по нему очень скучала. И теперь, чтобы залечить душевную рану, ей просто необходимо вернуться туда.

«Безмозглый жеребец, — с горечью подумала она о Джоне. — Но до чего хорош!»

Глава 15

У Сэди созрел план

Сэди Смит была мастерица припрятывать вещи. По всему дому в укромных местечках хранились пакетики с шоколадными драже на случай, если страсть как захочется сладкого. Рано утром, пока все спали, она встала и, накинув розовый сатиновый халатик, взяла со столика в холле ключи от машины Арнольда, бросила их в кувшин на комод. Потом пошла на свою уютную, прибранную кухню и поставила на огонь молоко. Сэди любила кофе с молоком. Расставляя на столе тарелки к завтраку, она напевала военный марш.

Арнольд почти вышел за дверь, когда обнаружил, что ключи исчезли. Сэди изобразила искреннее удивление и с энтузиазмом включилась в поиски, даже за диван заглянула. Через полчаса они сдались. Арнольд взял запасные ключи и отправился на работу.

— Не волнуйся, буду вытирать пыль — где-нибудь наткнушь на твои ключи, — подбодрила она мужа, помахав рукой на прощание. — Не могли же они испариться.

Сэди вымыла посуду после завтрака, усадила свекра и свекровь слушать радио в гостиной, а сама с ключами Арнольда в кармане незаметно прокралась к его кабинету и отперла дверь. Кабинет был под стать ее мужу — опрятный, ухоженный и важный. Красивый письменный стол, удобное кожаное кресло, на темно-зеленых стенах гравюры с изображением сцен охоты. Арнольду этот дурацкий кабинет был совсем ни к чему. Просто удобный предлог, чтобы не сидеть со всеми вместе перед телевизором. Ее вдруг осенило, что он не уделял никакого времени ни ей, ни своим якобы горячо любимым родителям.

Сэди подергала ящик стола. Закрыт. Перебрав связку ключей, она нашла один, маленький бронзовый, и попробовала вставить его в замок. Подошел.

Внутри лежали брошюры с рекламой туров в Париж.

— М-мм, — протянула Сэди. — Замечательно.

Под брошюрами была фотография Арнольда на выставке стеклопакетов в Англии. Рядом с ним вчерашняя блондинка. Та еще штучка, думала Сэди, разглядывая фотографию. Высветленные перьями волосы, острые красные ногти. Шпильки и длинные накладные ресницы. Загорелые ноги были такие тонкие, что Сэди удивилась, как они ее держат. Худющая и бледнющая, как вампир.

Сэди залилась румянцем — пунцовым, как лак на ногтях белобрысой мерзавки. Она прочитала надпись на обороте: «*Арнольд и Патрисия, Эссекс, 1998*». Нужно выяснить — они просто работают вместе или ее прыткий муженек завел себе молодую, худую, как жердь, любовницу.

Чуть позже Сэди пошла купить новый шерстяной кардиган Морису и забрать рецепт для Дейзи. Повинуясь внезапному порыву, она направилась в чайную «У Малдуна». Надо бы все-таки спросить, не нашелся ли ее зонт, который она оставила на пороге в тот ужасный день, когда тайное стало явным. Возле окна было несколько свободных столиков, но Сэди подошла к тому самому столику в углу, где накануне лакомилась вишневым чизкейком. Лучше сесть в укромном местечке, чтобы все хорошенько обдумать. Тишина и спокойствие — вот что нужно, чтобы решить, как жить и что делать дальше; когда Морис и Дейзи дергают тебя каждые пять минут, сосредоточиться совершенно невозможно. Она заказала фирменное блюдо из курицы с двойной порцией жареной картошки и торт с шоколадной помадкой и двойными сливками на десерт. Первый раз в жизни она не считала

калории. Она чувствовала, как клокочущая внутри ярость сжигает жир слой за слоем.

По дороге домой она заглянула в лавку по изготовлению ключей на Фаунтейн-стрит и сделала дубликаты всех ключей Арнольда.

У Сэди созрел план.

— Ты у меня попляшешь, ничтожество расфуфыренное, самодур похотливый! — шагая к остановке и поминутно рыгая, кипятилась Сэди.

Беатрис и Элис Кроули собирались заглянуть в чайную «У Малдуна». Им не терпелось поведать Пенни о важном письме, которое они получили от городских властей.

Наконец, наконец-таки их труд на поприще благотворительности получит общественное признание! Мэр Белфаста устраивал официальный обед в здании городского совета для тех, кто внес весомый вклад в сбор средств на поддержание памятников войны, установленных по всей Европе. В банкетном зале для избранного круга участников встречи будет подан обед из пяти перемен. После обеда некоторые почетные гости произнесут речи.

По завершении официальной части все проследуют в фойе городского совета на выставку фотографий военных лет. Сестер попросили принести несколько фотографий их отца, сержанта саперно-строительного подразделения Уильяма Кроули.

Среди приглашенных будут *vip*-гости, но кто точно, пока неизвестно. В письме напротив этого пункта значилось: «*В процессе подготовки*».

Событие будет освещать пресса. Вполне возможно, что о Беатрис и Элис напишут в газетах. Они непременно попадут в пятичасовые новости. Фрэнк Митчелл, один из ведущих ольстерского телевидения, специально придет взять у них интервью. У сестер голова шла кругом от домыслов и догадок: кто же эти таинственные важные гости?

— Как ты думаешь, может быть, сама королева? — прошептала Элис.

— Ой! Наверное, поэтому они и не говорят раньше времени. В целях безопасности. — Беатрис прикрыла рот руками.

Сестры посмотрели на свое отражение в старинном зеркале над камином. Потом бросились со всех ног — еще никогда их не подводивших во время многочисленных благотворительных походов — вверх по лестнице и начали примерять шляпку за шляпкой.

Глава 16

Удача улыбается Генри

Генри вышел из дому, сжимая в руках свернутую газету. Он бесцельно прошелся по Мэлоун-роуд и Лисберн-роуд. По привычке свернул на Малберри-стрит и в конце концов оказался возле чайной «У Малдуна». Он частенько забредал сюда, когда чувствовал себя одиноко. Вошел. За стойкой стояла Пенни.

— Что для вас, Генри? Я смотрю, вы приуныли, вам просто необходимо чем-нибудь себя порадовать. Могу предложить пирожные с заварным кремом и фирменную курицу.

Генри улыбнулся в ответ, но заказал только кофе и сэндвич. Он сидел, уставившись в окно, и раздумывал, как жить дальше. «Ничего, как-нибудь справлюсь, — думал он, — нужно справиться, раз Аврора так счастлива».

— Что бы вы сделали, реши ваш муж потратить все сбережения на перестройку дома? — поинтересовался Генри у Пенни, когда она принесла заказ.

— Я бы опустила на колени и целовала ему ноги, — ответила Пенни. — И я не преувеличиваю.

— Боже праведный! — только и смог вымолвить Генри. Он всегда полагал, что Пенни понятия не имела о том, какой запущенной и убогой выглядит чайная. Теперь понятно: в том, что касается перестройки дома, сочувствия он от нее не дождется.

— Как продвигается строительство? — спросила Пенни.

— Начнется со дня на день, — обреченно ответил Генри. — Осталось уладить некоторые формальности.

— Не волнуйтесь, — попыталась подбодрить его Пенни. — Что-нибудь хорошее из этого да выйдет.

Генри помешал кофе и выглянул в окно. Изящная женщина с длинными рыжими волосами вышла из цветочного магазина напротив и стала вынимать цветы из коробок. Когда она выпрямилась, солнечный луч коснулся ее медных волос, и они вспыхнули огнем. Генри и раньше замечал ее, но сегодня он почему-то увидел ее в новом свете. У женщины было бледное, очень красивое лицо и белые лодыжки. На ней было красное платье с «индийским» узором, черный свитер и красные, в цвет юбки, высокие ботинки. Увидев эту женщину, ее бледное лицо, белые лодыжки, красное платье и букет лилий в руках, Генри вдруг почувствовал себя сразу молодым и старым. Он определенно ощутил желание.

Женщина зашла обратно в магазин. Генри все продолжал сверлить взглядом пустой дверной проем. Он явно представил, как целует ее, но не сладострастно, а ласково. Нежно. Держа ее маленькое красивое личико в своих мужественных руках. Он не часто одаривал поцелуями Аврору. Уже и забыл, когда в последний раз это было. Боялся, что она примется оценивать его старания по десятибалльной шкале. Нелегкое дело — соперничать с вымышленными героями, гарцующими на диких жеребцах по вересковым пустошам Йоркшира и в дождь, и в слякоть.

— Что-нибудь еще, Генри?

Генри понял, что Пенни все стоит возле его столика.

— Пожалуй, я все-таки съем пирожное с заварным кремом, — ответил он, улыбнувшись.

— Вот и славно. Я не сомневалась, что настроение у вас улучшится, — сказала Пенни.

Разделавшись с сэндвичем, Генри направился к цветочному магазину через дорогу. Он объяснял сам себе, что хочет купить Авроре роскошных лилий, чтобы извиниться за скандал, который он устроил из-за оранжереи. Но на самом деле он хотел снова увидеть красивую женщину с рыжими волосами. Сердце забило сильнее, когда он входил в магазин, где царила темнота и прохлада.

А вот и она. Подбирает листья и лепестки с пола. Она посмотрела на него своими узкими зелеными глазами. Ее лицо было усыпано сотнями розовых веснушек. Она была намного его моложе. Наверное, немного за тридцать.

Она улыбнулась и поздоровалась.

Аврора любила лилии. Хотя и шутила, что лилии ассоциируются со смертью и похоронами. Ну и пусть, а ей лилии нравятся. И аромат они источают изумительный. Она тут же простила Генри. Арнольду Смиту дали знать, что работу можно начинать без промедления, разрешение на переустройство получено. Приехали рабочие, и теплица Генри вместе с отчаянно раскачивающимися в ней из стороны в сторону горшками с душистыми травами и редкими цветами отправилась на свалку. В тот день, когда выкорчевали араукарию его дядюшки, Генри почувствовал, как острая боль пронзила его сердце, и, не в силах больше оставаться дома, пошел прогуляться. По возвращении он получил еще три письма с отказом от разных издателей.

Строительные работы полностью поглотили их жизнь и наполнили ее прорвавшимися трубами, перебоями с электричеством, объяснениями с соседями, недовольными шумом и пылью. Аврора взяла отпуск на работе, чтобы следить за строительством. Генри все больше времени проводил в магазинчике и все чаще бывал в чайной «У Малдуна». Авроре было не до него, она сидела в недостроенной оранжерее, рассматривая заявки от желающих вступить в «Общество почитателей Бронте» и изобретая наряд для съемок в документальном фильме Би-би-си: черное платье с капюшоном и нижними юбками и белый кружевной капор.

Дэвид Кроппер позвонил снова и пригласил Аврору и Генри поужинать. Он и правда загорелся снять фильм, тем более что получил «добро» на его производство от генерального директора Би-би-си. Место на канале Би-би-си-2, поздно вечером, фильму обеспечено, заверил Дэвид Аврору. Аврора приняла приглашение не раздумывая, однако Генри привлечь не стала. «Его наш проект не интересует, — оправдывала она себя. — Будет только сидеть и мучиться оттого, что ему нечего сказать. Или еще того лучше — выложит мистеру Кропперу все, что думает о „Почитателях Бронте“». Поэтому она сказала Генри, что ее позвали на ужин с киногруппой Би-би-си. Все ужасные зануды, но Генри вовсе не обязательно присутствовать. В конце концов, зачем заставлять мужа ревновать, когда для ревности совершенно не было повода.

Но когда Дэвид Кроппер позвонил в дверь и Аврора впервые увидела его, ее убежденность несколько поколебалась. Он был великолепен, и Аврора пожалела, что убрала волосы в тугий пучок и надела чопорный пиджак с высоким воротничком, красноречиво свидетельствующий о ее возрасте. Она бормотала что-то невразумительное, как глупая школьница, которая только и способна что на жалкий лепет о погоде. Однако она ему, кажется, понравилась. Они спустились по ступенькам, рука об руку, он открыл перед ней дверцу своей машины и аккуратно закрыл ее, убедившись, что она удобно устроилась на пассажирском сиденье.

Он привез ее в милый ресторанчик на Линенхолл-стрит, и они чудесно поужинали —

омар, салат и две бутылки белого вина. На Аврору огромное впечатление произвели картины на стенах, вежливое и сдержанное обслуживание, но еще больше — сонные карие глаза Дэвида и его безупречный костюм. Даже темные, с проседью, волосы не старили его, а придавали вид человека образованного, принадлежащего к элите общества. В меру охлажденное вино сделало свое дело, и Аврора и Дэвид окончательно расположились друг к другу. Он на лету подхватывал любую упомянутую ею цитату. Это было изумительно!

И уж совсем Аврора растаяла, когда в ресторан зашла компания с телевидения, и Дэвид встал, чтобы представить ее своим коллегам, и потом все долго жали друг другу руки и расцеловывались. Вновь прибывшие сели за отдельный столик, но раз-другой посылали напитки Дэвиду и его спутнице, и Аврора почувствовала, что теперь она приобщилась к избранному (и очень узкому) сообществу белфастских интеллектуалов. Вечер еще не закончился, а ей казалось, будто знает Дэвида всю жизнь.

Ну да, она, мягко говоря, слегка захмелела, сама себе признавалась Аврора, вспоминая свои откровения за столиком в ресторане. Под шоколадный пудинг она поведала ему, как близка ей Эмилия Бронте и как однажды ей даже показалось, что Эмилия говорит с ней, когда Аврора навещала ее дом в Хоуорте. Желание нести людям любовь к литературе было для нее своего рода призванием. Она должна продолжать великое дело, начатое Бронте. Дэвид слушал, не сводя с нее глаз и даже не моргнув ни разу. В какой-то момент он положил свою изящную руку Авроре на запястье и тихонечко сжал его.

Конечно, потом, когда волшебные чары вина стали улетучиваться, она принялась извиняться. Дэвид поспешил заверить ее, что она просто восхитительна. Правильнее сказать «обворожительна», добавил он. Заказав два кофе по-ирландски, он доверительно сообщил ей, что между ними не иначе как пробежала искра. Они настроены на одну волну. Вместе они всему миру покажут, что Белфаст значит гораздо больше, чем многие привыкли думать. Белфаст — это не только взрывы, протесты, флаги и политическая истерия.

Говори, не останавливайся, прекрасный искуситель, мысленно гипнотизировала его Аврора. Но внешне она никак не выказала своего возбуждения, лишь сдержанно улыбнулась и, когда они уходили, взяла со стойки маленький коробок спичек с логотипом ресторана. На память.

Пока они ехали обратно, Дэвид — на вид трезвый как стеклышко — рассказал Авроре, как планируется снимать фильм. Должно быть, он привык к деловым ужинам, думала Аврора, изо всех сил пытаюсь не клевать носом. Ее охватило неодолимое желание где-нибудь прилечь, и она сама не понимала, в чем причина: то ли вино так на нее подействовало, то ли карие глаза Дэвида Кроппера. Они обсудили сметы и рабочие графики. Аврора заметила, как сверкнули его глаза, когда она объясняла, что для нижних юбок ей потребуется не один ярд белого хлопка, — и она тут же смущенно примолкла и поспешила сменить тему.

Время пролетело до обидного быстро, и вот они уже подъехали к дому. Аврора вышла из старенькой машины Дэвида и, стоя на тротуаре, глядела ему вслед, пока машина не скрылась за углом и совсем не исчезла из виду. Какой привлекательный мужчина, думала она — и на минуту представила, что и он тоже может счесть ее привлекательной. Но тут же сама над собой посмеялась. Стара она уже заводить романы. А если голова немного закружилась, так это от неожиданного предложения участвовать в телевизионном фильме.

Она вошла в дом, стараясь не задеть цветочные горшки, которыми Генри заставил крыльцо. Уж больно их тут много. Когда все растения в цвету, пройти вообще невозможно. Нужно сделать ему замечание, только погода, пусть пока оправится после потери сада.

Генри лежал на диване, потягивая красное вино, и просматривал каталог семян. От одного его вида настроение у Авроры испортилось: разлегся тут, в мятых штанах и старом джемпере. Мог бы прибраться в доме. Мог хотя бы пропылесосить, ей-богу!

— По-моему, необходимость изучать каталоги теперь отпала, — выпалила Аврора прежде, чем успела сообразить, что лучше было этого не делать.

— Полагаю, ты права. Но мне нравится рассматривать фотографии. Как тебе ужин? — поинтересовался он добродушно. В его голосе не было и намека на ревность или подозрения. — Ты долго. Где вы были?

— В «Кристис Брассери», там потрясающе, — ответила она. — Соус к омару выше всяких похвал. Ума не приложу, как они его готовят. Обстановка тоже очень приятная. Странно, почему мы сами там никогда не бывали. — Поразительно, как легко было врать Генри. Все внимание мелким деталям — вот главный секрет первосортного лжеца. — А ты сам что-нибудь себе приготовил?

— Сходил в кафе «У Малдуна» и поужинал рыбой с жареной картошкой, — ответил он. — Изобретать что-то для себя одного неинтересно. Еще взял банановый десерт.

— Тебе не помешало бы следить за своим питанием, Генри. Так и растолстеть недолго, — упрекнула мужа Аврора, вспомнив плоский, как доска, пресс Дэвида Кроппера, серебряную пряжку на черном кожаном ремне его брюк. Потом она заспешила вверх приготовить себе горячую пенную ванну: ей не терпелось поскорее уйти от Генри — отчасти потому, что от выпитого вина у нее немного кружилась голова, а отчасти потому, что она чувствовала себя перед ним виноватой.

Когда несколько дней спустя мисс Уилкинсон объявила о своем уходе и Аврору назначили директором школы, она в душе возликовала. Первый, кому она позвонила из учительской сообщить радостную весть, был Дэвид. Он сердечно поздравил ее и взял с нее слово, что они снова куда-нибудь сходят отпраздновать это событие.

Глава 17

Клэр и Бренда ужинают вместе

Клэр Фицджеральд сделала глубокий вдох и сняла телефонную трубку. Это была ее третья поездка в Белфаст, и она пробыла здесь гораздо больше времени, чем планировала, навещая всех старых друзей и родственников или просто прогуливаясь по местным магазинчикам, чтобы вновь ощутить и впитать дух города. Она не могла отделаться от чувства, что у нее осталось здесь незавершенное дело, — может, она все еще надеялась неожиданно столкнуться с тем, кого когда-то любила и потеряла, с Питером Прендергастом.

Концертный зал Уотерфронт-Холл выглядел очень впечатляюще, дома, спроектированные модными дизайнерами, на другой стороне реки тоже. Кто бы мог подумать, что в старом добром Белфасте, где новое всегда приживалось с таким трудом, найдется место современной архитектуре? Открылось несколько приличных ресторанов, взять хотя бы то кафе в минималистском стиле на Мэлоун-роуд. Жаль, что не было времени написать о нем заметку. Но теперь уже всё, пора возвращаться домой.

Она сидела на кровати в гостиничном номере. Внимательно набрав на телефонном диске длинный ряд цифр, она в ожидании ответа стала складывать в чемодан тюбики с ванильным кремом для рук и красивые стеклянные флакончики с духами.

— Здравствуйте. Редакция. Чем могу вам помочь?

— Здравствуйте. Это ты, Майк? Привет! Как дела?

— Клэр! У меня все в порядке. Как ты?

— Тоже все хорошо.

— Ты что же, совсем про нас забыла? Даже не скучаешь?

— Скучаю, уже собираюсь в обратный путь. Ты получил пленки?

— Конечно.

— Ну как фотографии — хорошо вышли? Что скажешь? Старый дом просто прелесть, правда? Подлинные каминны, да и вообще всё!

— Да, да, замечательный.

— Там у них еще великолепный розовый сад и старинная каменная беседка, вся в трещинах, увитая плющом. Я даже думаю какой-нибудь из этих снимков поместить на обложку.

— Хочешь, чтобы я этим занялся?

— М-мм... пожалуй, да, тот, что с розовыми розами, в корзинках над дверью в беседку. А текст, я думаю, надо пустить белым цветом слева, там, где темный плющ. Как тебе такая идея? Да. Займись, пожалуйста.

— Хорошо. Так как там в Белфасте? Как ты сама?

— Как я? Сказать по правде, когда ты предложил сделать темой номера Белфаст, я подумала, что ты сошел с ума, но все оказалось очень даже неплохо. Совершила небольшое путешествие по волнам своей памяти.

— Я так и думал. Встречалась с кем-нибудь?

— Провела отличный вечер со школьными друзьями.

— Ходили в клуб?

— В моем-то возрасте? Да еще в Белфасте! Нет, посидели в тихом маленьком ресторанчике.

— А как насчет симпатичных мужчин?

— Мне такие не попадались. Ты от меня когда-нибудь отстанешь? Я же миллион раз говорила: мне нравится жить одной.

— Ну да, еще бы!

— Да, нравится.

— Ладно, как знаешь. У тебя голос уставший.

— Да, устала немного. Я рада, что завтра наконец буду дома. Эти поездки сил мне не прибавляют, скорее, наоборот.

— Каким рейсом прилетаешь? Я пошлю машину, чтобы тебя встретили.

— Буду в аэропорту Кеннеди около семи вечера. По нью-йоркскому времени.

— Так как собираешься провести последний вечер в родном городе?

— Сегодня? Закажу ужин в номер.

— Да ладно!

— Нет, правда, так легче. Поверь мне. Это мой обычный режим. Лягу спать пораньше, завтра увидимся.

— Хорошо.

— У тебя все в порядке? Удалось найти лестницу для сбора фруктов? Отснял материал с французским полотном?

— Удалось. Отснял. Но не без труда.

— Молодец! Ну тогда все. До свидания.

— Пока, Клэр.

Она повесила трубку. Лучшего ассистента, чем Майк, не найти. Он отлично справлялся с делами в ее отсутствие и все делал так, чтобы Клэр осталась довольна. Не то что другие ассистенты, которые любят усесться в кресло начальника, стоит ему ненадолго отлучиться.

Клэр знала, что фотограф и без нее все снял бы в лучшем виде. Он толковый малый, но все же ей было спокойнее, когда она сама присматривала за съемкой. Она, как никто, умела подмечать мельчайшие детали, благодаря которым журнал и обрел свое лицо. Взять, к примеру, старую беседку в саду рядом с особняком в имении Странмиллас: пришло бы ему в голову сделать снимки романтичными? Вечерний свет, густой плющ, дверь немного приоткрыта, так что видны плетеные кресла внутри, — и ведь может получиться самая романтическая обложка за всю историю интерьерных журналов. В этих пустых креслах столько щемящей тоски. Какие только влюбленные не сживали на них за минувшие годы?

«Прекрати, — сказала она сама себе. — Хватит придаваться мечтаниям. Прошло столько лет. Да, может, ничего и не было. Может, для него это ничего не значило. Просто он был мил со мной, потому что я была еще наивной девчонкой. Он бы не узнал меня сейчас, повстречайся мы с ним на улице. О боже, сколько можно думать о том, чего никогда не было и не будет...»

Бесполезно. Она собиралась снова вернуться туда, в последний раз. В последний раз взглянуть на свою старую квартирку и чайную «У Малдуна» — и тогда уж все, конец.

Она надела синее пальто, фетровую шляпку цвета морской волны, которая сидела ровно по линии бровей, и вышла из гостиницы. Медленно прошла по Шафтсбери-сквер, остановилась, чтобы заглянуть в окно новой художественной галереи, потом вышла на Лисберн-роуд и наконец повернула на Малберри-стрит.

Кафе было открыто. Ничего не изменилось с тех времен. Даже вывеска. Странное местечко. Как волшебный магазин в детской книжке: снаружи дом как дом, а внутри

сказочное царство. Или у нее снова разыгралось воображение?

На небе видны были луна и звезды. Темнело. Свет от ламп на потолке кафе разливался по тротуару ярким пятном, на котором отпечатывались тени людей, сидящих внутри. Сейчас в кафе, за столиками, посетителей было немного. Но свободных столиков она не заметила, а подсаживаться к кому-то ей не хотелось. Иначе опять придется вступать в долгий разговор об американском житье-бытье. Ей же хотелось побыть наедине со своими воспоминаниями. Она не стала заходить.

Сделала несколько шагов и остановилась, чтобы посмотреть в окно крошечной квартирki, в которой много лет назад провела незабываемую ночь с Питером. Какое крошечное окошко! От одного его вида ее пробрала дрожь. На подоконнике она заметила одуванчики.

В темном окне появилось бледное лицо с темной челкой, падающей на глаза. Клэр застыла от удивления. Те же короткие темные волосы, скуластое лицо. Ее трясло, руки потянулись ко рту. Нет, конечно, это не Питер. Ему сейчас должно быть лет сорок. Наверное, она сходит с ума. Потом призрак посмотрел прямо на нее, и неожиданно она поняла, что бледное лицо принадлежит молодой женщине. Она сама смотрела почти так же испуганно, как Клэр. Клэр поспешила по улице дальше, но через несколько секунд услышала, как открывается дверь. Бренда Браун окликнула ее:

— С вами все в порядке? Что-то случилось?

— Нет-нет, все хорошо. Я приняла вас за другого человека. Извините, что напугала.

— Да ничего. Мне показалось, вы сейчас упадете в обморок. Вот и все. Но я здесь живу уже несколько лет. Вы уверены, что у вас правильный адрес?

— Да, конечно. Человек, с которым я вас перепутала, никогда не жил здесь. Я жила. Вы просто похожи... немного, вот и все. — Клэр не хотелось рассказывать Бренде о том, что двадцать лет назад она провела ночь с человеком, которого знала всего несколько часов. Или что она приняла Бренду за парня. — Извините, — повторила она опять и повернулась, чтобы идти своей дорогой.

— Пожалуйста, не уходите! Погодите немного. Выпейте хотя бы чашку чаю. Может, зайдете на минутку? Кажется, вам нехорошо. Кстати, меня зовут Бренда Браун. Я художник.

— Клэр Фицджеральд. Рада познакомиться. — Они пожали друг другу руку.

Клэр знала, что ей не стоит заходить. Все равно что напрашиваться на неприятности. Она не была уверена, что сможет невозмутимо вынести встречу со старым домом. Но машинально поднялась по лестнице и вошла в квартиру на втором этаже, не проронив ни слова. Там она прошла в гостиную, Бренда следовала за ней по пятам.

— Боже мой! — воскликнула Клэр. — Все как раньше. Тот же ковер, и стол, и диван. Даже мебель не переставлена. Ничего не изменилось.

— Да уж, домовладелец — настоящий дядюшка Скрудж. Бьюсь об заклад, что здесь все по-прежнему.

— Вы художник, так вы сказали? — Клэр стояла посреди комнаты и смотрела на картины, прислоненные к стенам. Любопытство взяло верх, несмотря на печальные обстоятельства.

— Да.

— Что пишете?

— Да так, разное. Разное невеселое. — Теперь, когда у Бренды появился заинтересованный слушатель, умные мысли как будто выветрились из ее головы. —

Обычных людей. Разочарованных людей.

— Что-нибудь продается?

— И да и нет. Пишу-то я на продажу, только покупателя пока не нашлось.

— Можно взглянуть?

— Сколько угодно, — ответила Бренда, протягивая Клэр список названий.

Клэр стала читать вслух:

— «В ожидании тишины», «Конец дня», «Белфастская мамаша», «Кухня в Шэнкилле», «В ожидании священника», «В ожидании рассвета»...

— М-мм, — протянула Бренда. — Многовато ожидания, вам не кажется?

Клэр некоторое время рассматривала картины. «Совсем неплохо, — подумала она. — Может, чуточку через край. Но в целом очень, очень неплохо. Большой потенциал, немного прямолинейно, а в остальном...»

— Можно посмотреть спальню? — спросила Клэр неожиданно.

На мгновение Бренде показалось, что та имеет в виду картину под названием «Спальня». Она была озадачена. Разве у нее есть такая картина? Но потом до нее дошло, что странная женщина хочет посмотреть на ее спальню, комнату в квартире. Бренда почувствовала некоторое беспокойство. Вполне возможно, что у этой эффектной дамочки не все дома. Кто из приличных людей станет просить показать спальню? Но что-то в выражении лица женщины внушало доверие и отгоняло дурные мысли.

— Это там, — ответила Бренда, показывая на открытую дверь в прихожей.

— Я знаю где, — сказала Клэр и прошла внутрь, пока Бренда топталась в проходе.

Та же кровать в викторианском стиле: дешевая, из кованого железа, некоторые декоративные детали исчезли. Поблекшие обои в цветочек. Кухонный стул вместо тумбочки. Только ковер другой. Серый, без узора. (Это было нововведение Бренды. Старый ковер она испортила, уронив на него тубик с масляной краской. Прошло несколько месяцев, прежде чем она смогла скопить деньги на новый.)

— Раньше здесь лежал другой ковер, жуткого вида, как эти обои, — заметила Клэр, и по ее щеке скатилась крупная слеза.

Бренда отвернулась, пока Клэр вытирала глаза. Надо же, как расчувствовалась, удивилась про себя Бренда. Интересно, купит она картину? Вполне могла бы себе позволить. Но спрашивать напрямик не хотелось.

— Так вы говорите, что жили здесь.

— Да, — ответила Клэр. — Я тогда была студенткой, это было очень давно. Я жила в этой квартире примерно год.

— Не жили, а выживали, правильнее сказать, — подхватила Бренда. — Здесь зимой, как в Сибири.

— Все еще не провели центральное отопление? В наши-то дни? Неужели такое еще допускают? У меня даже сохранился ключ. Валяется где-то дома.

— Судя по тому, на что похожа дверь, — сказала Бренда, — замки меняли несколько раз. — Она смотрела на Клэр и не решалась задать вопрос. — На кого, вам показалось, я похожа?

— Я просто приняла вас за человека, которого знала когда-то.

— Как звали вашу подругу?

— Все дело в том... что это был молодой человек с точно такой же прической. Я не могла разглядеть ваше лицо: холодильник загораживал. Конечно, вы совсем не похожи на

парня.

— Ваш старый бойфренд?

— И да и нет, как вы говорите. Мы были знакомы совсем недолго, но я надеялась, что наше знакомство перерастет во что-то особенное. Так мне казалось.

— Понимаю. Так бывает. Иногда просто нутром чувствуешь.

— А у вас есть такой человек — особенный? — Клэр подумала, что для разрядки лучше вернуть разговор в обычное русло.

— Да, есть. — Бренда сама удивилась тому, что сказала.

— Вы влюблены в него? Извините, вам не нужно отвечать. Простите, что спросила. Я безнадежный романтик.

— Ничего страшного. Ну да, я люблю его, но нам приходится нелегко. Он живет не в Белфасте.

— А где же?

— В Америке.

— Надо же! Я тоже. А где именно?

— В Лос-Анджелесе.

— А я в Нью-Йорке. Как его зовут?

Бренда думала сказать правду, но потом решила немного подправить факты. Она вспомнила о фильме «Власть луны».

— Его зовут Ник. Он, э-э... пекарь. Печет хлеб. Семейный бизнес.

— Правда? — поддержала разговор Клэр. — Как интересно. Послушайте, раз уж мы заговорили о хлебе, я умираю с голоду. Почему бы нам не зайти в кафе по соседству и не подкрепиться немного. Я угощаю. А вы мне все тем временем расскажете.

Бренда, у которой за целый день во рту маковой росинки не было, уже потянулась за курткой. Они спустились вниз. Рука Клэр немного дрогнула, когда она выключала свет. Она бросила последний взгляд на убогую прихожую и толкнула выдавшую виды дверь.

— Расскажите мне о своем друге, — попросила Клэр, когда они устроились за свободным столиком в чайной «У Малдуна».

— Он американец итальянского происхождения. Очень милый. Несмотря на то, что у него нет одной руки. Он мог бы бросить работу, но это семейное дело. Итальянцы такие чудачки — в плане семейных дел, если вы понимаете, о чем я. Очень строго блюдут традиции. Он любит оперу, а в смокинге от него глаз не оторвать. — Бренда и сама не знала, зачем так беззастенчиво врет, но, начав, она уже не могла остановиться. Наверное, ей хотелось, чтобы ее общество было приятно элегантно одетой женщине, которая проявила такой интерес к ее работе.

— Заказывайте что хотите, — предложила Клэр. — Я же вижу, вы недоедаете. Студенты не в состоянии о себе позаботиться. И я прекрасно знаю, как недешево быть художником. Я сама училась в художественной школе. Некоторое время.

— Здесь, в Белфасте? Правда? Когда?

— Очень давно. В восемьдесят втором.

— Вы и сейчас профессиональный художник?

— Нет, я в издательском бизнесе — в журнале по дизайну интерьеров, — ответила Клэр.

Как раз в это время к их столику подошла миловидная женщина, чтобы принять заказ.

Пенни улыбнулась Бренде, но не обратилась к ней по имени. Пенни была настоящим

профессионалом, с природным чувством такта. Дизайн интерьеров? Ах да, теперь Пенни припомнила, что видела эту женщину раньше: несколько месяцев назад она обратилась к Пенни, когда оставила в кафе модный журнал.

— Курица в соусе из сушеных помидоров с чесноком. Хлебная тарелка с маслом. Чайник чаю. Кофейный торт и мороженое с виски, — протараторила Бренда, скользя глазами по меню. Потом взглянула на Клэр. — Это не слишком?

— Вовсе нет, — ответила Клэр с ласковой улыбкой. Конечно, не совсем по правилам заказывать десерт, пока тебе не предложили, но бедняжка выглядела такой изголодавшейся. — Мне то же самое, — сказала она просиявшей Пенни.

Пенни поспешила на кухню сообщить Дэниелу, что Бренда обзавелась богатой подругой. Редактор журнала, ни больше, ни меньше. Может, девчонка наконец-то нащупала путь к славе и богатству.

— Почему же вы не смотаете удочки и не отправитесь к тому парню в Америку? — поинтересовалась Клэр, пока они ждали, когда принесут заказ. — Зачем терять драгоценное время, жить врозь, если он вам не безразличен?

— Ну, — начала Бренда, — отчасти потому, что его мать против, чтобы мы были вместе. Она хочет, чтобы он женился на славной итальянской девушке, которая могла бы помогать в пекарне. А отчасти из-за моей работы. Я хочу утвердиться как художник здесь, в Белфасте. Для меня очень важно, чтобы мои работы приняли в родном городе.

— Понимаю. Должно быть, ваш друг очень чуткий человек. Если так терпеливо ждет вас.

— Да. Он меня понимает. А как звали того парня, которого вы знали, когда жили здесь?

— Питер.

— Питер, а дальше? Может быть, я о нем слышала.

— Прендергаст.

— Нет, не знаю никого по фамилии Прендергаст. Извините. А где вы познакомились?

— На дискотеке. Нам нравилась одна и та же музыка. Я обожала слушать музыку, когда была моложе. Моей любимой группой была «Хьюман Лиг».

— Я их знаю. Они все еще вместе, все еще дают концерты.

— Да, верно. Я видела их не раз. Все трое до сих пор в отличной форме! Молодцы!

Бренда изучала свою новую знакомую. Слишком много косметики. Красная помада. Уголки верхней губы тщательно прорисованы красным карандашом. Черные волосы — крашенные. Короткая стрижка, очень строгая, деловая. Бархатное пальто — немного претенциозно. И все эти побрякушки на запястьях! И еще по четыре кольца на каждой руке. Как хотите, но это чересчур. Но нужно отдать ей должное, она оказалась очень щедрой — ужином вот ее, Брендю, кормит. И с ней легко общаться.

— Вам все еще нравится музыка восьмидесятых? — спросила Бренда.

— Боюсь, что да. Ничего не поделаешь.

— А их причесоны — тоже нравятся? — улыбнулась Бренда.

— В свое время я была даже неравнодушна к мужчинам с необычными прическами.

— А, ну конечно. — И она дотронулась до своей челки. — Расскажите немного о своей работе. Как вы выбираете дома для журнала?

— Меня привлекают детали — что-то особенное, единственное в своем роде, удивительное. Вдохновляющее.

Бренде вдруг показалось, что ее собственные картины слишком уж депрессивны. Может

быть, поэтому ей никак не удастся продать их? Может, попробовать добавить цвета?

Клэр как будто прочла мысли Бренды.

— Знаете что? — произнесла она задумчиво. — Я хотела бы приобрести одну из ваших картин, пока я еще здесь. Могу я заехать завтра рано утром по дороге в аэропорт и выбрать что-нибудь?

— Я буду очень рада. — Бренда светилась от счастья.

Ее радость удвоилась, когда Пенни принесла заказ, Бренда сразу заметила, что порции гораздо больше тех, какие накладывает Дэниел.

— Вы уже что-то присмотрели? — спросила Бренда, потянувшись за солью с перцем.

— Да, пожалуй. Мне приглянулась одна картина. Маленькая, квадратная. «В ожидании любви», кажется, она называется.

— Это мой портрет. То есть автопортрет. Считайте, что она ваша.

— Хорошая работа. Очень мне понравилась.

Глава 18

Клэр посвящает Пенни в свою тайну

На следующий день рано утром, когда Пенни выставляла на стойку чашки, в кафе вошла Клэр. В руках она держала дорогую сумочку и коричневый сверток. Пенни узнала посетительницу — это редактор журнала, которая накануне вечером заказала обильный ужин для себя и Бренды Браун, а потом еще несколько чашек кофе. Почти три часа они с Брендой что-то горячо обсуждали. Интересно, откуда они знают друг друга.

— Простите, — сказала гостья, — меня зовут Клэр Фицджеральд. Вы не могли бы мне помочь?

— Конечно. А в чем дело?

— Я ищу одного человека. Вы, наверное, решите, что я ненормальная, но я разыскиваю мужчину, с которым познакомилась в Белфасте лет семнадцать назад.

— А как его зовут?

— Питер Прендергаст.

— Нет, к сожалению, о таком не слыхала. А он живет где-то поблизости? Я хорошо знаю этот район и могла бы свести вас с кем-нибудь, кто с ним, возможно, знаком.

Клэр печально улыбнулась. И правда, все ли в порядке у нее с головой — приставать к официантке в аляповатом наряде с расспросами о человеке из далекого прошлого? Но в кафе больше никого не было, а женщина за стойкой казалась вполне дружелюбной. Клэр решила продолжить:

— Честно говоря, я больше ничего о нем не знаю. Но, понимаете, я когда-то сидела с ним в этом самом кафе и... в глубине души я надеялась, что, может быть, он приходит сюда иногда... Мы сидели вон там, у окна, болтали часа два. Я влюбилась в него. По уши. Как бывает только в юности.

Обе женщины смущенно хмыкнули.

— Свой адрес и номер телефона он записал на кассете, которую я положила в сумочку. Так случилось, что я ее потеряла. На улицах были беспорядки, и я забыла сумочку в автобусе. Я постоянно что-нибудь теряю.

— Ах ты господи! — сочувственно произнесла Пенни. — Но, простите, что спрашиваю... а вы свой адрес или телефон ему давали?

— Видите ли, в квартире тогда у меня телефона не было. Но он знал, где я жила. Как раз по соседству с вами. Он не мог забыть.

(Так она жила в квартире Бренды!)

— Но он так и не пришел. Я справлялась о нем в университете, где он учился, оставляла записки. Одна девушка дала мне его адрес, и я написала. Но ответа не получила. А потом отец решил переехать в Англию, и вскоре нас уже здесь не было. Обосновались в Корнуолле. — Она вздохнула и помолчала немножко. — В конце концов я уехала учиться в Лондон. А потом, когда получила диплом, отправилась в Америку. Сейчас работаю в издательском бизнесе. Занимаюсь интерьерями. Особенно интересуюсь кладовыми. Там всегда найдется место для любой вещи, и там каждая вещь на своем месте. Полезная штука для такой особы, как я. Однако вернемся к Питеру. Казалось бы, подумаешь, юношеское увлечение, но я так и не смогла забыть его. Вот и подумала...

— И подумали, что не будет большой беды, если вы с ним повидаетесь, — перебила

Пенни. — Я вас хорошо понимаю. А вы не хотите поместить объявление в «Белфаст телеграф»?

— Не знаю, по-моему, это уже чересчур. Ему может не понравиться такая... Сами понимаете, неизвестно ведь, как он сейчас живет...

— Да, понимаю, — ответила Пенни. — Послушайте-ка, если вы не против, я могу повесить на окно объявленьице, и если кто-нибудь заинтересуется, то я вам сообщу. Ну что?

— Спасибо, это то, что нужно.

Она протянула Пенни визитку с названием своего издательства.

— Отлично. С удовольствием помогу. Я знаю, что это такое — когда любишь человека, а он для тебя недосягаем, — произнесла Пенни с грустью. — Она налила гостю в бархатном пальто чашку кофе и сказала: — За счет заведения.

Клэр Фицджеральд взяла кофе и села у окна. Пенни заметила, как она ладошкой коснулась стола — будто возвращала к жизни ту далекую встречу. Возможно, они сидели за этим же столом, на этих же стульях. Она и Питер. В чайной ничего с тех пор не изменилось. Жест Клэр растрогал Пенни, и душа ее наполнилась внезапной тоской. Никогда еще так сильно не вспыхивало в ней желание любить, и быть любимой, и сгорать от страсти.

И вдруг Пенни кое-что вспомнила. В голове возник образ какого-то письма, точнее, имени, написанного от руки.

Она взяла визитку Клэр и пошла в кухню — проверить один из выдвижных ящиков. Этим ящиком почти не пользовались. Он был до отказа забит гвоздями, нитками, шнурками, отвертками, бумажными пакетами, старыми рецептами и визитками. Пенни потянула за ручку, но ящик не открывался. Она попыталась разглядеть, в чем дело, и увидела, что сбоку застрял кусочек не то картона, не то еще чего-то. Пенни вдруг потеряла терпение, обеими руками схватилась за ручку и дернула изо всех сил. Картонка порвалась, ящик выскочил из буфета, и все его содержимое высыпалось на пол.

— Чертова кухня! — прошипела Пенни. — За что ни возьмись, все разваливается!

Она нагнулась, чтобы собрать рассыпавшийся хлам, и вдруг среди прочего заметила выцветший конверт. Вот оно! На конверте надпись: «Для Клэр Фицджеральд».

Пенни ахнула. За столько лет она, наверное, видела это письмо десятки раз, но тогда имя на конверте ни о чем ей не говорило. С письмом в руке она кинулась обратно в зал. Клэр по-прежнему сидела за столиком у окна.

— Такого просто не бывает, но посмотрите — нашла в ящике буфета, — выдохнула Пенни. — Может, это вам?

Клэр взяла конверт обеими руками. Почти не дыша. Пенни вернулась за стойку и старалась смотреть в другую сторону.

Клэр распечатала письмо и со слезами на глазах стала читать.

Милая Клэр!

Я чувствую себя немного по-дурацки, прибегая к такому способу, но я беспокоюсь — от тебя давно нет вестей. Я несколько раз заходил к тебе, звонил в дверь, но не застал тебя дома. Ты, может, решила, что в ту ночь я вел себя как последний идиот — когда стал признаваться тебе в любви. Но я правда люблю тебя. Если ты еще хочешь меня увидеть, пожалуйста, дай о себе знать. На всякий случай вот адрес моих родителей, так как со старого адреса я скоро могу съехать. Я

очень скучаю по тебе.

С любовью,

Питер

Клэр перевернула страничку и прочла адрес. Она ринулась к стойке и попросила Пенни немедленно вызвать такси. Пенни сама была так взволнована, что три раза набирала номер, пока попала куда нужно.

Клэр снова села на свое место за столиком. Она прихлебывала кофе, пытаясь хоть немного прийти в себя. Она то думала о Питере, то пыталась не думать о нем. Картину, купленную у Бренды, она держала у себя на коленях. Ни поставить ее на пол, ни даже положить на стол она не решалась из страха лишиться этого портрета. «В ожидании любви». Небольшое полотно. Можно взять с собой в салон самолета как ручную кладь. Всего триста фунтов. Заплати она в два раза дороже, и то было бы недорого. Клэр порывалась заплатить больше, но Бренда и слышать об этом не хотела. Социалистические принципы, так она объясняла свое упрямство.

Клэр сняла коричневую бумагу и взгляделась в автопортрет Бренды Браун. Широкие энергичные мазки, насыщенный синий цвет — это могло быть лицо и мужчины, и женщины. Это мог быть портрет Питера. Как только она вернется домой, тут же вставит портрет в раму и повесит в своем офисе в Нью-Йорке.

Сердце, казалось, готово выскочить у нее из груди. Она сосредоточилась на Бренде Браун.

Бренда — презабавное существо. Живет в этой ужасной дыре тут по соседству, пока ее дружок-американец подыскивает для них двоих подходящее жилье в Лос-Анджелесе и собирается с духом признаться своей старомодной мамаше, что хочет жениться на ирландской девушке. Бедняжка Бренда!.. Удачи ей! Как правило, все курортные романы сходят на нет вместе с загаром.

А ведь она неплохой художник. Возможно, в Америке ей больше повезет. То, что она родом из Белфаста, может сыграть ей на руку — публика любит все новое. Когда Клэр сказала об этом Бренде, та ни в какую не хотела верить, хотя Клэр уверяла ее, что это чистая правда. Иногда художнику просто необходимо уехать в другое место, чтобы люди стали относиться к его творчеству серьезно. Никто не верит в исключительность человека, живущего на соседней улице.

Клэр сфотографировала Бренду, взяла один из ее рекламных буклетов и сказала, что, может быть, напечатает о ней небольшую заметку в своем журнале в разделе «Искусство». Она вручила Бренде визитку и чек на триста фунтов за картину.

Так или иначе, поездка Клэр оказалась удачной. Она сделала столько фотографий поместья в Странмилласе, что хватило бы на восьмиполосный разворот. Беседка получилась потрясающе, один из этих снимков точно пойдет на обложку. А еще познакомилась с художницей из Белфаста и купила чудесную картину. Заодно разжилась кое-каким материалом для раздела «Искусство». Так что, как бы там ни было, приведет ее письмо к Питеру или нет, поездка предпринята не зря.

И все-таки она надеялась, что письмо поможет ей найти Питера. Надеялась от всей души. Когда за окном чайной остановилось такси и водитель посигналил, сердце Клэр сжалось до размеров лесного ореха. Так ей стало страшно. Она залпом допила кофе, крепко

обняла Пенни и вышла из кафе, прижимая к груди портрет Питера.

Глава 19

Сестры Кроули отправляются за покупками

Снова и снова перечитывала Беатрис приглашение из городского совета Белфаста. Оно выглядело так внушительно! В какой-то момент Элис предупредила ее, что края уже обтрепались и выглядят неряшливо. На всякий случай сестры вставили приглашение в красивую золоченую рамку и поместили на каминную полку.

«В знак признательности за ваш многолетний труд на благо общества, — читала Беатрис, — мэр города приглашает вас на торжественный обед и последующее официальное открытие Выставки памятных вещей военного времени. Форма одежды — официальная. Просим подтвердить присутствие».

Обед был назначен на двадцать шестое сентября. Естественно, сестры ответили, как только получили приглашение. Беатрис торжествовала:

— Я знала, что в один прекрасный день нечто подобное должно случиться! Наконец-то наш бескорыстный труд оценили по заслугам!

— Я все еще не могу поверить, — прошептала Элис. — Нужно узнать, не будет ли на обеде кого-нибудь из королевской семьи. Хотя, думаю, по соображениям безопасности такие сведения держатся в секрете. Можно спросить у кого-нибудь из городского совета. Например, у миссис Каннингем из нашего прихода. Она, кажется, отвечает за мусор и канализацию.

— Ну отвечает, и что? — возразила Беатрис. — Откуда ей знать? Чего ради ей сообщат, а нам — нет? Но что же нам надеть? Где взять две подходящие шляпки?

— Не паникуй, — успокоила сестру Элис. — У нас куча времени.

Но Беатрис не была так уверена:

— Время пролетит быстрее, чем ты думаешь. А нужно столько успеть!

Сестры сообщили организационному комитету, в каких войсках служил их отец и номер его полка, рассказали о подвигах Уильяма и предоставили для выставки его многочисленные награды и подборку старых, выцветших фотографий. Одна из них, где сержант Кроули стоит у ворот концентрационного лагеря Белсен, особенно тронула сердца членов комитета, поэтому ее решили увеличить и повесить на почетное место. Другой снимок запечатлел Уильяма вместе с дочерьми на военном кладбище во Франции. Фотография была сделана в 1973 году в День памяти погибших в Первую и Вторую мировые войны, а через пять месяцев отца не стало. Сестры больше всего дорожили этим снимком, но все-таки согласились отдать его на выставку, после того как им клятвенно пообещали, что с ним ничего не случится.

Согласие на участие в торжественном обеде было подтверждено, и сестры Кроули заранее записались в парикмахерскую. Беатрис села на диету, а Элис скупилась в газетном киоске все модные журналы о знаменитостях и проштудировала их от корки до корки. Вскоре она знала всех в лицо и была в курсе, кто на ком женат и какой благотворительный фонд поддерживает. Жизнь звезд оказалась чрезвычайно увлекательной, хотя Элис никогда не призналась бы в этом своей сестре, которая по вечерам читала только интеллектуальную поэзию.

— Не хочу столкнуться на приеме с какой-нибудь важной персоной и даже не понять, кто это, — решительно заявила Элис, вытаскивая из сумки кипу журналов, в ответ на

осуждающий взлет бровей Беатрис.

Мучениям по поводу выбора нарядов не было конца. Сестры не хотели подвести родной Белфаст. В этот знаменательный день они должны выглядеть подобающим образом независимо от того, кем окажется почетный гость. Там ведь будут фотографы и съемочные бригады обоих городских телевизионных каналов. Сестер, может даже, покажут в общенациональных новостях. Если в этот день не случится чего-нибудь поинтереснее.

Конечно, они не собирались затмить своими нарядами *vip*-гостей. Это было бы дурновкусием. После долгих обсуждений сестры решили, что нужно быть готовыми к появлению самой королевы. Главное — не прийти на торжественный обед неважно одетыми. Или чересчур разодетыми. Известно, что королева иногда выбирает старомодные цвета. Ее привычки в одежде довольно консервативны.

Красно-бело-синее одеяние неуместно — чересчур патриотично. Сестрам не хотелось напоминать «объедки», оставшиеся после праздника Двенадцатого июля. Черное — слишком мрачно. Как на похоронах. Голубой — цвет Маргарет Тэтчер. Белый и кремовый — хороши только для свадьбы. Розовый — банально. Зеленый — слишком по-ирландски. Пурпурный — слишком по-королевски. Элис боялась, что пестрый рисунок может вызвать у ее величества головную боль. Беатрис отвергла твид, потому что это очень провинциально.

Дни проходили один за другим, а сестры все не могли найти решение. А нужно было еще подобрать жакеты, шляпки и туфли, не говоря про платья, сумочки и украшения.

— Броши! — воскликнула Элис. — Мы должны надеть броши. Королева всегда носит брошь на плече.

— Мы не можем позволить себе дорогие украшения, — забеспокоилась Беатрис. — Но я ни за что не надену на королевский прием дешевую подделку. А если какой-нибудь камешек вывалится и мы не заметим?

Тайна почетного гостя по-прежнему не раскрывалась, но среди прихожан церкви, которую посещали сестры Кроули, поговаривали, будто кто-то слышал, как некий член городского совета сообщил жене, что королева точно собирается быть. В такой важный день сестры просто обязаны выглядеть безупречно. Это вопрос жизни и смерти.

Отчаявшись, Элис и Беатрис сели в поезд и отправились в Дублин. Они никогда там раньше не были, но в белфастских бутиках не нашлось ничего приличного — одни блески, кружева и перья. Кто только покупает подобные нелепые наряды и куда их можно надеть, недоумевали благоразумные сестры Кроули. Ничего подходящего для такого серьезного и ответственного события, как открытие Выставки памятных вещей военного времени плюс торжественный обед плюс визит королевы!

В конце концов они нашли именно то, что хотели, в универмаге «Браун Томас». Продавщицы были очень любезны и доброжелательны, и, к приятному удивлению сестер, никто ни разу не упомянул о разделе Ирландии. Элис и Беатрис оплатили обновки цвета беж и поскорей унесли ноги из роскошного универмага, чувствуя себя чуть ли не предательницами. Подъезжая к Белфасту, Беатрис переложила свои покупки в фирменные пакеты магазина «Харродз». Уже почти стемнело, когда они торопливо шагали по Малберри-стрит к дому.

— Никому не говори, где мы все это купили! — приказала Беатрис, красуясь перед зеркалом в прихожей. Она разглядывала бежевое шерстяное платье, в тон ему жакет и коричневые туфли и шляпку. — Не напоминаю ли я тебе песочную трубочку, которую с обеих сторон обмакнули в шоколад? Только честно.

— Ты сама элегантность, — смеясь, ответила Элис. Она тоже примеряла обновки: светло-коричневый жакет и юбку, синие босоножки и изящную шляпку, украшенную васильками. Сумочки сестры купили кремовые, с маленькими золотыми застежками. — Мы сами как члены королевской семьи, — добавила Элис. — Нас легко можно принять за коронованных особ из Европы. Тем более что никто не знает, как они там выглядят. Осталось подобрать броши, и мы готовы. Ты знаешь, как делать реверанс?

— Конечно, — сказала Беатрис. — Вся хитрость в том, что нужно присесть как можно ниже и при этом не упасть.

Она попыталась продемонстрировать идеальный реверанс и грохнулась на пол.

— Так, ладно, когда мы приглашаем всех на чай и чем собираемся угощать гостей? — спросила Элис, устраиваясь вместе с сестрой на диване, чтобы, как всегда перед сном, выпить кружку растворимого какао «Овалтайн».

— Какой чай? — удивилась Беатрис, которая еще не вполне пришла в себя после падения.

— Да ты что? Мы будем сидеть за одним столом с королевскими особами и никому об этом не расскажем? Мы должны пригласить преподобного Пикфорда и весь хор. И нужно подать то замечательное печенье, которое принц Чарльз самолично готовит в своей кухне.

— Элис, не обижайся, я иду спать, — вздохнула Беатрис. — Давай обсудим это завтра утром.

Глава 20

На сцене появляется Ричард Аллен

Несколько дней спустя в чайную зашел симпатичный мужчина и уверенно шагнул к стойке. Как правило, он не заходил в такие жалкие заведеньица, но сегодня у него оказались дела в этом районе: еще несколько молодых семей переезжали отсюда и продавали свои дома застройщикам. Цены на дома взлетели неимоверно из-за спроса на недорогое, студенческое жилье.

— Здравствуйте! Кофе, пожалуйста. Мокко, если можно. — Ричард Аллен поставил на стойку свой портфель. Пахнуло дорогим лосьоном после бритья. Карие глаза посетителя искрились озорством.

— Садитесь, — весело предложила Пенни. — Я принесу вам кофе.

Она была в приподнятом настроении — утро началось с отличных новостей. Клэр Фицджеральд позвонила из Америки и рассказала, что, когда она приехала по адресу, указанному на обороте письма, ей открыла мать Питера. Времени на разговоры у них почти не было, потому что до самолета Клэр оставалась всего пара часов, но тем не менее она узнала самое главное: Питер жив-здоров и не женат.

— И представляете, — смеялась Клэр, — она сказала, что он тоже живет в Америке! В Бостоне. Все эти годы, а я и не знала!

Клэр спросила миссис Прендергаст, как связаться с Питером, и, к своему неописуемому восторгу, получила и его адрес, и телефоны — рабочий и домашний. Самое поразительное — он теперь детектив!

Она позвонила ему из аэропорта в Белфасте. Клэр не в состоянии была тратить время на размышления, удобно ли звонить в такой час, — может, человек спит. (Так и оказалось.) Она боялась откладывать звонок до своего возвращения в Нью-Йорк: а вдруг что-нибудь случится и судьба снова их разлучит. Вдруг именно в этот день он встретит симпатичную девушку и влюбится в нее. Питер ответил после второго звонка, и Клэр зарыдала в трубку как ненормальная.

— Ты не поверишь, Питер, — сказала она, — но я только сегодня получила твое письмо. Я чувствовала: эта милая женщина в кафе сможет мне помочь! Мне так жаль, что мы потеряли друг друга, пока мы оба еще...

— Что-что? Кто это? — не понял Питер.

— Клэр, — прорыдала Клэр. — Клэр Фицджеральд с Малберри-стрит.

От такого фантастического поворота событий Пенни пришла в радостное возбуждение. Конечно, у истории Клэр и Питера была и другая сторона: отец Пенни когда-то по рассеянности забыл передать письмо и разлучил влюбленных на столько лет. Но Клэр как будто не держит зла на их семью за эту непростительную ошибку. Она сказала, что они с Питером скоро увидятся и она абсолютно уверена: их отношения продолжатся ровно с того места, на котором прервались.

Работая в этот день в чайной, Пенни молилась за счастье Клэр и Питера. Сама она решила не пускать Дэниела к себе в постель, пока тот не изменится. Любовь без поблажек — так это называется в телешоу, которое всем другим предпочитала Милли.

Пенни увидела, как Ричард Аллен скинул свой дизайнерский пиджак, обнаруживая

широкие плечи и узкую талию. Сердце у нее заколотилось, дыхание перехватило — давно забытое ощущение, верный признак влечения. Пенни глянула через окошко в кухню. Дэниел заполнял песочные корзиночки свежими сливками и клубникой и, как всегда, был полностью поглощен своим занятием.

«Боже! Я хочу пококетничать с этим парнем, — подумала Пенни. — Хочу, и все тут!»

Она налила кофе в красивую хромированную чашку — такие нечасто использовались в кафе, потому что их нужно было каждый раз вручную полировать, — и положила на блюде пару печенюшек в качестве бесплатного приложения. Затем высвободила из-за правого уха вьющийся локон (теперь он соблазнительно покачивался при каждом ее движении), распрямила спину и поплыла к столику Ричарда Аллена. Он что-то проверял в своей записной книжке и на Пенни даже не взглянул.

— Один мокко! Что-нибудь еще? — спросила она игриво.

— Да нет. Спасибо. Времени нет. Через десять минут встречаюсь с покупателем.

— С покупателем? Вы агент по продаже недвижимости?

— Да. Грешен. Вы хотите что-то продать? Возьмите мою визитку. — Он достал из нагрудного кармана белоснежную новенькую визитную карточку.

— Ричард Аллен. Спасибо. Может, и позвоню.

— Да, звоните, пожалуйста! Организую для вас хороший просмотр.

«Не отказалась бы», — подумала Пенни.

— Знаете, я не собираюсь продавать кафе. Но подумываю о покупке дома где-нибудь поблизости. Я Пенни Стэнли. Можете называть меня Пенни.

— Отлично! А я тот, кто вам нужен, Пенни. Позвоните, когда будете готовы.

— Обязательно, мистер Аллен. Большое спасибо.

— Пожалуйста, зовите меня Ричард.

Пенни вернулась за стойку и принялась с удвоенной энергией вытирать пыль на полках. Дэниел порадовался, услышав, как она что-то весело напевает. Наверное, у нее сегодня настроение получше, подумал он.

Глава 21

Подходи разбирай — дыньки сочные, медовые!

19 июня 1999 г.

Дорогой Николас Кейдж!

Надеюсь, у тебя все в порядке.

На днях мне улыбнулась удача — продала одну из своих картин. Ура!

Сейчас сижу в чайной «У Малдуна» и пирую. Надо же отпраздновать победу! Королевские креветки с картофелем-фри. То есть с жареной картошкой. Картину у меня купила очень образованная дама, которая случайно зашла ко мне домой. То есть в квартиру. Она родом из Белфаста, но живет в Америке, как и ты.

Думаю, продажа картины была хорошим знаком, потому что сегодня утром мне позвонили из галереи в Голуэе, куда я недавно ездила. Хотят организовать мою персональную выставку. Мою первую персональную выставку. Открытие намечено на декабрь. Галерея «Голубой осел». И это тоже отчасти символично, поскольку почти все мои картины голубые. Я имею в виду голубого цвета. Ничего другого.

Я буду работать день и ночь, вложу в картины всю душу. У меня уже есть шестьдесят работ, но галерея просит еще три больших полотна для витрины. Хочу нанять фургон, загрузить все картины и отвезти им. Пусть сами отбирают, что выставлять, а что нет.

Я в полном восторге! Целый день в прекрасном настроении!

Небольшое полотно, которое я тебе послала, называется «Конец эпохи». Оно о том, как закрывается фабрика. Это одна из моих любимых вещей. Надеюсь, тебе понравилась. Я отправила ее в благодарность за удовольствие, которое доставляют мне твои фильмы. (Но больше всего я по-прежнему люблю «Дикие сердцем».)

С наилучшими пожеланиями,

Бренда Браун

P. S. Пришли мне, пожалуйста, свою фотографию с автографом.

Я твоя преданная поклонница.

Бренда перечитала письмо к Николасу. Оно получилось относительно коротким и беззаботным. Это хорошо, потому что сама она беззаботности не ощущала. Наоборот, в последнее время она чувствовала себя более чем неуверенно. Она понимала, что ее художественная карьера под угрозой. Долги в банке все росли и росли. В прошлом месяце едва удалось оплатить счета. Если выставка в Голуэе провалится, ей придется всерьез решать финансовые проблемы и подыскивать какую-никакую работенку.

Бренде постоянно звонили из бюро по трудоустройству и предлагали различные вакансии. Ее предупредили, что если в ближайшем будущем она не пойдет работать, то лишится пособия. Наверное, у них инструкции — с теми, кто долго сидит без работы, разговаривать жестко. До последнего времени работники бюро казались такими

дружелюбными и понимающими. Бренду приглашали на семь собеседований, и семь раз она ухитрилась все испортить. И в общем-то, непреднамеренно. Она просто никак не могла сдержаться и не высказать работодателям все, что думает об их деятельности. Ну и конечно, несколько джинов с тоником перед собеседованием тоже не способствовали успеху. Но если не выпить, как успокоить нервы? Сама мысль о том, чтобы отправиться на собеседование на трезвую голову, была ей невыносима.

В аптеке она заявила, что, по ее мнению, вся их хваленая косметика — это просто-напросто непомерно дорогая бурда в пластмассовых баночках. И она, Бренда, не настолько поднаторела во вранье, чтобы суметь втюхать эту ерунду старым, отчаявшимся, морщинистым дамам. И еще: она не будет обсуждать с клиентами средства, регулирующие половую сферу.

Мяснику она сказала, что от вида забрызганной кровью колоды для рубки мяса ей делается не по себе. И не подумывал ли он открыть здесь вегетарианское кафе? Было бы здорово поработать у него, если бы только это было вегетарианское кафе. В Америке есть такие заведения, продолжала Бренда, охотно делясь с мясником полезными сведениями, и они пользуются большой популярностью у всех слоев населения. Все любят овощной суп: и католики, и протестанты, и все-все-все...

Районным чиновникам она призналась, что не верит в демократию и носит футболку с антикапиталистическим лозунгом. Бренда пыталась донести до них свои идеи. Например что государством должны управлять образованные люди. (А не политики-карьеристы в шикарных костюмах.) Что фундаментальные вопросы современности — это безработица и загрязнение окружающей среды, а не национальные флаги или надоевшие религиозные склоки. Но чиновники сказали, что им требуется временный сотрудник для ведения картотеки и, к сожалению, у них нет времени, чтобы обсуждать глобальные политические проблемы с Брендой Браун или с кем бы то ни было.

Бренда вкратце обрисовала основную беду человечества: все интересуются только своей собственной крохотной империей и никто не видит общей картины. Люди не понимают, что планета Земля — хрупкий голубой шарик, летящий навстречу невесть чему.

Выходя из комнаты, она сообщила им, что если температура на нашей планете возрастет на шесть-семь градусов по Цельсию, то за считанные недели погибнет девяносто девять процентов всех живых существ. (Вне зависимости от национальных флагов.) Останутся только жуки — ну, может, еще какие насекомые. Чиновники вежливо поблагодарили Бренду за информацию.

Ни на одно из перечисленных мест ее не взяли.

Но самая ужасная история произошла в супермаркете в Голуолли. В магазине, наверное, катастрофически не хватало персонала. Потому что Бренда сразу же получила место, хотя и сказала, что непрерывное пиканье электронных кассовых аппаратов вызывает в ней желание кидаться на людей. Особенно на нетерпеливых покупателей. И еще у нее аллергия на нейлон, поэтому она вряд ли сможет носить оранжево-синюю рабочую форму.

Ее попросили не волноваться. Работа не слишком трудная, и Бренда скоро к ней привыкнет. Она лишь должна следить за бакалеей, выкладывать на полки товар и быть услужливой и любезной. В вопросе рабочей формы администрация, к сожалению, осталась непреклонной.

Бренда поинтересовалась, не хотят ли они ввести новую форму. Ну, например, черный комплект со стильной маленькой шапочкой и широкими спортивного типа брюками? Она с

удовольствием разработала бы подходящую модель.

— Нет, спасибо, — твердо ответили члены администрации и попросили Бренду пригласить следующего кандидата. Времени у них и так в обрез.

Бренда была очень разочарована, поскольку ей не позволили изложить некоторые интересные идеи, например что необходимо продвигать чай и кофе, продаваемые по системе «справедливая торговля», тем не менее она поблагодарила администрацию за предоставленную ей работу.

— Надеюсь, работа не очень тяжелая, — сказала она матери, разговаривая с ней вечером по телефону. — Всего-навсего раскладывать на полках товар. Самое ужасное — это скукота. Да и стыдно, конечно. Вдруг кто-нибудь из моих приятелей-художников увидит меня с ведром и шваброй.

— Не переживай, детка. Скоро ты получишь повышение, — успокоила ее мать. Да и полезно хоть на несколько часов в день выбираться из квартиры, подумала она. — Нисколько не сомневаюсь, скоро ты сама станешь менеджером. У тебя ведь отличное образование! Заведутся в кармане денежки, и все наладится.

Перспектива повышения заинтересовала Бренду. Об этом она не подумала. Да и о том, что будет регулярно получать зарплату. Она подготовила для управляющего длинный список предложений и купила упаковку ярких детских заколок для волос, чтобы убирать с глаз челку. Желтые пластиковые подсолнухи. (В память о Винсенте ван Гоге, ее любимом художнике и источнике творческого вдохновения.)

Бренда выгладила униформу и примерила ее. Немного тесновата в груди и бедрах. Сама виновата. Сказала, что носит сорок четвертый размер. Но, черт подери! Она не собирается сообщать каждому встречному, что в действительности ее размер сорок шестой. А потом будут говорить, как важно сохранять собственное достоинство, кипела от злости Бренда. Если ты подсобный рабочий с минимальным жалованьем, будь любезен предать огласке точный объем всех твоих женских выпуклостей. Слава богу, в галерее «Голубой осел» в Голуэе никто не интересовался величиной ее зада.

Испытывая одновременно и страх и волнение, Бренда обвела в календаре первый рабочий день. Когда она явилась в супермаркет, затянутая в тесную форму, ей показали склад и комнату отдыха. Затем стали знакомить с кучей каких-то людей, и все имена повывлетали у нее из головы. Склад производил жуткое впечатление: голые бетонные стены и черные тени. Бренде здесь не понравилось. К счастью, ее рабочее место оказалось в торговом зале.

Ее послали в отдел овощей и фруктов и велели разложить на полках две клетки ярко-желтых мускатных дынь и темно-зеленых арбузов.

— Подмети солому и протри остров, — дал задание управляющий.

— Остров?

Он имел в виду круглую витрину в центре.

— Понятно, — просияла Бренда и с жаром взялась за дело.

Полчаса она работала на износ, размышляя о том, что дыни с арбузами намного тяжелее кистей для рисования. И правда они были тяжелехоньки, а в тесной одежде скоро стало невыносимо жарко. Когда клетки опустели, Бренда почувствовала полное измождение, и в этот момент управляющий велел переложить картофель с острова у входа во фруктово-овощной отдел, на остров в самом конце.

— Зачем? — решила выяснить Бренда, начиная ненавидеть само слово «остров».

— Чтобы вперед можно было выложить клубнику со сливками, понятное дело.

Бренда покатила свои клетки и здоровенную телегу с тряпками к передней витрине и снова принялась за работу, низко склонив голову, чтобы ее не узнал Райли-Дансит или кто-нибудь из его приятелей. Когда она закончила, все ее лицо было покрыто пылью от картошки. А потом пришлось идти на склад за киви и манго. Бренда даже не знала, как выглядит манго. И не знала ни одного человека, который это манго хотя бы раз пробовал. Мысленно Бренда сделала пометку: не забыть сказать менеджеру, что он только понапрасну теряет время, доставляя из черт-те откуда всякую экзотику.

Пока она бродила взад-вперед по складским проходам в поисках загадочного фрукта, кто-то из молодежи шутки ради выключил свет. Окон в помещении не было, поэтому стало вдруг так темно хоть глаз выколи. А где выход, она забыла.

Она запаниковала, споткнулась и упала прямо на ведро с омерзительно грязной шваброй, которую приняла за маньяка-убийцу, поджидавшего ее в темном углу. Бренда заорала как резаная и покатилась по полу вместе со шваброй.

Свет включили, и шалопаи схватились за полки, покатываясь со смеху. Бренде пришлось пойти в подсобку и сполоснуть лицо холодной водой. Ее застал управляющий и велел выйти, потому что находиться здесь можно было только во время перерыва. И вообще — где манго?

Слава богу, подошло время перерыва на чай. «Будь проклято это чертово манго!» — ругалась про себя Бренда, нажимая кнопку «горячий шоколад» на автомате с напитками. Она уселась на пакеты с углями для барбекю. Просто невозможно: всего лишь без четверти одиннадцать! Перерыв закончился, не успев начаться.

Этим утром в супермаркете были как, назло, одни пенсионеры — понаехали, воспользовавшись скидками на автобусные билеты. Самостоятельно никто из них найти ничего не мог, и поэтому они постоянно щипали Бренду за руку, пытаясь привлечь ее внимание.

— А какое сегодня специальное предложение, дорогуша?

Бренда не знала.

— Дорогуша, у вас есть колготки в тон моему пальто?

Бренда не знала.

— А от этого фруктового пирога не бывает запора?

Бренда не знала и *знать не хотела*.

— Да прекратите же щипаться, ей-богу! — сказала она пожилой даме, которая на деле была совсем не такой малахольной, какой казалась на первый взгляд. — У меня на руках уже живого места не осталось.

— Как не стыдно, — ответила разгневанная дама. — Я буду жаловаться менеджеру. Никакого понятия о работе с клиентами.

— Простите, но я только попросила прекратить щипать меня за руки. Это супермаркет, а не лесбийский притон.

— Нахалка!

— Знаете, сила у вас ого-го! А что вы тут, кстати, ищете? Может, шинат? Хотите стать еще сильнее?

— Все! Мое терпение лопнуло! Где менеджер? Я буду не я, если вас отсюда не вышвырнут!

— Ой, не надо! Пойдите! Мадам! Вернитесь! Простите меня!

Но возмущенная дама ушла прочь, полная решимости избавить магазин от нахалки. Менеджер быстро нашелся, и втроем они устроили соревнование «кто громче крикнет». Победила Бренда.

Ее, конечно, уволили.

Бренда решила, что Николасу лучше не знать о том, как, услышав об увольнении, она совершенно потеряла голову и начала крушить ближайшие витрины. Это было просто невыносимо: получить отставку меньше чем через три часа. Да она всего-то заработала двенадцать фунтов! И за такое королевское вознаграждение она терпела картофельную пыль в глазах, старушечьи щипки и грязную швабру, шлепнувшуюся ей в лицо. И теперь ее увольняют, потому что она ничего не знает про запор! А от их треклятой формы она чешется, как прокаженная!

Бренда хватала дыню за дыней, арбуз за арбузом и швыряла куда попало, подбрасывая как можно выше — насколько силы хватало.

— Подходи разбирай — дыньки сочные, медовые! — выкрикивала она, а испуганные покупатели разбежались в поисках укрытия. — Налетай, поедай! Арбузики, кому арбузики? — разносилось по магазину.

Огромные сочные дыни и арбузы взрывались на плиточном полу. Малыши принялись реветь. Заспешив к выходу, один за другим упали четверо пенсионеров.

Некоторые посетители, наполнявшие пластиковые контейнеры тертой морковью в желе и крутонами со вкусом бекона, получили порезы, когда здоровенная дыня влетела в стеклянную крышку витрины с овощными салатами. Сама Бренда пыталась убежать от преследовавших ее охранников, опрокидывая на своем пути стеллажи со стиральным порошком и жестянками с печеньем. Наконец она ворвалась в кабинет менеджера и заперлась там.

— Да ваша лавочка в подметки не годится супермаркетам «Даннес Сторс»! — прорычала она в микрофон внутренней трансляции, пока охранники пытались отжать дверь с помощью деревянной рейки. — «Даннес»! «Даннес»! «Даннес»! Даешь «Даннес»! Даешь «Даннес»!

(Менеджер от ярости потерял дар речи. И чтобы такое безобразие случилось в одном из крупнейших филиалов самой большой сети супермаркетов в Соединенном Королевстве! Он велел вызвать «скорую помощь», чтобы все свалить на психическую неуравновешенность Бренды, если вдруг кто-нибудь подаст на администрацию в суд.)

Она не стала рассказывать Николасу о том, что, когда все закончилось, работники супермаркета вели себя вполне по-человечески. Как вместе с Брендой они ждали на парковке «скорую помощь», а потом принесли ей чашку очень сладкого чая. Кто-то сочувственно заметил, что работа в супермаркете кого хочешь доведет до стресса. Это все из-за пиканья электронных касс, объясняла им Бренда. Просто какая-то психологическая пытка, особенно для таких, как она, кто живет один и привык к тишине.

Бренда сделала вид, будто начинает успокаиваться, и, когда охранники отпустили ее руки, бросилась через парковку, как спущенная с поводка борзая. Придя домой, она обнаружила, что обронила где-то свои замечательные заколки-подсолнухи.

Хорошенько подумав, менеджер супермаркета решил не устраивать бедняжке Бренде неприятности с полицией или психиатрической службой и просто спустить все на тормозах. Он и вообще был человек приличный, а сейчас его гораздо больше занимало, как унять бившуюся в истерике покупательницу, заварившую эту кашу. Страхивая с отворотов ее

пальто арбузные семечки, он предложил оплатить ей новое пальто и в который раз подумал, не уйти ли ему пораньше на пенсию.

Глава 22

Третий лишний

Через два дня после того, как Бренда отправила в Америку последнее письмо, Сэди в обеденное время вышла из дому. Она знала, что Арнольд сегодня обедает с коллегами в отеле «Европа». По такому случаю она купила ему новую рубашку, и галстук.

Вот уже несколько недель она жила как в лихорадке и все откладывала ту минуту, когда ей придется постоять за себя. Она съела десятки подогретых бубликов с малиновым вареньем и охлажденных шоколадных профитролей с горячим заварным кремом. Удивительное дело: ни бублики, ни профитроли никак не повлияли на ее личную жизнь. Ну разве только Арнольд отпустил несколько весьма обидных замечаний, например что ему придется укрепить мебель стальными скобами, если Сэди еще растолстеет.

Итак, скрепя сердце она отправилась в город. Офис мужа находился на Эглантайн-авеню, на первом этаже викторианского здания. Сэди тихонько поднялась по лестнице и перепробовала все ключи, пока не нашла нужный. Никто не видел, как она зашла. Она заперла за собой дверь. У Арнольда на рабочем столе и в помине не было прошлогодней фотографии, запечатлевшей их двоих на пляже в Портраше, которую она вставила в рамку и подарила ему. План Сэди был таков: прятаться в офисе до тех пор, пока не услышит что-нибудь подтверждающее неверность Арнольда — телефонный звонок, обрывок разговора... Тогда наконец можно решить, что делать дальше. Уже несколько месяцев она постоянно проверяла дома его карманы и письменный стол, но так ничего и не нашла. Пришлось пойти на крайние меры, иначе она не оказалась бы в такой дурацкой ситуации. Сэди огляделась. Спрятаться можно было только в одном месте.

Она отодвинула от стены большой шкаф в углу и поставила в проем маленький стульчик. Сжав губы, она шагнула за шкаф и придвинула его на место. Потом уселась на стул и, поерзав немного, нашла удобное положение. Прямо скажем, места было маловато. Сэди достала из сумочки книжку и пакетик сливочных тянучек, закинула в рот конфетку и принялась читать.

Ровно в два часа Арнольд вернулся в офис. Услышав стук распахнувшейся двери и щелчок выключателя, Сэди затаила дыхание.

— Иди сюда, коварная искусительница, — сказал Арнольд кому-то, кого Сэди видеть не могла. — Весь обед я изнывал от желания поцеловать тебя. Ах ты, мерзавка, — надела такую крохотную юбочку. Ты ведь это нарочно. Все речи прошли у меня мимо ушей. А какая скука — самый занудный обед в истории двойных рам! Думал, это никогда не кончится.

— Знаю, знаю, — прошептал женский голос.

Послышался звук поцелуя, длившегося вечность, а затем у Сэди челюсть отпала от удивления, когда мужчина, с которым она прожила двадцать лет, сказал:

— Хочу тебя прямо сейчас, Патрисия. Сил нет больше ждать. Забирайся на стол. Давай, давай живее!

Судя по звукам, подружка Арнольда так лихо запрыгнула на стол, будто это самое обычное дело. Сэди подняла глаза к потолку как раз вовремя, чтобы увидеть, как красная блузка повисла на люстре. Арнольд пыхтел, словно паровоз. А вот и молнию расстегнули.

Патрисия хихикнула:

— Ну, давай же! Ах ты, испорченный мальчишка! Показать тебе мои красивые

новенькие чулочки? Смотри, какие черные кружева сверху.

Со стола посыпались какие-то брошюры, на столе тоже что-то упало.

— Осторожно с лампой, — произнес Арнольд. — Это антикварная вещь.

Когда все закончилось, Арнольд налил виски в два стакана, а Патрисия прикурила две сигареты. За шкафом Сэди, закрыв глаза, посасывала свою тянучку.

— А у меня для тебя сюрприз, Пэтти-Пэт, — сказал Арнольд, когда наконец отдышался.

— Классно! Я просто обожаю сюрпризы. А какой? Ну, скажи же, скажи!

— Я тут за последнее время продал довольно много оранжерей.

— Ну и что из этого? Ты все время их продаешь.

— Заработал кое-что на комиссионных. Кругом полно сумасшедших, у которых денег больше, чем мозгов. Например, эта придурочная, что вечно талдычит об умерших писателях.

— Знаю я ее! Не дразни, скажи скорее, какой сюрприз! — засмеялась Патрисия.

— Спокойно, красавица. Мы с тобой едем в Париж на парочку дней, чтобы это дело отметить.

Женщина, устроившаяся на промокашках Арнольда, заверещала от удовольствия:

— Я так и знала! Знала, что ты что-то задумал. А когда едем? Мне же нужно купить новую одежду! Достань, пожалуйста, мою блузку. А что ты скажешь Слонихе Сэди и Сушеным Сморчкам?

— Не напоминай мне! Честно говоря, когда я ложусь с ней в постель, мне кажется, что рядом со мной надувная гора. Ну-ка, изобрази-ка Сэди, — попросил Арнольд. — У тебя так получается — просто умора.

— Слониха Сэди! Чудовище из склепа! — произнесла Патрисия голосом прорицательницы. И оба принялись хохотать как ненормальные.

— Супер! Она, точно она. Давай еще!

— Знаете, почему у меня такие большие острые зубы? Чтобы съесть вас! Я ненасытная тварь. Я готова весь мир проглотить, — рычала Патрисия, кружа по комнате в одних кружевных красных трусиках и черных чулках.

— Хватит! Ну, хватит, — взмолился Арнольд. — У меня уже колики от смеха. Бог мой, тебе бы на сцене выступить. Ну ладно, одевайся, пока не пришел региональный менеджер.

— Арни, мышонок, расскажи мне еще про Париж.

— Мы летим в октябре. И незачем бегать покупать новую одежду. Ну если только белье... Да и это необязательно. Все сорок восемь часов ты проведешь в чем мать родила. А Слонихе Сэди я скажу, что уезжаю на конференцию по экологическим материалам для отделки дома. Лягушатники помешаны на этой ерунде. Скажу ей, что мы собираемся осваивать новые рынки. Она поверит чему угодно.

— Она такая клуша!

— Да уж, настоящая клуша! Еще виски?

— Ну... да, давай. Только чуть-чуть, ты ведь знаешь, мне как-никак надо вернуться на работу. Нам сегодня завезут подсвечники. Когда мы с тобой увидимся?

— Я позвоню. Не выключай мобильный.

— Я скучала по тебе в выходные. В кино шел такой отличный фильм. Пришлось идти одной. Хорошо бы нам раз и навсегда избавиться от Слонихи Сэди и больше никогда не расставаться.

— Я уже говорил тебе: прислуга мне не по карману. А старики сами не справятся. Как только они отживут свое, Сэди тут же получит отставку. И мне в наследство останется

кругленькая сумма. Тогда ты спокойно переедешь ко мне. Дом-то записан только на меня. Хотя Сэди об этом не знает.

— А она всю оставшуюся жизнь пусть присматривает за какими-нибудь стариками ради крыши над головой. И обжирается печеньем. У нее большой опыт в этих делах.

— Ладно, перестань. Злючка. Не нужно перегибать палку. По большому счету она вообще-то неплохая баба.

— Но она не я, а ты любишь меня, ведь правда, Арни, мышонок?

— Пэти, малышка, ты же знаешь, что да. Что я люблю только тебя! У тебя же самые красивые ножки во всей Северной Ирландии.

Патрисия ушла в три часа, а Арнольд до конца дня работал с бумагами. Четыре раза поговорил по телефону и заварил себе кофе. По большому счету продажа окон — довольно спокойный бизнес. В пять часов у него проснулся зверский аппетит, оно и понятно — после всех его романтических приключений, и он вслух поинтересовался, что же приготовила Сэди на ужин:

— Стейк с жареной картошкой и помидорно-свекольным салатом? А может, свинину под яблочным соусом? А может быть, сочные жирные сосиски? Так-так-так! — Он выключил свет, и комната погрузилась во тьму. Заперев дверь на ключ, он пошел вниз по лестнице.

Через какое-то время шкаф в углу зашевелился. Сэди вылезла из своего убежища, и лицо ее было мрачнее тучи. Сигаретный дым все еще висел в комнате. Она-то думала, что Арнольд бросил курить давным-давно. Он часто жаловался на клиентов, которые дымят на его дорогие пиджаки. Стараясь не смотреть на письменный стол, Сэди ушла прочь.

Вечером Арнольду показалось, что Сэди какая-то не такая. Во-первых, она явилась домой поздно. Обычно к его приходу у нее все было наготове: ужин ждал на плите, в камине в плохую погоду горел огонь и старики сидели за обеденным столом. Она что-то проямлила про сломанный автобус и подала на стол холодное мясо и купленный в магазине салат. Вытряхивая из бутылки густой салатный соус, Арнольд взглянул на нее. Он увидел, что она жует очень медленно и как-то странно его рассматривает.

— Не желаешь французской булочки? — спросила она тихо, ломая багет на части.

— Нет, спасибо, — ответил он. И с трудом проглотил кусок.

Глава 23

Оранжерея готова

В конце июля грандиозный строительный проект был завершен. Хотя Арнольд Смит дополнительно нанял людей, чтобы побыстрее закончить работу, стук молотка и визг пилы, казалось, поселились в голове Генри на всю жизнь. Он страдал от приступов учащенного сердцебиения, в горле першило от строительной пыли.

Дэвид Кроппер приехал посмотреть на результат и назвал оранжерею настоящим шедевром. Идеальные условия для съемок, заявил он. Просто идеальные. Свет — то, что нужно. «Почитатели Бронте» тоже явились оценить оранжерею и пришли в полный восторг. Аврора представила их Дэвиду Кропперу. Он сказал, в городе только и разговоров что об их интеллектуальном сообществе. Дата съемок была назначена, все костюмы готовы. Аврора упражнялась в чтении до хрипоты.

Генри влюбился в девушку из цветочного магазина. Он ходил туда каждую неделю и покупал что-нибудь для Авроры. Он узнал имя девушки — Роза Томпсон — и сказал ей, что его зовут Генри Блэкстафф. Оттого что у них обоих оказались старомодные имена, он чувствовал себя до смешного счастливым. Он мечтал поселиться с Розой в каком-нибудь уютном домике, утопающем в сказочном саду, и заботиться о ней. Они сидели бы в сплетенной из ивы беседке и смотрели, как за изгородью из бирючины садится солнце. Утопая в сладострастном аромате лаванды, они обменялись бы нежным поцелуем.

Иногда, когда в магазине не было покупателей, Генри и Роза разговаривали о цветах и растениях: какие из них дольше цветут, за какими легче ухаживать. Они поняли, что придерживаются одинаковой точки зрения по поводу импортных цветов, которые, конечно же, хороши и по-своему красивы, но из-за них рынок местных растений обречен на гибель.

— Уже и сейчас большинство горожан не назовут ни одного местного цветка, — говорила Роза. — Обидно, ведь их так легко выращивать.

— А запах! Согласитесь, в отличие от наших тепличных цветы вообще не пахнут. Посмотрите, какие они невзрачные и хилые, — вторил Генри, нюхая мелкие розы и думая об Авроре. — Один вид и никакой сути. Вот раньше были розы так розы — размером с тарелку, тяжелые от дождевой воды и ухверток. Тут в округе все сады были ими заражены.

— Хм, — откликнулась Роза, совершенно не уверенная в том, что подобная картина понравится ее клиентам.

— Зато какой аромат! — продолжал Генри. — Просто опьяняющий! Летним вечером голова шла кругом от запаха.

— Да-а, настоящее волшебство, — согласилась Роза. — Ничего нет прекраснее на свете, чем сад с цветущими розами!

Каждый раз Генри в конце концов что-нибудь да покупал, и подоконники в его доме заполнились соцветиями всевозможных оттенков и размеров. Аврора находила это очень милым, но не позволяла ставить цветы в оранжерею. Говорила, что этак от деловой атмосферы ничего не останется.

Потом она передумала и решила, что элегантные растения с большими листьями могли бы оживить голые стены оранжереи. Вообще-то идею подал Дэвид, но Аврора ее поддержала. Она рассказала Генри о своем плане, но он витал в облаках.

— Генри, ты меня слушаешь? — спросила Аврора почти накануне съемок. — Я сказала,

что хочу заказать какие-нибудь крупные растения для оранжереи. Сейчас там только книги и плетеные стулья — обстановка несколько унылая. Несколько пальм и аспидистра вполне подошли бы. Что ты об этом думаешь?

— Аспидистра? Да, думаю, подойдет.

— Как называется магазин, куда ты все время ходишь?

— Что?

— Очнись, о чем ты думаешь? Я спросила, где ты покупаешь цветы?

— У Розы Томпсон, то есть в «Цветах Томпсон». — Он думал о зеленых глазах Розы и ее белых лодыжках. Как она была хороша, когда искусно подрезала ножницами стебли цветов и своими длинными тонкими пальцами втыкала их в цветочную губку.

— У тебя есть телефон магазина? Да очнись же ты, у меня каждая минута на счету. Может, возьмешь это на себя? А то мне сегодня надо еще встретиться с Дэвидом, обсудить последние детали.

— Да, конечно. Кажется, у меня сохранился чек. Я все сделаю.

Генри позвонил на следующий день и попросил подобрать несколько растений, которые органично сочетались бы с внешним обликом дома. Он спросил, есть ли у Розы что-нибудь в наличии, потому что растения нужны как можно скорее. Она пообещала привезти все к обеду.

Прибыла съемочная бригада, чтобы установить оборудование и измерить параметры освещенности. Множество людей с прожекторами, кабелями и проводами сновало взад-вперед по дому. Посреди всей этой кутерьмы прибыли растения в маленьком фургончике. У Генри дух захватило, когда на пороге он увидел Розу с огромной пальмой в руках. Он кинулся ей на помощь.

— Спасибо, выручили, — поблагодарила она. — Такая тяжесть!

— Я покажу, как их лучше расставить. Хотя я и сам толком не знаю. Пойду спрошу у жены. Вы не подождете минутку?

— Конечно. Пока принесу остальные.

Горшки с растениями двигали до тех пор, пока Аврора не удовлетворилась результатом. Потом она пошла наверх переодеваться, а Генри и Роза остались одни в холле.

— Я так вам благодарен, — сказал Генри. — Все выглядит просто великолепно. Знаете, у нее сегодня съемки. Для телевидения.

— Правда? Надо же! Ну, надеюсь, все пройдет хорошо. — Она потянулась к дверной ручке.

— Я... все хотел спросить про ваше имя. То, что вы любите цветы, — это просто совпадение?

— Нет, — рассмеялась она. — Мама была помешана на садоводстве.

— Понятно. Тогда, наверное, она научила вас разбираться во всем этом?

— Да, угадали. Ну что ж, мне пора. Не забывайте поливать растения.

С этими словами она вышла из дома, развернула свой маленький фургончик и умчалась прочь, оставив Генри в смятении. Он еще долго стоял в холле у распахнутой двери и глядел на дорогу, по которой она уехала.

«Почитатели Бронте» прибывали по двое и по трое в полном викторианском облачении, с трудом вылезая кто из своих автомобилей, кто из такси. Генри нашел себе занятие: он готовил на кухне чай «Эрл Грей» и крошечные бутерброды с лососиной. Все хлебные корки он тщательно обрезал, как велела Аврора.

Когда съемки вот-вот должны были начаться, миссис Джонсон сделалось дурно, и ее пришлось приводить в чувство при помощи бумажного веера. Кто-то попытался снять с нее накидку, но миссис Джонсон не позволила, отмахнувшись обессиленной рукой в ажурной перчатке. Генри одолевали сомнения, действительно ли миссис Джонсон стало плохо, или дама просто входит в образ. В оранжерее Аврора была поглощена беседой с Дэвидом Кроппером. Она надела капор, отороченный кружевом, и черное платье с широченной юбкой. Дэвид Кроппер сходил с ума от желания, гадая, есть ли у нее под платьем кружевной корсет. Он надеялся, что есть. Талия у нее была прямо осиная. Она читала отрывок из «Грозового перевала», чтобы проверить акустику, а он слушал ее так, словно она открывала ему тайну вечной жизни.

Глава 24

Выбор Пенни

Пенни пребывала в состоянии транса. Такое у нее было ощущение. Как будто она жила внутри прозрачной раковины. Она видела людей, слышала, о чем они говорят, но ничего при этом не чувствовала. Она знала, что собирается завести роман с Ричардом Алленом, агентом по продаже недвижимости, и готовилась к последствиям. Боролась с угрызениями совести, практиковалась в хладнокровии и набиралась решимости.

Она позвонила ему, чтобы договориться о просмотре, и они полчаса болтали по телефону. Пенни хотелось чего-нибудь необычного, и он рассказал о собственной квартире у реки — просторной студии с окном во всю стену. Когда Пенни призналась, что мечтает хотя бы увидеть такое чудо, Ричард рассмеялся — мол, это можно устроить. Да пожалуй, она была не прочь завести интрижку с Ричардом.

Она оденется вызывающе, будет флиртовать, льстить ему. Мужчины любят лесть и восхищение. Им нравится открыть перед женщиной дверь или поднести ей тяжелую сумку. Им совсем не нравятся феминистки, даром что на дворе уже 1999-й. Она попросит его объяснить разные тонкости ипотечного кредитования, хотя и так знает их вдоль и поперек, да ей сейчас и ни к чему.

Вон Милли постоянно твердит, что Пенни очень привлекательна и могла бы устроиться в жизни намного лучше. Пора проверить эту теорию. Посмотрим, произведут ли ее женственные формы и привлекательные наряды надлежащий эффект на ухоженного и чрезвычайно уверенного в себе мистера Аллена. Уж она постарается разжечь в нем желание.

Допустим, он захочет ее — что тогда? Она переспит с Ричардом, хотя от одной мысли об этом она готова была провалиться сквозь землю. Ей необходимо лечь с ним в постель. Уже нет другого способа выяснить, действительно ли страсть, о которой она мечтает, существует в жизни, или все это выдумки романистов да издателей. И если она почувствует желание, или удовольствие, или хоть что-нибудь, она уйдет от Дэниела и уедет из города. Она понимала, что у них с Ричардом вряд ли есть будущее. Да и не нужно ей с ним никакого будущего. Она любит Дэниела, и так будет всегда. Но жить с ним она больше не желает — разочарование клокотало у нее в груди. Хватит, найдет себе какую-нибудь квартирку на побережье и будет жить одна.

Ну а если она ничего не почувствует, то по крайней мере убедится, что в их странной семейной жизни виновата она сама. И тогда она будет продолжать работать в кафе и бросит грезить о любви и прочих глупостях.

Пенни собиралась почистить перышки, как называла это Милли, — позвонить Ричарду и потолковать с ним. Ей нужно его завести, так, кажется, сейчас говорят. Она убеждала себя, что, раз однажды ей это уже удалось сделать, удастся опять. Она наверняка соблазнила бы того водопроводчика, будь у нее побольше времени. Телефонный звонок помешал — разрядил атмосферу.

Пенни была потрясена историей Клэр Фицджеральд. Подумать только: их с Питером будущее и все, что не сбылось. Его адрес на кассете в бисерной сумочке, забытой в автобусе. Один неосторожный поступок, и вся история пошла по другому сценарию. Питер оставил Клэр письмо, а мистер Малдун сунул его в ящик и напрочь забыл о нем. Семнадцать лет пролежал конверт среди всякого хлама. История ужаснула Пенни и привела к мысли, что ей

нужно извлечь из этого какой-то урок. Может быть, чайная приносит несчастье? Милли никогда так прямо не говорила, но намекала не раз.

Глава 25

Отношения начинаются

Первая суббота августа началась для Пенни как обычно: она занималась выпечкой, обслуживала клиентов, убирала посуду. Однако в час дня она уселась возле стойки, налив себе большую чашку капучино. Она изящно прихлебывала кофе и совершенно не обращала внимания на призывы Дэниела помочь ему — в обеденное время работы было невпроворот. В два часа, когда Дэниел нырнул в кладовку за чайными пакетиками, Пенни ушла, оставив кафе без присмотра. Чековую книжку она взяла с собой. Пенни намеревалась потратить изрядную сумму. Когда Дэниел, с чайником и тарелкой булочек с изюмом, вышел из кухни, ее уже не было. От страха у него подкосились ноги.

Пенни пешком отправилась в центр города и выбрала парикмахерскую — место как будто модное и бойкое. Она зашла и целый час терпеливо ожидала на кожаном диване своей очереди, наблюдая, как мастера работают с клиентами. Молодая стажерка позвала Пенни мыть голову и спросила, не хочет ли она радикально сменить стиль. Кажется, стажерка была уверена в необходимости такого шага.

К Пенни подошла парикмахер, посмотрела на ее голову, нахмурилась и, закусив губу, задумалась. Затем, профессиональным движением ощупав длинные каштановые волосы Пенни, вынесла вердикт — волосы густые и пересушенные. Многослойная стрижка, длинные волосы, классическое каре, мелирование — все отпадает. Пенни сказала, что у нее совсем нет времени следить за волосами. Ее устроит что-нибудь симпатичное, но незатейливое, главное — чтобы с волосами было поменьше хлопот. Она деловая женщина, объяснила Пенни, пытаясь скрыть смущение. Мастер, двадцатилетняя красотка и при этом мать двоих детей, вкалывающая по десять часов в сутки, наконец решила, что тут ничего приличного сотворить не удастся. Придется все убрать. Пенни нехотя согласилась.

Она сидела с закрытыми глазами, пока горячая мыльная вода уносила с собой ее прежнюю жизнь. Она не открыла глаза и когда защелкали ножницы, и когда защелестели кусочки фольги, и когда запахло краской для волос. Прошло тридцать минут. Волосы снова вымыли. Зажужжал фен, и ее окутало облако с резким запахом лака.

— Ну, как вам? — спросила девушка, которую звали Кэрри.

Пенни посмотрела в зеркало на свое новое отражение и кивнула. Она потеряла дар речи. Она выглядела намного моложе своих тридцати пяти. Окрашенные в цвет красного дерева локоны вились у ее скул.

— Если позволите дать вам совет: пройдите в косметологический кабинет и сделайте коррекцию бровей. Если вы не слишком спешите. Они у вас очень густые, и если придать им нужную форму, то получится просто замечательно.

— Да, я сделаю. Спасибо.

— Мы еще занимаемся косметикой. То есть я хочу сказать, если у вас сегодня какой-то особенный повод, почему бы вам не наложить профессиональный макияж? Придать законченность образу, так сказать. У вас великолепная форма лица, — умело ввернула Кэрри комплимент под занавес.

Пенни улыбнулась, кивнула и оставила девушке щедрые чаевые.

В косметологическом кабинете брови Пенни подверглись беспощадной коррекции: сначала восковая эпиляция, потом выщипывание — так что на глазах слезы выступили.

Косметолог, чьи собственные брови были не толще проволочки, втерла в покрасневшие брови Пенни успокаивающий гель и принесла ей чашку чаю. Когда краснота начала спадать, на лицо наложили светлую основу, на веки голубовато-серые тени, а на губы бронзового цвета блеск. Нагруженная тушью щеточка сделала ресницы Пенни густыми и длинными. Ей пришлось несколько секунд поморгать, чтобы привыкнуть к тяжести туши. Глаза ее вдруг стали большими и притягательными. У нее перехватило дыхание. Косметолог сказала, что она очень красивая. И это чистая правда. Пенни Стэнли действительно красивая женщина.

Она купила небольшую коробочку компактной пудры, серые тени для век и бронзовую губную помаду в симпатичном золотистом футляре. В подарок ей дали косметичку на золотистом шнурке, куда она сложила свои покупки. Дэниел содрогнулся бы от отвращения, увидев, как глупо Пенни радуется дурацкому пустячку. Но для Пенни этот пустячок символизировал весь блеск и все очарование, которых никогда не было в ее жизни. И на прощание ей дали визитку, куда вписали имена парикмахера и косметолога, которые с ней работали.

Когда все закончилось, Пенни пошла расплачиваться. Тетушка Кэтлин, бывало, говорила Дэниелу, что все самое лучшее в жизни дается бесплатно, но это было правдой лишь наполовину.

Пенни потратила всего сто сорок фунтов, но чувствовала себя миллионершей. Когда она снова вышла на оживленную улицу, то увидела, что на нее обращают внимание, ей дарят восхищенные взгляды. Да, тратить деньги чрезвычайно приятно!

С новым для нее чувством уверенности в себе Пенни шла по улице и разглядывала витрины. Потом она позвонила в дверь дорогого бутика рядом с отелем «Европа». Приближалось время закрытия, но ее впустили.

Быстро перебрав плечики с одеждой, Пенни выбрала наряд: серый шерстяной брючный костюм, в тон ее теням для век, черный топ под пиджак, черные туфли и малюсенькую сумочку. Она решила тут же надеть обновки, поэтому продавец срезал этикетки.

— Вы понимаете, мадам, что не сможете вернуть вещи, если наденете их прямо сейчас? Обратного пути не будет.

— Понимаю, — ответила Пенни и выписала очередной чек.

Она положила новую косметичку в изящную сумочку и закрыла замок. Раздался приятный щелчок. Ее старую одежду положили в пакет, и она вышла, помахав на прощание изумленным продавцам.

На Юниверсити-стрит она выбросила пакет в мусорный контейнер. Компания рабочих замерла в восхищении, когда она проходила мимо стройки. Она шла по улице в своем новом костюме, и ветер играл листьями каштанов.

Пенни ощущала себя молодой, свободной и полной жизни. Она села на скамейку в Ботаническом саду, сжимая в руках новую сумочку из черного бархата. Она вспомнила о Клэр Фицджеральд и для верности несколько раз обмотала ремешок сумочки вокруг запястья. Шесть часов. В восемь Ричард будет ждать ее в винном баре. Несмотря на нервное возбуждение, она проголодалась.

Пенни пообедала в итальянском ресторане около Королевского университета. Она не смогла устоять против запаха чеснока, разносившегося по улице, и очарования розовых огоньков за окнами. На ступеньках за ее спиной уже начала образовываться небольшая очередь, когда менеджер пригласил ее войти. Очаровательные симпатичные официанты весело сновали по залу, высоко поднимая круглые серебряные подносы.

— Столик на двоих? — спросил один из них, взглянув на часы.

— Боюсь, на одного, — ответила Пенни с печальной улыбкой. — Но вечер только начинается.

— Конечно, мадам, — согласился официант и подвел ее к уединенному столику возле искусственного деревца, переливавшегося огоньками гирлянды.

Пенни грациозно села за стол и заказала бокал вина. Приятно сменить обстановку и не готовить еду самой. Она наслаждалась ароматом припущенных помидоров, соуса на красном вине, сыра пармезан и оливкового масла.

— Я возьму крабовые клешни и салат, — сделала заказ Пенни, внимательно изучив меню в кожаном переплете.

Когда тарелка опустела, Пенни попросила официанта принести чашку эспрессо и стакан минеральной воды. Жаль, с ней не было Дэниела. Как было бы здорово сидеть за этим маленьким столиком, держась за руки, и представлять, что они проводят отпуск в Риме!

С потолка свисали виноградные гроздья, а стены были расписаны итальянскими пейзажами. На столах лежали бело-зеленые клетчатые скатерти и зеленые салфетки, рядом с баром стояла прекрасная женская статуя из белоснежного мрамора. От внимания Пенни не ускользнула ни одна мелочь. Она привыкла наблюдать, молчать и есть в одиночестве. Ей хотелось запомнить этот день во всех подробностях. Без десяти восемь она расплатилась и вышла.

Крепко сжимая в руках сумочку, Пенни толкнула дверь винного бара в модной части Лисберн-роуд и зашла внутрь. В баре царил полумрак. Может, Ричард забыл о свидании и не придет? Когда они разговаривали по телефону, ей показалось, он с большим энтузиазмом откликнулся на ее идею купить квартиру. И тогда Пенни предложила встретиться и поговорить за бокалом вина. Ричарду идея встретиться в винном баре пришлась по душе. Он был беззаботным малым и предпочитал плыть по течению.

Темно-синие гобеленовые стулья и столы красного дерева, медные светильники над современными картинами вдоль стен, десятки и десятки пыльных бутылок на грубых деревянных полках. Посетители, в основном мужчины, говорили негромко. Они оглядели ее, когда она вошла в зал, села на высокий стул и заказала бокал вина. Пенни демонстративно посмотрела на часы, чтобы все поняли — она кого-то ждет. Ей не хотелось, чтобы они думали, будто она здесь одна. Так недолго нарваться на неприятности. Пенни выпила вино и заказала еще.

В десять минут девятого в бар вошел хорошо одетый мужчина и сделал знак бармену. Это был Ричард. Он улыбнулся Пенни. Она улыбнулась в ответ и продолжала смотреть на него. Он сел рядом с ней.

Бар постепенно заполнялся, и музыку сделали чуть-чуть громче.

— Привет, — поздоровался Ричард. — Выглядите потрясающе. Прическу изменили, я даже сразу не узнал вас. Просто блеск!

— Спасибо, — ответила Пенни.

— Хорошо, что мы сегодня встретились. Даже если я ничего не продам.

— Держу пари, вы говорите это всем знакомым женщинам, — улыбнулась Пенни. Но все равно ей было очень приятно.

Бармен хорошо знал Ричарда, и, когда в десять часов он пошел в туалет, бармен подошел к Пенни и посоветовал ей быть осторожней. Он сказал, что Ричард известный ловелас и

положиться на него нельзя. У него одно на уме — немного развлечься. Пенни зажмурилась от удовольствия. Как раз то, что ей нужно, ответила она. Немного развлечься.

Она сообщила Ричарду, что замужем. Она собиралась играть в открытую с самого начала. Кажется, его это ничуть не смутило. Он сказал, что, еще когда они говорили по телефону, он почувствовал в ее голосе интерес не только к ценам на квартиры у реки.

Она напомнила ему, что у нее есть кафе, а он рассказал о кафе, которое однажды продал знаменитому повару, и о том, как растут цены на недвижимость в одной части города и падают в другой. Они болтали о том, что знаменитости в Белфасте не задерживаются; о плохих и хороших телевизионных программах; о том, как иногда коварно портится погода, когда у вас, как назло, нет с собой зонтика; о новых марках машин, появившихся в городе; о своих поездках, любимой еде и о ресторанах, где можно недорого поесть. Политики и религии они не касались. Такие темы опасно обсуждать с человеком, которого видишь в первый раз. Ричард заплатил за обоих и как бы между прочим положил руку на плечо Пенни, а она ее не сбросила.

В одиннадцать Пенни и Ричард вместе вышли из бара. Он предложил показать ей свою квартиру. Чтобы она получила представление о том, как такие квартиры выглядят внутри. И полюбовалась видом на реку Лаган. А что час для осмотра квартир не самый подходящий, она говорить не стала, он тем более.

Они взяли такси.

Пенни показалось совершенно естественным войти вместе с Ричардом через тяжелую парадную дверь и легко взбежать на третий этаж. Он открыл дверь и отступил в сторону, пропуская ее вперед. Из гостиной был виден залитый светом Уотерфронт-Холл, сияющий на противоположном берегу реки. Внутри огромного стеклянного концертного зала люди разговаривали и смеялись, ходили с этажа на этаж вверх и вниз по лестницам. Точь-в-точь человеческий муравейник. Пенни и Ричард стояли рядом и некоторое время разглядывали эту картину. Ричард нежно погладил спину Пенни. В животе у нее сжалось — не от страсти или любви, а от нервного напряжения.

В квартире Ричарда все было продумано, отделка и мебель выдержаны в одном стиле, в шоколадно-кремовой гамме. Пенни спросила, сам ли он выбирал мебель.

— Это был образец готовой квартиры, и я купил ее со всей обстановкой, — объяснил Ричард.

— Но ты еще привез, наверное, что-нибудь свое, когда въехал?

— Только музыкальный центр и одежду. Боюсь, я типичный холостяк.

Он произнес это весело и беззаботно, но Пенни послышалась в его словах легкая грусть.

— Похоже на то.

— Чувствуй себя как дома, — сказал Ричард.

Он пошел в крошечную, оборудованную по последнему слову кухни варить кофе. Она услышала, как он жмет на кнопки дорогой кофеварочной машины, и едва сдержала смех, когда он чуть не обжегся горячим взбитым молоком. С такими машинами непросто совладать, если, конечно, не пользоваться ими каждый день.

Пенни подумала о Дэниеле, его милом лице, голубых льдинках его глаз, и о том, как он танцевал с ней в день их первой встречи. Она вспомнила свою свадьбу. Как же сильно она любила его тогда, с каким нетерпением ждала, когда они наконец останутся наедине в гостиничном номере для новобрачных. Сейчас она стояла возле огромного окна и смотрела на воду. У нее на глаза наворачивались слезы.

— Поцелуй меня, — попросила она, когда Ричард вернулся из кухни с двумя чашками латте и блюдом фигурного немецкого печенья на подносе.

В считанные секунды он поставил поднос на маленький столик, снял пиджак, бросил его на диван и подошел к Пенни. Кончиками пальцев он нежно провел по ее рукам, и Пенни закрыла глаза. Затем он обнял ее и со знанием дела поцеловал. Ричард Аллен никогда не терял самообладания, имея дело с женщинами. Совсем наоборот, он был на все сто уверен в своих мужских способностях. Беспокоиться он начинал, только если речь заходила об обручальных кольцах.

Они все целовались и целовались, и кофе совершенно остыл, и Пенни больше не вспоминала о Дэниеле.

Глава 26

Любовники

На следующий день Дэниел был какой-то испуганно-притихший. Пенни с наслаждением приняла ванну, не торопясь оделась и спустилась к завтраку, но не в восемь часов утра, а в половине второго дня. Он с удивлением посмотрел на ее новую прическу, не такой, как раньше, макияж и сказал, что она чудесно выглядит, но про вчерашний день ничего не спросил. Кажется, у него гора с плеч свалилась оттого, что она вообще вернулась, подумала Пенни. Он принес ей чашку чаю и булочку, как всегда. К ее полнейшему изумлению, он даже не спросил, где она провела ночь и почему явилась домой на рассвете, в шесть утра.

День шел своим чередом, и Пенни пришла в голову мысль, что он просто не понимает, как себя вести. Он женился на ней ради кафе. Так ведь это для нее много лет как не новость. В половине шестого она сказала Дэниелу, что уезжает отдохнуть на пару дней и берет кредитку, потому что хочет немного себя побаловать.

Дэниел побагровел, но ничего не ответил.

— Ты не хочешь спросить меня, куда я еду?

— А ты скажешь?

— Дэниел, нам нужно поговорить, серьезно поговорить. Прошу тебя.

— Знаешь, я вообще-то сам ухожу, вернусь примерно через час.

Он запер дверь и закрыл жалюзи. За последние семнадцать лет Пенни не могла припомнить ни одного случая, чтобы он закрыл кафе раньше девяти. Даже накануне Рождества чайная работала, и целые компании нарядных посетителей заваливались к ним по пути на вечеринки или уже обратно домой.

— Нам нужно поговорить, если мы и дальше хотим жить вместе, Дэниел. Так больше продолжаться не может.

— Поговорим, когда ты вернешься.

— Почему не поговорить прямо сейчас. Если ты против, я никуда не поеду.

— Нисколько. Езжай и как следует отдохни. Ты заслужила.

Он вышел через заднюю дверь, и Пенни не стала его останавливать. Она взяла небольшую сумку, положила туда кое-какие вещи, закрыла кафе и остановила такси, чтобы ехать к Ричарду. Он увезет ее на два дня за город. Они собирались совершать долгие прогулки, обедать в шикарном ресторане и провести ночь в номере небольшого, но дорогого отеля. У Пенни от подобной перспективы голова шла кругом. Она была замужней женщиной, имела любовника, но тем не менее чувствовала себя совершенно неопытной в любовных делах.

Милли Мортимер страшно обрадовалась, когда узнала, что Пенни решила отдохнуть. Она считала, после стольких лет рабства в чайной Пенни заслужила немного радости для себя. Она одолжила подруге красивое теплое пальто и пару кокетливых домашних туфель. Пенни не сказала ей о Ричарде. Она только сообщила, что уезжает на несколько дней, чтобы подумать о своей семейной жизни. Собственно говоря, это была чистая правда.

В любом случае отменять поездку слишком поздно — Ричард ждет ее. Она села в такси на заднее сиденье, покрепче прижала к себе сумку и посмотрела в зеркало заднего вида, все ли в порядке с ее новой прической.

Глава 27

Сестры Кроули обескуражены

За две недели до визита королевы Элис вспомнила про броши. Чтобы роскошные туалеты приобрели законченный вид, каждой из них нужна еще красивая брошь. У них были кое-какие сбережения, и теперь сестры мучились, разумно ли тратить деньги на новые украшения. Внезапно Беатрис почувствовала непреодолимое желание съесть кусочек шоколадного торта.

— Пойдем, — сказала она сестре. — Думаю, Дэниел знает, где можно недорого купить хорошую вещь, если ты понимаешь, что я имею в виду.

— Если уж кто и знает, так это он, — согласилась Элис. — Запри заднюю дверь, а я выключу радио.

Вопреки обыкновению, Пенни в чайной не оказалось, зато Дэниел подсказал им отличную идею, когда услышал, что их беспокоит.

— Почему бы вам не надеть что-нибудь из украшений вашей покойной матушки? — предложил он. — Лучше всего подошли бы вещи военной поры. Тогда вам было бы что показать и о чем рассказать королеве. Да и ей не одни же только военные фотографии разглядывать.

Беатрис сразу подумала о чемодане с мамиными вещами на чердаке. Сестры до отказа набили его старой одеждой, обувью и всякими вещицами, с которыми не смогли расстаться после маминой смерти. Вне всяких сомнений, где-то там была и шкатулка с бижутерией.

— Нужно достать с чердака чемодан и как следует там покопаться. Кто знает, может, что-нибудь отыщется. Спасибо, Дэниел.

Дэниел улыбнулся. Легко помогать другим. Сестры доели свой торт и отправились домой на поиски сокровищ.

После долгого пыхания, сопения и возгласов «Осторожно!» чемодан стащили по лестнице вниз и водрузили на столе в спальне Беатрис. Сестры сели на кровать передохнуть, а потом открыли старинную кожаную крышку. Чемодан весь был покрыт пылью и паутиной, но внутри время, казалось, остановилось...

Мамины вещи все такие же чистые и нарядные, как при ее жизни. Платья и жакеты, комбинации и чулки.

— Какой миниатюрной была наша мама! — умилилась Элис. — Этот жакетик налезет разве только на куклу.

Беатрис выудила из чемодана шкатулку:

— Слава богу, украшения подходят к одежде любого размера. Надеюсь, мы найдем здесь что-нибудь подходящее. Какой молодец Дэниел!

В шкатулке лежали ожерелья, браслеты и серьги, а на самом дне — две большие броши. Одна, с бирюзой, — в форме стрекозы, а вторая — в виде букета красных тюльпанов с позолоченными листочками. Беатрис подняла броши повыше к свету, и стеклянные камешки засверкали, заискрились.

— Думаю, теперь мы экипированы как надо, — сказала Беатрис. — Я надену красную, а ты голубую. В следующий раз, когда мы пойдем в кафе, нужно показать их Пенни.

— А что там за бумага на дне спрятана? Видишь, уголок выглядывает?

Элис засунула руку под шелковую обивку шкатулки и вытащила пожелтевший от

времени листок бумаги. Она развернула его и расправила на кровати. Это было свидетельство о рождении. Уильям и Элиза Кроули значились родителями девочек-близнецов, появившихся на свет в Белфасте в 1941 году.

— Но это ошибка! — возмутилась Элис. — Мы родились в тысяча девятьсот сороковом. Через полгода после того, как папа ушел на войну. Должно быть, тут что-то напутано.

Беатрис не шевельнулась, лишь нервно закашлялась.

Посчитав в уме, сестры погрузились в молчание. Они смотрели на дату, указанную в свидетельстве, и не решались произнести вслух правду. Слово не воробей... Получается, их зачали, когда Уильям уже ушел на войну. А из этого следует, что их биологические родители не были женаты. По крайней мере друг на друге. Беатрис вспомнила, как бесчисленное число раз называла белфастских непослушных детей гнусными маленькими ублюдками. Она представила, как подобное клеймо должно терзать неокрепшую душу ребенка, которому и без того непросто постичь всю сложность мира.

Элис вспоминала свой первый день в гимназии, пятьдесят пять лет тому назад. Некоторые девчонки хихикали и подталкивали друг друга локтями, когда учительница называла имена сестер. Элис Кроули. Беатрис Кроули. Может, они знали уже тогда? Может, слышали, как родители сплетничали за чаем? Ну если мамаша не нагуляла этих двоих на стороне, то тогда я Папа Римский. Бедная Элиза, как она выносила все это столько лет? Вечно любопытные взгляды соседей, стоило им высунуть нос из дому. Теперь только до нее дошло: их разглядывали, потому что они были не похожи на родителей. В глубине души она и раньше знала, в чем причина.

— Мы с тобой тоже были маленькие, когда пошли в школу, ростом меньше остальных, — вспомнила Элис. — Хотя скоро всех догнали.

На руке Беатрис поблескивали стеклянные брошки, подарок любовника Элизы. Броши знали правду: их настоящим отцом был выходец из Германии Лео Франк. Это его гены, а не Уильяма жили в сестрах. О еврейском происхождении Лео красноречиво свидетельствовали лица его дочерей-близняшек.

Беатрис поднесла руку к горлу и снова закашлялась.

— Уильям Кроули, герой войны, не наш отец, — печально сказала она, и слеза скатилась по ее щеке.

— Ты считаешь, у мамы был роман на стороне? — Лицо Элис побелело.

— Похоже на то. Мама всегда говорила, что потеряла свидетельство во время переезда. Мы на год моложе, чем думали.

— Папа, бедный папа, — прошептала Элис. — Не могу поверить! Это простая ошибка! Глупая девица-регистратор, видимо, витала в облаках, когда оформляла свидетельство.

Беатрис Потрясла шкатулку, и оттуда выпала маленькая фотография, потускневшая и потрескавшаяся от времени. На ней их мать в форме медсестры стояла на ступеньках госпиталя королевы Виктории рядом с высоким мужчиной в очках и маленькой черной шапочке на макушке. На обратной стороне надпись: *Элиза и Лео, 1941*. Мужчина обнимал Элизу за талию. Ее живот слегка выпирал. Темные глаза и длинный прямой нос мужчины на фотографии были точно такими же, как у Элис и Беатрис.

— Эту единственную фотографию мы точно не понесем в городской совет, — сказала Элис.

— Ты знаешь, получается, что наш отец мог быть иудейской веры, — задумчиво произнесла Беатрис. — Посмотри, какая на нем шапочка — кажется, это называется

ермолка.

— Ты хочешь сказать, он еврей? — спросила Элис и закрыла рот руками.

— Думаю, нельзя исключать такую вероятность, — мягко ответила Беатрис.

— Но как такое возможно? Мама была порядочной женщиной. Может, она стала жертвой насилия? В газетах пишут о таких ужасных случаях!..

— Элис, посмотри на фотографию. Мама улыбается. Ты что, сама не видишь, как мы похожи на него? Любовная связь как причина моего появления на свет устраивает меня все же больше, чем какой-нибудь кошмар вроде изнасилования. Во время войны такое случалось. Когда живешь в постоянном страхе, трудно не поддаваться искушению, — прошептала Беатрис. — Тем более мама думала, что больше никогда уже не увидит своего мужа.

— Но это значит, мама была грешницей, сбившейся с пути истинного, отвергнувшей Божественный свет! — У Элис начиналась истерика.

— Прекрати! — одернула ее Беатрис и промокнула салфеткой слезы на глазах у сестры. — Прекрати, пожалуйста! Не говори так о маме. Это невыносимо. Правда невыносимо.

Они спустились вниз в гостиную и долго пили чай, чашку за чашкой горячего сладкого чая.

— Теперь я чувствую себя как-то по-другому. Мы стали другими? Мы теперь иудеи? — спросила Элис.

— Нет, мы воспитаны как христиане, христианами мы и остаемся. — В этом Беатрис не сомневалась. — Хотя, говорят, евреи очень трудолюбивы, чрезвычайно ценят семью. Ну и конечно, огромное значение придают образованию.

— Да, правильно! А мы ведь учителя! Мы расскажем всем? — спросила Элис.

— Ну нет. Конечно нет. Не думаю, что нам стоит. Да и какой смысл? У нас нет ни его фамилии, ничего, — ответила Беатрис. — Возможно, он не... э-э-э... не он был нашим отцом.

Беатрис не хотелось думать, что у Элизы, пока с неба сыпались бомбы, были и другие любовники. Элис не поняла ее тайную мысль:

— Но здесь не могло быть много евреев во время войны. Вероятно, где-то хранятся списки? Беженцев скорее всего? У нас, возможно, где-нибудь есть родственники?

— Нет. Они не хотели, чтобы мы знали. Будем жить дальше, как будто ничего не произошло.

И тут Беатрис заметила на полу свернутый в несколько раз листок бумаги, — наверное, он тоже выпал из шкатулки. Она развернула его. Это была телеграмма.

— Что там? — с нетерпением поинтересовалась Элис.

Беатрис мгновение поколебалась. Она боялась, как бы телеграмма не подтвердила то, что уже и так очевидно. Так и случилось.

Поздравляю, моя милая. Мы хотели ребенка, а теперь у нас сразу двое. Сама выбери имена для наших детей и береги их. Я хочу только скорей вернуться домой, к тебе, и никогда не выпускать тебя из своих объятий.

С любовью, твой муж Уильям.

— Он настоящий герой, — прошептала Беатрис. — Никогда, ни разу в жизни, не дал он нам почувствовать, что мы не его дети.

— Это правда. Таких мужчин больше нет! — ответила Беатрис дрогнувшим голосом. — Мне так его не хватает.

— Нам обеим его не хватает, сестричка.

Они крепко обнялись и всплакнули.

А потом у Элис чуть не случился сердечный приступ, когда ее с запозданием осенило.

— Боже правый, мы что же — наполовину немцы?

Глава 28

Подарок для Бренды

Миссис Браун позвонила в дверь квартиры, где жила Бренда. В руке она держала большой коричневый бумажный пакет.

— Сюрприз! — крикнула она, когда Бренда, щурясь от яркого дневного света, открыла дверь.

— Мам, в чем дело? Я очень занята, мне нужно подготовить работы к выставке в Голуэе.

— Знаю, солнышко. Поэтому я и принесла тебе чудесный подарок. Не удивлюсь, если это ценная вещь, хотя я купила ее на распродаже за двадцать фунтов.

— Здорово! Здесь, в пакете?

— Ну да. Только позволь мне сперва войти, ладно? Пакет довольно тяжелый.

Бренда дрожала от радостного предвкушения. Определенно, жизнь начала поворачиваться к ней лучезарной стороной. Да и пора уж! После увольнения из супермаркета ей пришлось целый день провести на Бирже труда, чтобы снова добиться пособия.

Миссис Браун закрыла за собой дверь и засемила вверх по лестнице вслед за дочерью. В крошечной прихожей Бренда уже пританцовывала от нетерпения, но, когда мать открыла пакет, совершенно растерялась. В пакете оказалась богатая золоченая резная рама, по углам украшенная фруктами и цветами.

— Оп-ля! Ну и как тебе?

— Ну-у-у, — сказала Бренда. — Вообще-то, я не вставляю свои картины в рамы. Поэтому я записываю боковины холста, понимаешь? Это мой фирменный стиль. Кроме того, думаю, ни одно из моих полотен не подойдет по размерам. У меня все картины квадратные.

Миссис Браун страшно огорчилась, что ее замечательный сюрприз не произвел должного впечатления. Поджав губы, она убрала свой чудесный подарок обратно в пакет.

— Ничего страшного. Я думала, тебе понравится. Ты могла бы нарисовать что-нибудь подходящее для такой рамы, и эта работа стала бы главным украшением выставки.

— Даже не знаю...

— В самом деле, разве все картины Винсента как-там-его не вставлены в золоченые рамы? Ей-богу, Бренда! Я-то думала, ты обрадуешься.

— Я рада, мама. Замечательный подарок.

— Так забрать это от тебя? Думаю, раму можно продать.

— Нет-нет. Что ты! Давай ее сюда. Такой шикарной вещи у меня еще не было. Просто красота! А не выпить ли нам кофе, чтобы отметить это дело?

— Было бы неплохо. Я тебе еще кое-что купила. — И со дна пакета она достала старинную подставку для торта.

— Спасибо, мам. Это что-то!

Бренда постаралась, чтобы в ее голосе прозвучала искренняя благодарность. Она протянула руки за подарками.

— Отлично. Я знала, ты будешь довольна.

Миссис Браун наконец убедилась, что удачно выбрала подарки. Она вручила покупки дочери.

Женщины пошли на кухню. Бренда принялась варить кофе, а миссис Браун села за маленький столик.

— Прости, у меня ничего нет к кофе, — извинилась Бренда.

Миссис Браун вытащила из кармана куртки пачку арахисового печенья и упаковку мини-рулетов.

— А когда у тебя что-то было? — улыбнулась она. — Ты типичный художник, Бренда. Ни малейшего понятия о реальной жизни.

— Знаешь, я думаю, это не так уж плохо, — ответила Бренда. — Реальная жизнь вызывает во мне сплошное разочарование. Расскажи-ка лучше, чем ты занималась в последнее время.

— О, дел невпроворот. Я продала семь полных багажников всякого отцовского барахла. Выручила кучу денег.

Миссис Браун открыла упаковку с рулетами и гляцевый пакет с печеньем и положила сладости на новую подставку для торта.

— Мам, он страшно разозлится.

— Во-первых, я продала только вещи, которые ему больше не нужны: пластинки, старую одежду, книги, пепельницы. А во-вторых, он сам ушел из дому и поселился вместе со своей дублинской шлюшкой. Поэтому я буду делать что хочу.

— В общем, да, — вздохнула Бренда. — Я все еще не могу прийти в себя. А ты-то как справляешься, а, мам?

— Справляюсь. Ходили тут с девочками с работы на концерт Дэниела О'Доннелла. Превосходное лекарство для разбитых сердец.

— Здорово.

— А на выходные мы собираемся в новый клуб лайндансинга. И знаешь, мы планируем поездку в Нэшвилл.

— Вот это тема!

— В моем возрасте непозволительно вычеркивать из жизни десятков лет, чтобы оплакивать мужа, который решил, что больше тебя не любит. Я категорически отказываюсь превращаться в полоумную развалину.

— Мама, ты же знаешь, он вернется. У него просто заскок. Меньше чем через месяц он на коленях приползет к твоей двери и будет умолять, чтобы ты пустила его обратно. Помяни мое слово. Из шлюшек никогда не получается хороших хозяек.

— Посмотрим. А пока я собираюсь наслаждаться жизнью. И если бы у тебя было больше здравого смысла, то ты последовала бы моему примеру, вместо того чтобы целый день торчать в этой тесной, душной конуре. Так не хочешь дать мне парочку своих работ? Я еду завтра в Лурган на блошинный рынок. Там постоянно отираются богачи.

— Я даже не буду отвечать на твой вопрос.

— Как знаешь. Я пошла.

— Ты не побудешь еще немножко?

— Не могу. В одиннадцать придут маляры перекрашивать гостиную. Хочу освежить весь дом. Может быть, когда появится время, ты напишешь для меня пейзажик?

— Хорошо. Ну пока.

— Пока, дорогая. Вот, детка, возьми. — Она протянула сорок фунтов. — Только не трать все на краску. Ты слышишь меня? Купи себе приличной еды в кафе.

— Спасибо, мам. Спасибо тебе.

— Хорошо, хоть кто-то мне благодарен. Все, я ушла. Не забудь запереть за мной дверь. В этом районе держи ухо востро.

Когда мама уехала, Бренда опустилась на колени и внимательно осмотрела раму. Настоящее дерево, ручная работа. Неужели и позолота настоящая? Да, точно, покрытая толстым слоем липкой грязи, обрывками ниток сзади, где некогда крепился холст. Бренда начинала понимать, что мама права. Рама скорее всего стоит немалых денег. Судя по всему, вещь подлинная, не какая-то гипсовая подделка. Нужно ее почистить и пустить в дело.

В приподнятом настроении, Бренда нашла линейку и измерила раму. Нужно сочинить какую-нибудь подходящую по размерам картинку и пусть себе висит в укромном уголке галереи. В таком месте, где бы она не выбивалась из общей экспозиции, ведь все остальные работы будут без рам. Небольшая причуда, о которой критики, возможно, вспомнят, когда сядут строчить рецензии.

Она заварила еще одну чашку кофе и, догрызая остатки арахисового печенья, принялась размышлять, что бы такого ей написать. Позолоченная рама не зря появилась — это, несомненно, хороший знак.

Глава 29

Сестры Кроули встречаются с королевой

Элис вычеркивала в календаре день за днем, пока не наступило двадцать шестое сентября — день торжественного обеда в городском совете, на который были приглашены и сестры Кроули. Они оделись в полном молчании и, стоя бок о бок перед зеркалом в прихожей, прикололи мамины броши. И тут же неожиданный и резкий гудок возвестил о прибытии такси.

— Пойдем, — сказала Беатрис. — Чем скорее мы с этим покончим, тем лучше. И запомни: нужно десять раз подумать, прежде чем открывать рот. Если все выльется наружу, пересудам не будет конца.

— Не волнуйся. Из меня клещами ничего не вытащат. Я только надеюсь, там соберутся не одни только снобы. Ты никогда не замечала, как всякие церемонии выявляют в людях все самое гадкое?

Обреченно, как будто собираясь на собственную казнь, они сели на заднее сиденье такси.

— Куда направляемся? — спросил водитель. — Разодеты в пух и прах, что за праздник сегодня?

— Городской совет, пожалуйста. — Беатрис не хотелось разговаривать.

— Городской совет? Какое-то торжество?

— Нет, просто обед. А вы, будьте любезны, следите за дорогой.

Гости собирались в саду. Все гадали, кто будет почетным гостем. Элис повесила сумочку на руку и приняла величественную позу возле памятника жертвам войны. Какой-то подслеповатый журналист поспешил к ней, подумав, что это и есть таинственная важная персона, но, обнаружив всего-навсего скромную пенсионерку, смущенно ретировался. Беатрис взяла сестру под руку и повела ее к главному входу, где они встали в очередь, держа наготове свое замусоленное приглашение.

Гости входили в банкетный зал и, суетясь и устраивая полнейшую неразбериху, занимали места. За главным столом жена мэра чуть не подралась с какой-то дамой из городского совета за стул рядом с vip-гостями. То тут то там кто-то высказывал недовольство и даже намекал, что при распределении мест не обошлось без махинаций.

На столах было столько свежих цветов, что почти не оставалось свободного пространства для приборов. Хорошо, если растения тщательно проверили на наличие пауков, подумала Беатрис. Случись, большой жирный паук вылезет из букета гвоздик и плюхнет сверху лапками в суп ее величества, королева непременно подумает, что от грязных дикарей из Белфаста ничего другого ждать и не приходится. Элис быстро окинула взглядом зал, проверяя, нет ли где подозрительных свертков, и молила Бога, чтобы такой важный день не был испорчен угрозой теракта.

Лорд-мэр, в своем парадном облачении, весь уже покрылся испариной. Тяжелая цепь у него на груди становилась тяжелее с каждой минутой, а выходные брюки явно были ему тесноваты. Видимо, в ближайшее время нужно сесть на диету. Или купить брюки на размер побольше. Как бы не пришлось раскошелиться на новый костюм? Он постучал пальцем по микрофону, призвал всех собравшихся к тишине. К этому моменту обстановка в зале достигла такого накала, что гости буквально впились ногтями в кромку скатерти. Все

затаили дыхание, и Элис как следует ткнула сестру локтем, чтобы та подняла глаза. В ответ Беатрис пообещала — еще один тычок, и Элис полетит на пол, благо там на полу ковер.

Мэр откашлялся, чтобы потянуть время. Он слишком хорошо был осведомлен о слухах, циркулирующих среди гостей. Он знал — все ждали королеву, и он сделал все возможное, чтобы она приехала, но в этот день она была слишком занята. Какая-то выставка собак в Лидсе. Поэтому он гордо объявил, что их почтила своим присутствием не кто иная, как ее величество королева... красоты, мисс Северная Ирландия.

— Мисс... мисс... — Он никак не мог вспомнить ее имя. Все эти куклы были для него на одно лицо: крупные белые зубы и длинные тонкие ноги, как у кобыл. Ему нравились женщины миниатюрные, в домашних халатиках. — Мисс... Северная Ирландия! — прорычал он в самый микрофон, который в ответ издал пронзительный визг.

И вот она входит через боковую дверь, мило помахивая ручкой. Платье сороковых годов, красная помада, высокие каблуки и фуражка британских ВВС. На некоторое время, пока она плыла по залу, развязно двигая бедрами из стороны в сторону, гости замерли в изумлении. Она, видно, забыла, что тут не подиум.

Кто-то сдавленно захихикал, и Беатрис поняла, что это ее сестра. Она начала кашлять и хлопать, чтобы заглушить не вполне бесшумную истерику Элис. Остальные гости опомнились и тоже стали хлопать. Волнение, неуклонно нараставшее в течение нескольких месяцев, хлынуло наружу. Раздались оглушительные аплодисменты, и журналисты ринулись фотографировать королеву красоты. Она улыбнулась — такой широченной улыбки сестры Кроули в жизни своей не видывали — и продемонстрировала два полных ряда отбеленных, белоснежных зубов, включая коренные. На время вспышки фотокамер ослепили присутствующих.

— Скажи мне, что это все не на самом деле, — попросила Элис, и на этот раз уже нервным смехом зашлась Беатрис.

— Заткни уши, Элис. Я буду ругаться, как пьяный матрос, — пообещала Беатрис. И выполнила обещание. Шесть раз подряд.

Подали обед, но ни один лакомый кусочек не лез сестрам в горло. От постоянной необходимости улыбаться их лица сводила судорога. Элис пыталась придумать убедительный повод откланяться и поскорее вернуться домой. Но придумать ничего не получалось. Казалось, из груди у нее вытащили сердце и вместо него положили холодный камень. Единственным утешением было то, что жена мэра Джорджина выглядела еще более удрученной, чем она. А огромная черная шляпа Джорджины, украшенная искусственными лилиями, напоминала разбившийся катафалк.

Мисс Северная Ирландия вежливо слушала зачитываемые речи, но после ее выхода все происходящее казалось неправдоподобным.

— Конечно, можно называть членов королевской семьи сборищем идиотов, — заметила Элис. — Но кто еще, скажите мне, может держаться с присущим им достоинством? Вся сегодняшняя затея — полный провал.

Когда выступления подошли к концу, аплодировала только половина гостей. Вторая половина ковырялась в зубах бесплатными зубочистками. Беатрис представила, как их дорогой папа Уильям в армейской палатке где-нибудь во Франции читает телеграмму — телеграмму, в которой сообщается о рождении близнецов. От этой картины слезы разочарования выступили у нее на глазах, и присутствующие, справедливо предположив, что она думает о погибшем, родственнике, отвели глаза, дабы не смущать ее.

Элис скрылась в туалете, когда в назначенное время объявили об открытии фотовыставки. Пока она сидела в одной из роскошных кабинок, ей волей-неволей пришлось подслушать, как одна из приглашенных дам призналась, что украла свои трехсотфунтовые туфли в магазине в Бангоре, а другая похвасталась, что у нее лесбийский роман с тренером по теннису. Эти скандальные подробности странным образом приободрили Элис.

Когда сестер наконец представили почетной гостье, они уже зевали от скуки. Их поставили к стенке, как военнопленных, и сфотографировали с жизнерадостным телевизионным ведущим Фрэнком Митчеллом и мисс Северная Ирландия, чье имя они так и не узнали. Главное место на снимке фотограф отвел очаровательному личику королевы красоты в фуражке BBC, а Фрэнк и сестры Кроули прилепились по краям.

Когда на следующий день Беатрис увидела себя и сестру в «Белфаст телеграф», то сказала, что выглядят они так, будто только что выпили уксуса. Верхушки их прекрасных шляп в кадр не вошли. При каждом взгляде на фотографию Беатрис заливалась хохотом, а Элис выходила из себя.

— Нашему дорогому отцу не пришлось бы рисковать жизнью на передовой, если бы не решалась судьба мира, культуры, национальной гордости и государственных флагов, чтоб им пусто было, — возмущалась Беатрис, — а бедной мамочке искать утешения в объятиях другого.

— Ну, если разобраться, — ответила на это Беатрис, — без войны нас вообще могло бы не быть.

Затем они приняли решение больше не переживать по этому поводу. Некоторые вещи так сложны и запутанны, что понять их человеку невозможно.

И когда соседка зашла поздравить их с появлением в прессе и сказала: «Мы этим немцам показали, вовек не забудут. Дали им прикурить», Элис вышла из комнаты.

Глава 30

Воспоминания о Коннемара

Пока Аврора и Дэвид смотрели в гостиной отснятый фильм, Генри тихонько выскользнул из дому. Побродив по парку часик-другой, он зашел в чайную. Там сидела Роза, одна.

Он помедлил чуть-чуть, но все-таки решил подойти:

— Извините, надеюсь, я не помешал вам. Я хотел бы угостить вас кофе в знак благодарности за все хлопоты с растениями.

— А, это вы, мистер Блэкстафф.

— Пожалуйста, зовите меня Генри.

— Спасибо, Генри. Очень любезно с вашей стороны.

Он заказал кофе с бубликами и сел за столик. Он не собирался говорить на личные темы, просто радовался их случайной встрече. Но говорить с ней было так легко, что он незаметно для себя стал задавать один вопрос за другим:

— У вас такой акцент — вы родом не из Белфаста?

— Нет, я из Коннемара.

— Боже, как вы здесь очутились? Я хотел сказать, там, по слухам, такая красота!

— Верно. Абсолютно нетронутая. Но вот в чем загвоздка: промышленности почти нет, поэтому и работать негде. Я переехала сюда, когда познакомилась со своим мужем. У него небольшой бизнес в центре города. Продает всякие устройства, электронику. Он помешан на всем современном, блестящем и маленьком.

— А моя жена — абсолютная противоположность. Она вся в прошлом. Старые пыльные книги, ну и все такое. Сколько лет вы замужем?

— Четыре года. Вообще-то мы недавно расстались.

— Вот как, сочувствую, простите. Я не должен был расспрашивать...

— Ничего страшного. Со мной все будет в порядке. Я знала, что рано или поздно это должно случиться. У нас не осталось ничего общего.

— Вот как, — сказал Генри, и внутри у него как будто что-то оборвалось.

— Он попросил меня бросить цветочный магазин и работать на него. Продавать системы сигнализации. Это стало последней каплей. Я поняла, что все кончилось, — печально улыбнулась Роза. — Вы, наверное, считаете меня чудовищем. С такой легкостью разрушить брак.

— Напротив. Я думаю, вы очень смелая. Если у вас действительно не осталось ничего общего. А дети у вас есть?

— Нет. Джон говорил, нужно подождать, пока бизнес не окрепнет. А у вас?

— Нет. До детей дело так и не дошло. Мы были слишком заняты. А потом однажды проснулись и поняли, что уже состарились.

Он понимал, что зашел чересчур далеко, но не мог остановиться. Признания вырывались помимо его воли.

— Прекратите! Вы совсем не старый. Вы отлично сохранились. Выражаясь языком садоводов, морозоустойчивый однолетник.

Генри рассмеялся:

— Что вы теперь собираетесь делать?

— Поеду домой в Коннемара. Я ничего не имею против Белфаста, но для меня это чужой город. Одна моя знакомая сдает коттеджи прямо на берегу. Я проживу там немного, присмотрю за домиками, пока не решу, что делать дальше. У меня сестра в Австралии. Может, поеду к ней. Еще не знаю. А сейчас, до тех пор пока не продала магазин, живу у подруги.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Расскажите мне о Коннемара.

— Ну, все серого цвета, и постоянно идет дождь. Мало деревьев. Повсюду скалы. Но иногда мне страшно не хватает той тишины и тумана, приходящего с моря. Наверное, нужно родиться там, чтобы понять меня. Большинство считает, что это скучное место, и они не стали бы жить там, даже если бы им приплатили, а я люблю Коннемара.

— Тогда почему бы вам не решиться? Уехать туда жить?

— Я бы не прочь. Все, что мне нужно, — это дом, немного денег и подходящую компанию. Если бы я встретила приятного мужчину с небольшим капиталом, который любит спокойную жизнь, то я бы совсем не прочь. Вы, случайно, не знаете кого-нибудь, кто соответствует такому описанию?

Генри покраснел как рак. Конечно, она шутила. Но, кто знает...

— И что бы вы сделали, если бы нашли такого человека?

— Очень просто. Я провела бы остаток жизни сажая деревья. Вы наверняка знаете, что когда-то весь этот остров был покрыт деревьями. Я бы посадила сотни деревьев. И миллионы цветов. Диких цветов.

Телевизионная программа имела оглушительный успех. У Авроры голова шла кругом оттого, что ее имя было во всех газетах. Дэвид Кроппер стал ее лучшим другом, и они вместе планировали серию радиопрограмм для школ и колледжей.

Генри слонялся по дому как привидение. У него было такое чувство, будто оранжерея Авроры отвергает его, словно не хочет, чтобы он там находился. Он начинал верить, что у нее есть свой характер, и отказывался пить там утренний кофе. Аврора беспрерывно подшучивала над ним. Сама она проводила в оранжерее все свободное время, читая всеми забытые романы в кресле под полотняным зонтиком.

Генри несколько раз приглашал Розу на обед в чайную «У Малдуна», и они говорили обо всем на свете. Он узнал о ней столько мелочей. Например как она в школе выпрыгнула из окна второго этажа, чтобы монахиня-воспитательница не поймала ее за курением. Она сломала ногу и с тех пор больше не курила. Он рассказал ей о книжном магазине, об араукарии, о теплице, но ни разу не обмолвился о своих романах. Он покончил с сочинительством. Ему хотелось настоящей жизни, с настоящими событиями.

Глава 31

Бренда собирается в Голуэй

В тот день, когда Генри и Роза беседовали в чайной, за соседним столиком сидела Бренда Браун. Она внимательно слушала, как Роза описывает Коннемара, хотя и чувствовала неловкость, подслушивая чужой разговор. Но Роза так чудесно рассказывала о родных местах, что устоять было невозможно. Сама Бренда писала очередное письмо Николасу Кейджу, однако, взбудораженная рассказом Розы, никак не могла сконцентрироваться, и ее внимание, как неисправная лампочка, то включалось, то выключалось.

10 октября 1999 г.

Здравствуй, Николас!

Как ты поживаешь?

Пожалуйста, напиши мне и сообщи, получил ли ты мою картину. Мне было бы так приятно, если бы я убедилась, что ты ее получил. С меня довольно будет открытки, любой записки.

Помнишь, я рассказывала тебе про галерею, ту, в Голуэе? Знаешь, они так добры ко мне. Они понимают, к чему я стремлюсь. Думаю, жители южной части острова более развиты в культурном отношении, чем их северные соседи. Единственное, что можно продать в Белфасте, — это открыточные пейзажики, чистый ширпотреб.

А я не собираюсь писать пресные акварельки с видами Портстюарт-Стрэнд. Это как чипсы и гамбургеры, только в сфере искусства, — дешево и сердито. У хозяйки кафе, в котором я сижу, миссис Пенни Стэнли, есть один такой «пейзаж» наверху, и это полное барахло. В прошлом году она мне его показывала. Не могу поверить, что ее муж выложил приличные деньги за такое барахло.

Если дела в Голуэе пойдут хорошо, я, может быть, назад и не вернусь.

Если ты получишь мое письмо, думай обо мне пятнадцатого декабря. В этот день открывается выставка.

Недавно я узнала, что мой отец собирается жениться на другой женщине, и теперь вспоминаю, как некоторое время назад они ссорились с мамой из-за какой-то дублинской «подстилки». Но тогда я думала, что речь о коврике для ванной. Бедная мама! Теперь соседи выгуливают своих собак прямо у нее под окнами, надеются подглядеть, как она плачет. Но она держится молодцом.

Она стала снова подписываться девичьей фамилией.

Я сообщила владельцу галереи «Голубой осел» о своей идее сменить имя, но сказали, не стоит. Бренда Браун — прекрасное имя, и вообще, дело не в имени.

Что им нужно от меня, так это несколько жизнеутверждающих работ для витрины.

Всего хорошего.

С любовью,

Бренда

Р. S. Пожалуйста, пришли мне фотографию с автографом.
Я твоя преданная поклонница.

Глава 32

Сестры Кроули приходят в себя

Прошло несколько дней. Каждый вечер, читая перед сном молитву, Элис не могла удержаться от слез. Беатрис всматривалась в портрет отца, пытаясь найти в его голубых глазах доказательство тому, что дочери разочаровали его. Но видела только любовь. Они перебирали всевозможные версии, плакали, молились, возмущались и приходили в отчаяние. Но в конце концов им ничего не осталось, как согласиться с тем, что их биологическим отцом был германский подданный иудейской веры. Их мать вступила в любовную связь с мужчиной по имени Лео, возможно бежавшим из нацистской Германии, и муж простил ее за это. И если он сумел простить и забыть, то они могли и подавно. Элис слегка приободрилась, когда Беатрис напомнила, что в жилах членов британской королевской семьи тоже течет немецкая кровь.

— Муж королевы Виктории, Альберт, был немец, так ведь? И они нарожали кучу детей. Немецкая нация, должно быть, невероятно плодovита, — рассуждала Беатрис. — В каком-то смысле мы теперь семья интернациональная, что всяко лучше, чем провинциальная, если уж на то пошло. Говорят, от смешения генов человек становится только сильнее.

В результате, после многих дней печали, они почти примирились со своей участью.

Они никому ничего не сказали, ни одной живой душе, даже священнику. Они по-прежнему каждое воскресенье посещали утреннюю службу, но никак не реагировали, когда священник клеймил в своей проповеди грех, и грешников, и разврат в современном обществе. Сестры не хлопали в ладоши и не кивали в знак согласия.

— Пусть тот, кто без греха, первый бросит камень, — шептала Элис.

Они перестали писать письма владельцу газетного киоска. Они подозревали, что назло им он продавал еще больше гадости, чем раньше. Только марки зря переводить. Даже благотворительная работа потеряла свою прелесть — отчасти. Никто в их приходе уже не изумлялся тому, что для любых нужд им удавалось собрать денег больше, чем кому-либо. Некоторые начали даже заявлять, а почему бы им и не собирать больше всех денег? Им ведь целыми днями нечем занять себя. Им не нужно забирать внуков из школы, не нужно устраивать семейные обеды, не нужно обихаживать мужей. Несмотря на все возмущение, сестры вынуждены были согласиться с этим.

— Черт подери! — вздохнула Беатрис одним дождливым воскресным днем. (Она привыкла к ругани, как собака к палке.)

Они сидели за столом после отличного обеда — вкуснейший ростбиф и йоркширский пудинг.

— Давай-ка оставим посуду на потом. Сейчас мне хочется сделать кое-что другое. Кое-что поувлекательнее.

— Интересно, что еще можно делать в Белфасте в воскресенье в такую слякоть? — удивилась Элис.

— Надевай пальто, Элис. Мы направляемся в центр города покупать тур в Израиль. Подумай, для чего мы копим свои пенсии? Мы уже одной ногой в могиле, наследство нам оставлять некому. Мы едем в незабываемое путешествие.

— Но почему в Израиль? Что нам там делать?

— Осматривать достопримечательности! Пробовать новую еду и встречаться с новыми

людьми. Ну и помолиться мы тоже, конечно, не забудем.

Они решили лететь в Израиль на Рождество. Элис вдруг полюбила бублики с мягким сыром. Беатрис поняла, что предпочитает яблочный штрудель. Они стали здороваться на улице с незнакомцами. Все они люди, повторяла Беатрис время от времени, а все люди в какой-то степени связаны друг с другом родственными узами.

Глава 33

Сэди избавляется от Сушеных Сморчков

Мечь Сэди созревала медленно, но план был разработан просто гениальный. Сначала она хотела выставить Арнольда идиотом в глазах любовницы, а затем избавиться от его родителей вместе с их деньгами. После этого она намеревалась разрушить профессиональную репутацию мужа и вышвырнуть его безвозвратно из бунгало в Карридаффе. Часами сидела Сэди в чайной «У Малдуна», доводя до совершенства свой план.

В эти дни она частенько заходила в кафе и сблизилась с Пенни и Дэниелом. Она внимательно наблюдала за ними из-за маленького столика, на одного, где всегда сидела. Она заметила, что хозяин кафе уже не так поглощен стряпней, как раньше. Если не было сэндвича, который заказывала Сэди, Дэниел просто сообщал об этом, а не бросался немедленно готовить его. Случалось, он приносил Сэди не то, что она просила, или ошибался, давая сдачу. Он выглядел усталым, то и дело зевал. Его волосы так отрасли, что он мог убирать челку за ухо. Судя по его виду, ему необходим отдых, думала Сэди. Большую часть времени он один тянул на себе всю работу в чайной.

Пенни, наоборот, искрилась энергией. Она прямо расцвела после того, как решительно изменила прическу. Остались в прошлом дешевые блестящие серьги и заколки для волос и цыганского покроя юбки с блузками, с которыми она не расставалась долгое время. Теперь она носила дорогой однотонный брючный костюм из льняной ткани, пользовалась духами и хорошей косметикой. Она уходила из кафе, когда ей вздумается, и однажды во время обеда Сэди увидела, как она вернулась, нагруженная пакетами из дорогих магазинов.

В другой раз Сэди услышала, как они ссорятся на кухне. Все подробности уловить было трудно, но Сэди показалось, что причина ссоры как-то связана с серебряной цепочкой. С дорогой цепочкой, которую Пенни носила в последнее время. Где она ее взяла? Дэниел хотел бы это знать. И где она пропадала все выходные?

Сэди страшно удивилась, услышав, как Пенни издевается над мужем. Сам не догадывается? Воображения не хватает? А вообще, не все ли ему равно? Разве ему не достаточно для полного счастья кексов, пирожков и старой ржавой кухни? И так далее и тому подобное. Сэди с таким вниманием следила за перипетиями их семейной жизни, что почти забыла о своем клубничном чизкейке.

А потом Сэди увидела, как на Лисберн-роуд Пенни садится в машину к симпатичному мужчине в шикарном костюме, и все встало на свои места. Пенни нашла любовника, а Дэниел так из-за этого переживает, что не может сосредоточиться на выпечке. Бедняга. Сэди казалось, весь Белфаст пустился в разгул, весело проводя время и заводя интрижки, и только она одна придерживается каких-то моральных принципов. Дэниелу пора призвать свою женушку к порядку.

Сама Сэди была полна решимости наказать Арнольда за то, как он с ней поступил. Чтобы к Рождеству следа его в доме не осталось. Она достаточно ждала, когда он опомнится. Никто не упрекнет ее в том, что она не дала ему шанса.

Все это длинное, ужасное лето какая-то маленькая частичка Сэди хотела простить Арнольда, найти оправдание тем гадостям, которые он говорил о ней Патрисии. Возможно, это было всего-навсего пустое бахвальство, стареющего мужчины, стремящегося произвести впечатление на молодую любовницу (гнусную, алчную любовницу!). Бедный Арнольд,

рассуждала она: Патрисия Колдуэлл околдовала его красными кружевными трусиками — только чтобы прибрать к своим костлявым рукам их роскошное бунгало. Еще бы, сто пятьдесят тысяч фунтов стоит, поди! Патрисии никогда не заработать столько денег, продавая в своей лавчонке пепельницы и ароматические смеси из сухих цветов. «Ну-ну, — думала Сэди, — она получит бунгало только через мой труп: скорее я стану серийным убийцей и поджигательницей!»

Потом она снова успокоилась. «Не надо, не надо, — увещевала себя она. — Если я потеряю самообладание, я потеряю все. Эдак я закончу свои дни в тюрьме, а в женском крыле тюрьмы Магаберри, руку даю на отсечение, не потчуют вишневыми чизкейками». И она снова принималась обдумывать план мести. Почти пришло время претворять его в жизнь. Она уже встречалась с адвокатом. Он сказал ей не беспокоиться, Арнольд не может вышвырнуть ее на улицу. Он просто блефует. В суде двадцать лет супружеской жизни перевесят любые якобы имеющиеся у Арнольда бумаги.

Иногда на рассвете Сэди мечтала о том, как Арнольд во всем признается и раскается. Так глубоко раскается, что не сможет выразить свое раскаяние словами. Он будет плакать от стыда. Он будет ползать по ковру на коленях и молить ее о прощении. Он назовет себя слепым, тупым, жестоким дураком, каких свет еще не видал.

Но Арнольд не раскаивался. Он отказывался есть жареное и вместо этого поглощал мюсли. Каждое утро перед выходом из дому он смотрелся в зеркало в холле и любовался на свой исчезающий живот. Все свободное время он проводил в кабинете, тайком разговаривая по телефону с Патрисией. И Сэди оставалось покорно вздыхать и вычеркивать на настенном календаре с изображением нефтяного танкера последние несколько дней, оставшихся до его поездки в Париж.

В тот день, когда Арнольд должен был ехать в аэропорт, Сэди срезала маникюрными ножницами две пуговицы на его лучшем костюме и спустила их в унитаз. Она прожгла утюгом его новую рубашку и закинула под кровать паспорт. Она незаметно положила в его чемодан несколько журналов для любителей клубнички, которые она купила в газетном киоске, засунув их на самое дно под полотенце.

— Вот досада, — сказала она, входя в кухню, где муж прихлебывал свой утренний чай. — На твоём новом пиджаке не хватает двух пуговиц, милый. Я только сейчас заметила.

— Черт возьми, Сэди! Как такое может быть? Ты посмотрела в шкаф?

— Да, родной. Их там нет.

— Проклятие! Мне так идет этот костюм.

— Это бы еще полбеда...

— Господи, ну что такое еще? Я спешу.

— Я оставила утюг на рубашке и отвлеклась...

— Надеюсь, ты не сожгла ее?

— Сожгла, дорогой. Мне так жаль. Пока я искала пуговицы...

— Сэди, ты просто дура! Прикажешь мне лететь в Париж в прожженной рубашке?

— Арнольд, пожалуйста, прости меня! Все потому, что я сама не своя, я буду так по тебе скучать!

Арнольду пришлось надеть другой костюм и другую рубашку — похуже, и это сильно испортило ему настроение. Потом он обнаружил, что его паспорта нет на прикроватном столике, и к тому моменту, когда паспорт нашелся, Арнольд понял, что опаздывает на самолет. В спешке он порезался бритвой и, выбегая из дому к машине, ударился пальцем

ноги о столик в холле. Он несся в аэропорт на сумасшедшей скорости.

Патрисия была жутко расстроена. Вся в слезах, она ждала его в баре. Когда он, запыхавшись, вбежал в здание аэропорта, она с досады ударила его своей сумочкой. Им пришлось ждать следующего рейса три часа, которые прошли в выяснении отношений. Когда они наконец оказались в парижском отеле, время ужина закончилось и бар уже закрылся. Когда Арнольд вытащил из сумки свои вещи, Патрисия страшно возмутилась, увидев порнографические журналы.

— Так вот как ты ко мне относишься! Как к дешевой шлюхе! Как ты посмел взять в нашу романтическую поездку эту грязь? — рывкнула Патрисия.

Арнольд никогда раньше не слышал, чтобы Патрисия кричала. Она прямо взбесилась, и он почувствовал себя не в своей тарелке.

— Это не я. Я не брал. Понятия не имею, как они здесь очутились. Клянусь тебе.

— Кто складывал чемодан? Слониха Сэди?

— Конечно нет. Здесь три пачки презервативов. Как бы я объяснил это Сэди? Ради бога, человеку не нужны противозачаточные средства на конференции по стеклопакетам. Если только дела не идут слишком плохо и не нужно принимать чрезвычайные меры. Ха-ха-ха!

— Заткнись! Почему бы тебе просто не признаться, что ты приволок с собой порнографию?

— В последний раз говорю, я ничего такого не брал! Я не вру, Патрисия.

— Я не верю тебе, Арнольд. Почему я должна тебе верить? Ты же врун.

— Что ты сказала?

— Что слышал. Врун каких поискать. Вон сколько месяцев ты врешь своей жене. Только подумать, больше года. Ты говорил, что она настоящая клуша. Поверит любым врачам. Ты и обо мне так же думаешь? Я тоже настоящая клуша?

— Послушай! Мы собираемся развлекаться или нет? — спросил Арнольд, внезапно почувствовав смертельную усталость.

Он сел на журналы. Если развлечения на сегодня отменяются, он проведет вечер в горячей ванне с хорошей порцией виски.

— Что-о? Ты меня достал. Точно достал. Бери свои грязные журналы с собой в ванную и развлекайся с ними. Ни разу в жизни меня так не оскорбляли.

У нее уже не было настроения продемонстрировать свое сексуальное белье. И вообще, Арнольд стал казаться ей чересчур самонадеянным.

Арнольд ретировался в ванную, где, нахмурившись, уселся на корзину для белья, ожидая, когда наберется вода.

В полночь они выпили по чашке жидкого французского чая и, измученные, улеглись в постель. Патрисия повернулась к Арнольду спиной, и, когда он, в отчаянной попытке осуществить цель поездки, засунул руку ей под рубашку, она изо всех сил ущипнула тыльную сторону его ладони, так что остался маленький фиолетовый синяк.

Несколькими часами ранее тем же вечером в Белфасте Сэди налила Морису и Дейзи по очень большому мартини с тоником и поставила на журнальный столик симпатичные тарелочки с закусками. Она задвинула тяжелые шторы в гостиной. Они уютно устроились перед зажженным камином, вежливо игнорируя кучу неглаженого белья в углу.

— Кот за дверь, мыши в пляс, — усмехнулась Сэди, доставая небольшими щипцами кубики льда из ведерка и бросая их в стаканы.

— Хорошо-то как, — хмыкнула Дейзи и потянулась к тарелочке с арахисом.

— А в чем дело? — поинтересовался Морис. — Что мы празднуем?

— Да ничего, — ответила Сэди. — Я просто подумала, мы заслужили небольшое угощение.

Сэди щелкала кнопками на пульте от телевизора, пока не нашла программу о путешествиях, которую она отметила в газете «Радио таймс». Она лишь хотела убедиться в том, что атмосфера подходящая.

Дейзи взглянула на голубое небо на экране и вздохнула.

— Боже, как красиво! — сказала Сэди. — Иногда я жалею, что не родилась в Греции. Или Испании. Или Италии. Да все равно где, главное, чтоб там светило солнце. По-моему это противоестественно, когда люди вынуждены платить сотни фунтов за какой-то тур, чтобы только увидеть солнце.

— Я понимаю тебя, — ответила Дейзи.

— Некоторые из нас счастливы были бы их заплатить, если бы только могли поехать куда-нибудь, — вступил в разговор Морис.

— Интересно, что вы заговорили об этом, — сказала Сэди. — На днях я смотрела перед сном телевизор, и там шла отличная передача о пенсионерах, супружеской паре из Бирмингема. В общем, у мужа артрит, прямо как у вас, Морис. И у жены тоже какие-то проблемы с суставами. И что вы думаете, они отправились отдыхать на греческий остров! Какая там красота!

— Но они, наверное, моложе нас? — заинтересовалась Дейзи.

— Старше. Этот курорт построен специально для пенсионеров, и они прекрасно там отдохнули.

Сэди положила в рот несколько орешков и снова наполнила бокалы.

— Держу пари, удовольствие не из дешевых, — заметил Морис.

— Конечно нет. Все помещения на одном уровне, и все такое. Никаких лестниц, как вы понимаете. Ночью — тишина. В этой части острова не разрешается устраивать дискотеки. И полное английское меню. Бекон... все как вы любите. Нет, не дешево, как я уже сказала. Но какой смысл держать деньги в банке, если они не доставляют никакого удовольствия? Не в гроб же с ними ложиться! Это мое мнение. И я размышляла о ваших словах, Морис, о том, что вы хотели бы поехать отдохнуть, пока не поздно. Вот и поезжайте! Что вас держит?

Морис и Дейзи смотрели на нее в изумлении. Обычно Сэди не была так дружелюбна. Они ответили, что подумают. Все это действительно выглядело очень странно, потому что как раз сегодня утром они обсуждали, а не съездить ли им ненадолго отдохнуть в Портстюарт. Жизнь в бунгало стала не слишком веселой, с тех пор как Сэди бросила свои домашние обязанности и начала целыми днями бездельничать.

— Вам нужно поехать, — повторила Сэди. — Незачем вам трястись над вашими деньгами, чтобы оставить их нам с Арнольдом или мальчикам. Завещать, то есть, я имею в виду. Мы и сами не пропадем. Арнольд зарабатывает очень хорошо, хотя не любит этим хвастаться. А мальчики отлично устроились в Австралии со своей садоводческой фирмой. Зарабатывают кучу денег, правда. Эти австралийцы палец о палец в саду не ударят, если светит солнце. Все как один мчатся на пляж со своими, как там они называются, досками.

— Стоит ли нам... — засомневалась Дейзи.

— Я считаю, вы заслужили отдых. Сами знаете, в этом Богом проклятом месте никогда не прекращается дождь. Если бы у меня были деньги, я бы бежала отсюда без оглядки.

— Ну, Сэди, не знаю, что и сказать, — начал Морис.

— Понимаете, Морис, — прервала его Сэди, — я никогда не говорила вам с Дейзи, как сильно я уважаю и люблю вас обоих. Не в моих привычках выказывать нежные чувства и вилять хвостом перед кем бы то ни было, но я хочу, чтобы вы знали — я вас очень сильно люблю.

— Надо же. Спасибо, Сэди, — сказала Дейзи. — Я всегда считала, что мы здесь только мешаем тебе.

— Мешаете? Да нет. Нисколько. Я только хочу, чтобы вы немного встряхнулись.

— О чем ты говоришь?

— Ну признайтесь, не очень-то вам весело торчать тут со мной целыми днями.

— В нашем возрасте веселья уже не ищешь, — возразила Дейзи.

— А я так не думаю. На пенсии нужно наслаждаться жизнью. Вы заработали это. Кроме того, я никудышный повар по сравнению с вами, Дейзи. И нельзя сравнивать мою мороженую треску с тем, чем кормят в греческих тавернах, там на острове. — Они все посмотрели на экран телевизора, где симпатичный молодой официант подавал смеющимся туристам разноцветный салат. — А вы оба раньше были такими активными и независимыми. Обидно смотреть.

— К чему ты клонишь, Сэди?

— А к тому, что, если вы уедете в Грецию, я позабочусь об Арнольде. Даю обещание. Он получит все, чего заслуживает.

И на этих словах Сэди вытерла глаза тыльной стороной ладони, демонстрируя старикам искренность своих чувств. Затем она прибавила звук в телевизоре, чтобы передача о путешествиях завершила начатую ею работу.

Когда Арнольд вернулся из Парижа, его родители пребывали в отличном настроении. В холле стояло четыре новеньких чемодана, а на журнальном столике лежали туристические брошюры.

— Что происходит? — спросил он. — У нас гости?

— А, вот и ты. Как поездка? Надеюсь, ты не слишком скучал? Еда была ужасная? — Сэди складывала на кухне чайные полотенца.

— Нет, конечно нет. Да что тут у вас происходит? — Он начал терять терпение.

— Все эти их куриные потроха, улитки и всякая другая дрянь. Фу! — поморщилась Сэди. — Правда, что они делают сосиски из коровьих кишок?

— Я спросил, что здесь происходит?

— Ты имеешь в виду чемоданы?

— Да. Я имею в виду эти треклятые чемоданы.

— Морис и Дейзи собираются в небольшое путешествие, вдвоем, — объяснила Сэди. — В нашей семье ты не единственный путешественник. На следующей неделе они уезжают в Грецию.

— Куда-куда? Кто это затеял? Я категорически запрещаю подобную ерунду. Бог мой, да им за семьдесят!

— Дорогой, по современным меркам, они не так уж стары. Твои родители едут на следующей неделе в Грецию, и они в восторге от предстоящего путешествия.

— Они не справятся одни. Это просто смешно. Стоит мне уехать из дому на три дня, и все летит кувырком. Право, Сэди, ты меня разочаровала.

— погоди, ты еще не знаешь всего. Их забирают в Белфасте, прямо от дома, и доставляют в отель в Греции, и в течение всего пути их будет сопровождать медсестра и

несколько помощников. Они не будут одни. Питание включено, так что им не придется ни о чем заботиться, кроме как о собственном удовольствии. Не волнуйся. — Сэди улыбнулась мужу так, как улыбаются маленькому ребенку, разбившему коленки.

— Медсестра?! А сколько все это стоит? Мне вот что интересно! — опешил Арнольд.

— Какая разница? У них полно денег, — ответила Сэди. (Хотя, как она надеялась, такая ситуация продлится недолго.) — Да, кстати, — добавила она, — не мог бы ты выдать мне в конце месяца дополнительную сумму? Я бы хотела записаться в спортивный клуб, чтобы избавиться от брюшка. Теперь у меня появится время и на себя...

Арнольд несколько дней был не в духе. Морис и Дейзи отправились в свое путешествие в Грецию, и им там так понравилось, что они решили остаться еще на месяц. От них пришла открытка. Они жили в очень комфортабельном шале, завели множество друзей и начали осваиваться на острове. Морис утверждал, что боль в коленях стала намного тише. Дейзи увлеклась местной кухней. Словом, им начало казаться, что они могли бы жить вечно. Арнольд разозлился не на шутку.

А потом Сэди, прибираясь в сарае, положила на лужайку клюшки для гольфа, и среди бела дня их прихватил какой-то проходивший мимо ловкач.

— Я вышла из сарая, а их уже и след простыл, — объясняла она Арнольду, когда он пришел домой с работы.

Снова и снова Сэди повторяла, как страшно она виновата. Она поверить не могла, что можно быть такой клушей. Однако тем же вечером Арнольду послышалось, будто она хихикает за дверью ванной.

Он сообщил Патрисии, что Сэди записалась в спортивный клуб и ходит туда каждый день.

— Но не похудела пока ни на грамм. По-моему, стала еще внушительнее.

Глава 34

Дом на Магнолия-стрит

Роман Ричарда и Пенни развивался к удовольствию обоих партнеров. Ричард понятия не имел, что он был первым и единственным любовником Пенни за все годы ее замужества, хотя и находил ее чрезвычайно неопытной. Она всегда предоставляла ему руководить процессом, когда они любили друг друга на его низкой, «дизайнерской» кровати. Ричард считал, что она обладает врожденным благородством. И еще загадочностью. Одевалась и раздевалась Пенни всегда в ванной при спальне. Она ничуть не напоминала его предыдущих любовниц, которые скидывали и натягивали нижнее белье прямо у него на глазах. Она была благовоспитанна. Ему нравилось это качество в женщинах. Каждый раз, когда они ложились в постель, она казалась польщенной и довольной. Засыпали они обычно, держась за руки.

В другой жизни Ричард мог бы сделать Пенни предложение. Он относился к ней с большой нежностью. Не исключено даже, что он все больше в нее влюблялся. Он говорил ей, какая она милая и обворожительная, но внимательно следил за тем, чтобы не произнести слова *любовь*. Это означало бы связать себя обязательствами, а связывать себя было не в его стиле. Если когда-нибудь он и пойдет к алтарю, то его избранницей будет только очень состоятельная женщина. Не вечно же ему дома продавать!

А пока его и так все устраивало: Пенни была идеальной любовницей. Она смеялась его шуткам и никогда не допытывалась о его личной жизни, или где живут его родители, или когда они снова встретятся. Она сама принимала меры, чтобы не забеременеть, и не читала нотаций об ответственности мужчины. В постели она была ласкова, терпелива, расслаблена — тихонько гладила его по мускулистой спине и нежно-нежно целовала. А еще она не шумела. Не выкрикивала его имя и не царапала ногтями спину, как та девица из Норт-Дауна, с которой он встречался два года назад. Поэтому Ричард уважал Пенни. Эмансипированные женщины иногда действовали на него как холодный душ, особенно если требовали от него чего-нибудь эдакого. У него не было времени на эротические фильмы, стриптиз-клубы, холостяцкие вечеринки, попойки или секс-игрушки. Ричард Аллен был старомодным любовником.

Пенни тоже получала удовольствие от их интимных встреч в его изысканной квартире. Ричард всегда был такой внимательный, такой привлекательный и с ролью своей справлялся отлично. Они ходили в театр, катались вдоль берега и обедали в деревенских пабах. Иногда платил Ричард, иногда Пенни. Их отношения стоили тех усилий, которые она тратила на макияж и одежду. Она с радостью проводила с ним время, но это было совсем не похоже на страстные свидания, какие обычно показывают в кино.

Бренда Браун часто повторяла, что отдала бы все на свете за один нежный поцелуй Николаса Кейджа и потом умерла бы с улыбкой на устах. Ничего подобного Пенни к Ричарду не испытывала. Возможно, та любовь, о которой она мечтала, только в кино и бывает.

Иногда Пенни оставалась в квартире Ричарда до утра, а иногда в полночь возвращалась на такси домой. Она врала Дэниелу. Она не знала другого способа смягчить боль, которую причиняла ему. Конечно, он что-то подозревал, но доказать ничего не мог.

Водители такси знали Пенни и предполагали, что у нее роман. Но она была славная, да и клиент порядочный — всегда щедро давала на чай. Они не задавали вопросов, когда везли

ее в дорогой район у реки или отвозили обратно.

— А твой муж не интересуется, где ты? — спросил Ричард на третий месяц их знакомства.

— Если и интересуется, то виду не подает.

— Правда? Ни о чем не спрашивает?

— Нет. Мы сейчас почти не разговариваем друг с другом. Честно говоря, это уже скорее отношения деловых партнеров. Когда мне нужно, я снимаю деньги с нашего общего счета и просто сообщаю, что ухожу на время.

— И он позволяет тебе тратить ваши деньги?

— Он недоволен, но терпит.

— Ты собираешься уйти от него? — занервничал Ричард.

— Возможно. А возможно, нет. Наверное, нет. Но ты не волнуйся, дорогой. Я не собираюсь заявляться к тебе домой со всем своим скарбом.

— Я это не к тому.

— К тому, к тому. И я ничуть не виню тебя. Ты здесь отлично устроился и меньше всего на свете мечтаешь о том, чтобы какая-нибудь истеричная домохозяйка свалилась тебе на голову вместе со всеми своими проблемами.

Она нежно дотронулась до его руки. Они сидели за маленьким кофейным столиком в столовой и ели пирог с лососем, купленный в супермаркете.

— Я не готов к серьезным взрослым отношениям, вот и все.

— Я здесь потому, что мне нравится проводить с тобой время, разговаривать, ходить в ресторанчики. Я не пытаюсь поселиться в твоей квартире или загнать тебя в такое неудобное положение, чтобы ты боялся порвать со мной. — Она налила им еще по бокалу вина. — Наши отношения, без сомнения, кончатся, когда придет время.

— Ты необыкновенная женщина, Пенни, — сказал Ричард, не встречавший еще представительниц прекрасного пола, которые держались бы так спокойно и невозмутимо.

— А вот это верно, — ответила Пенни с улыбкой.

— Чем занимается твой муж, когда ты уходишь?

— Работает в кафе. Пробует новые рецепты.

Пенни не хотелось думать о Дэниеле. Ей хотелось наслаждаться их с Ричардом приятными вечерами. Тем более что им ведь придет конец, и скоро, — она так решила. С Ричардом здорово проводить время, но не было у нее к нему тех чувств, которые хотелось пережить, таких, о которых рассказывала Бренда. Однажды ей показалось, что она испытала это — в тот вечер, когда встретила Дэниела, и вот что из этого вышло!

— Как, ты сказала, называется твое кафе? — задумчиво спросил Ричард.

— Чайная «У Малдуна».

— На Малберри-стрит? — Он прекратил есть и озадаченно почесал затылок.

— Да. Правильно.

— Сколько времени вы там живете?

— Семнадцать лет. Но, Ричард, я не хочу говорить о...

— Подожди. Это очень странно. Мне кажется, я продал ему дом.

— Ты ошибаешься, — ответила Пенни беспечно. — Мы живем над кафе. И всегда жили.

— Да нет. Я уверен. Много лет назад. Четырнадцать, пятнадцать? Я продал ему дом на Магнолия-стрит. Подожди-ка... Точно ли на Магнолия-стрит?

— Значит, это был не он, — сказала Пенни и наколола на вилку еще один аппетитный

кусочек пирога с лососем.

— Нет, он, — настаивал Ричард.

— Да перестань, Ричард! И вообще, как можно помнить о такой давнишней сделке!

— Я помню, Пенни, потому что он заплатил наличными. К тому же прилично сверх цены. Строго говоря, я не должен был заключать сделку, не проверив, откуда у него деньги. Но тогда я был слегка на мели. А он до смерти хотел купить этот дом.

Внезапно Пенни положила вилку, странное чувство охватило ее. Она встала и подошла к большому окну, откуда можно было посмотреть вниз и увидеть сияющие на реке огни.

— Магнолия-стрит не так далеко от того места, где мы живем. Ты, случайно, не знаешь номера этого дома, а? — тихо спросила она.

— Я могу справиться в своих записях. Я храню все записные книжки. Они как раз здесь, в квартире. Насколько я помню, дом этот — настоящая рухлядь. Не ремонтировался целую вечность. Он мог за те же деньги купить новый дом в пригороде. Я пытался втолковать ему...

Он пошел к письменному столу искать нужную запись. Пенни села в кожаное кресло и залпом выпила бокал вина. Если выяснится, что Дэниел приобрел дом на Магнолия-стрит, тогда как отказывался даже обсуждать покупку новой кухни для кафе, она точно расстанется с ним. Вышвырнет его из чайной и в тот же день позвонит строителям. Ух как она разозлилась. Все так и кипело у нее внутри.

— Вот, пожалуйста, — объявил Ричард торжествующим голосом. — Я всегда помню удачные сделки.

Глава 35

Рождество отменяется

Каждое утро в одно и то же время Сэди выходила из дому. Она клала в сумку спортивный костюм и кроссовки, но так ни разу и не зашла в тренажерный зал. Она считала, что там грязно и неуютно, к тому же страшная духота и все как на подбор агрессивны. Она садилась в автобус и ехала в город, где прогуливалась по магазинам и покупала себе всякие мелочи. Новые шерстяные перчатки, или любовный роман, или нарядные, разрекламированные упаковки чипсов. В обеденное время она шла в чайную «У Малдуна» на Малберри-стрит. Она сидела за своим обычным столиком в совершенном одиночестве и с чистой совестью наслаждалась вкусной едой. В специальное, рождественское меню Дэниел ввел сэндвич на поджаренном хлебе с фаршированной индейкой, который пользовался большой популярностью. Не меньший спрос был и на его «рождественскую тарелку», которая включала в себя сладкий пирожок, кусок глазированного фруктового кекса и большую чашку кофе со свежими сливками.

Сэди прочесала все магазины города, в которых продаются подсвечники, пока не отыскала Патрисию. Коварная соблазнительница Арнольда с недовольным выражением на раскрашенном лице стояла за прилавком и обслуживала покупателей. Наверное, у них не хватает персонала, подумала Сэди. Она наблюдала, как Патрисия обругала испуганную молодую помощницу за то, что та приклеила неправильную цену на партию керамических цыплят. Сэди поглубже вдохнула, надела темные очки, схватила первую попавшуюся стеклянную вазу и встала в очередь к кассе.

— Тридцать девять девяносто девять! — рявкнула Патрисия. Никакого намека на «пожалуйста».

— Милая вазочка, — сказала Сэди.

— Да, да.

— Как раз то, что я искала.

Патрисия сунула вазу в пакет и протянула руку за деньгами.

— Простите, ради бога, но не могли бы вы завернуть ее в оберточную бумагу? Как бы мне не разбить ее в автобусе, — извиняющимся тоном попросила Сэди.

— Давайте, — ответила Патрисия и, вздохнув, взяла пакет.

— Огромное спасибо, — поблагодарила Сэди. — Понимаете, у меня на Рождество будет большой праздник. Надо же, на дворе уже ноябрь. Все родственники мужа соберутся у нас. Вот я и хочу, чтобы дом выглядел безупречно. Я заполню вазу ароматизированными сосновыми шишками и поставлю на журнальный столик. Как я люблю Рождество! А вы?

Кажется, вопрос Сэди вывел Патрисию из себя. Ее красные губы сжались в тонкую линию.

В тот день, когда Морис и Дейзи должны были прилететь в Белфаст, Арнольд взял на работе выходной и отмыл машину так, что она засияла. Их самолет прибывал в шесть вечера. Он надеялся, что дни безумств теперь позади.

— Чем скорее эти двое приедут и чем скорее жизнь в нашем доме вернется в свое привычное русло, тем лучше, — говорил Арнольд, полируя капот до зеркального блеска.

— Дорогой, зайди-ка в дом на минуточку, — позвала его Сэди с переднего крыльца. — Твой отец хочет поговорить с тобой по телефону.

У Арнольда побелело лицо, когда он услышал новости. Смертельно побелело. Морис и Дейзи вложили все свои сбережения в аренду небольшой квартирki на острове. Это дельце они обтяпали с местным бизнесменом, но, как уверял сына Морис, все по закону, чин-чином. Они поживут там с Дейзи «какое-то время» (под этим выражением Морис обычно подразумевал «пока не умрем»), а затем бизнесмен получит свою квартиру обратно. Конечно, деньги уже потрачены и назад их не вернешь, но у них не было другого способа получить роскошную квартиру, три стороны которой выходят окнами на море. Честно говоря, им это не по карману. Ну да не беда, у них ведь еще остались деньги от продажи старого дома, так что на жизнь хватит. Слава богу, они их не тронули, когда пять лет назад переехали к Арнольду и Сэди.

Морис сказал, что жить там можно очень дешево. Еда считай дармовая. А еще они обналичили свои страховки. Пошли в торговый центр и на распродаже накупили кучу летней одежды. Еще они завели новых друзей, и не только среди британцев и бывших ирландских эмигрантов, но и среди местных жителей. Все отлично между собой ладят, живут одной дружной семьей. Никакой национальной розни. Словом, в Белфаст они не вернуться. Никогда.

На ковре в холле Арнольду пришлось опуститься на колени, но не для того, чтобы молить Сэди о прощении за интрижку с Патрисией Колдуэлл, а для того, чтобы перевести дух. Его наследство исчезло — как и румянец с лица.

— Аренда! Швырнуть все деньги на пожизненную аренду! Нищими теперь помрут. Ты во всем виновата! — орал он, пока Сэди накрывала к ужину стол. — Это же ты отправила их на этот проклятый остров! Просто в голове не укладывается, как такое может быть.

— А что с их страховками?

— Они их обналичили. Для непредвиденных трат!

— Надо же, какой Морис сообразительный, — удивилась Сэди.

Она действительно так думала. Она знала, что Дейзи и Морис смогут о себе отлично позаботиться, если только дать им хотя бы небольшой шанс.

— Немудрено, ведь Морис был когда-то хорошим бухгалтером, — добавила она.

— Черт побери! На эти деньги я сам собирался жить на пенсии.

Полное осознание случившегося придавило Арнольда, как бетонная плита. Удача отвернулась от него, целое состояние ушло на капризы полоумного папаша. Арнольд мог бы потратить эти деньги с таким вкусом и размахом... Дорогие заграничные отели, персонал которых знает, как нужно обслуживать дорогих гостей. Патрисия на пляже то в одной стране, то в другой, то в таком бикини, то в эдаком. Да и не только Патрисия. Другие, действительно красивые женщины. Ужины в ресторанах, в самых лучших ресторанах, знаменитости, с которыми он на короткой ноге. Он повязывал бы шейный платок... Голос Слонихи Сэди ворвался в его мечтания как Лох-несское чудовище.

— Я думаю, это они отлично придумали, — утешала она мужа. — Здорово, что они все еще полны жизни, разве нет? Я ужасно буду по ним скучать.

— Наглая ложь! Ты терпеть не могла их обоих.

— Неправда. Они милые старички.

— Ну да, гоняли тебя целыми днями. Тебе ж присесть некогда было, — возмутился Арнольд.

— Вовсе нет. Я только рада была им помочь, — возразила она простодушно, а сама торжествовала: признал-таки правду!

— Я не буду как последний дурак терпеть такое! Я добьюсь, чтобы этих самодуров признали слабоумными, вернули домой и заморозили все их счета. Проклятие! Как позвонить их врачу?

— Арнольд, милый, они разумные взрослые люди и могут делать все, что им вздумается. А в Грецию они потому и поехали, что их счета уже *были* заморожены. — Она начала хихикать. — И пожалуйста, прекрати ругаться и успокойся.

— Я не успокоюсь!

— Хочешь, чтобы подскочило давление? Ты уже не молоденький. Заработал себе сердечный приступ. В последнее время ты выглядишь ужасно. Ходишь бледный как смерть. Надеюсь, ты не сердись, что я говорю тебе такие вещи?

Она подошла к мужу и погладила его по голове.

— Но деньги! Они потратили уйму денег! Выбросили на какую-то аренду. Я даже думать об этом спокойно не могу. А может, в контракте есть пункт о расторжении договора. Я полечу туда, сегодня же.

— Мой дорогой, по-моему, тебе не следует этого делать. Кроме всего прочего, ты же не хочешь, чтобы люди подумали, будто тебе нужны от родителей только их денежки и ты дожидаться не можешь, когда они сыграют в ящик. Ты же у меня не такой?

Арнольд счел за лучшее промолчать.

Патрисия уже не проявляла столько пылкости, как в начале их отношений. Она сказала, что простила его за то, что он натворил в Париже, но ее чувства к нему были уже не те. Журналы, которые Арнольд привез тогда, заставили ее взглянуть на себя иначе. Раньше она считала себя роскошной, страстной любовницей, а теперь выглядела в собственных глазах как разукрашенная дешевка. Она перестала носить кружевные трусики-стринги и пояса для чулок и выбросила в мусорное ведро капроновую повязку на глаза.

А тут еще такая неприятность — все наследство Арнольда испарилось на греческом острове, превратившись в какую-то аренду. Он все говорил и говорил об одном и том же. Денежные накопления, страховой полис, деньги от продажи дома — все исчезло. Потеряно безвозвратно. Наверное, у греков очень хорошие юристы. Видно, не все они там официанты да пастухи. Как скучно было его слушать! И Патрисии вовсе не хотелось этого слышать. У нее были свои планы на «Фонд Сушеных Сморчков», как она выражалась.

Она начала выдумывать предлоги, чтобы не встречаться с ним: то головная боль, то семейные проблемы, то конференция по менеджменту...

Какой-то голос в подсознании нашептывал Арнольду, что Патрисия охладела к нему, увидев, как его денежки уплывают на помощь греческой экономике, но он отказывался в это верить.

Сэди забросила домашнее хозяйство. И это тоже беспокоило Арнольда. Газоны не подстрижены, садовые дорожки заросли сорняками, кусты потеряли форму. Подоконник в ванной и его коллекция средств после бритья покрылись слоем пыли. Сэди постоянно забывала отправить его почту и забрать его одежду из химчистки. Огромная бесформенная куча неглаженого белья высилась на диване. Почти каждое утро ему приходилось самому гладить рубашку, потому что Сэди собиралась в спортивный клуб. У него не слишком хорошо получалось, и Патрисия часто повторяла, что он выглядит так, будто спит в одежде. Никто не скатывал его носки в аккуратные шарики и не убирал в отдельный ящик. Никто не чистил его ботинки. Арнольд мало-помалу стал ценить все те мелочи, которые Сэди годами

делала для него. Особенно скатанные в шарики носки. Столько времени уходит утром на поиски двух одинаковых носков! Но как он ни пил ее, она не собиралась больше заниматься скатыванием носков. Он стал выглядеть довольно неопрятно.

— А знаешь, — сказала Патрисия однажды вечером, когда они ужинали в пабе возле собора Святой Анны, — ты определенно становишься неряхой.

Ему показалось, что, возвращаясь из туалета, он заметил, как она улыбается другому мужчине.

Наступил декабрь. Рождественские гирлянды на улицах висели уже несколько недель. Витрины магазинов по всему городу заполнили подарками, сладостями и игрушечными Санта-Клаусами с длинной белой бородой и круглыми проволочными очками. В супермаркетах играли классические мелодии и рождественские гимны. Перед городским советом установили огромную рождественскую елку и украсили мишурой и красно-желтыми фонариками. Члены городского совета сумели забыть на время о своих многочисленных разногласиях и устроить великолепный банкет. А разные общины города, обычно живущие своими интересами, наконец объединились в своем чувстве зависти к ним. Миллениум не миллениум, но этим парням из муниципалитета слишком многое сходит с рук.

После того как на обложке журнала «Ирландский дом и интерьеры» появилась оранжерея Авроры Блэкстафф с роскошной трехметровой елкой, увешанной леденцовыми гирляндами и бусами свежей клюквы, на Арнольда обрушился шквал телефонных звонков от домохозяек. Всем срочно подай новую оранжерею! Вот так всегда в пригородах. Женщины ставят традиционно убранную елку для удовольствия всей семьи в гостиной и еще одну, в причудливых украшениях, — в оранжерее. Для себя.

Арнольд решил, что следующий выпуск рекламного буклета фирмы нужно посвятить рождественской елке. Он послал в главный офис факс со своей идеей. Руководство фирмы пришло в полный восторг, отправило ему с обратной почтой ящик шампанского и немедленно приступило к работе над новой брошюрой. Поток новых заказов ободрил Арнольда и придал решимости разобраться со своей личной жизнью.

Он хотел, чтобы Сэди снова стала идеальной домохозяйкой, как раньше, а Патрисия опять исполняла роль добровольной сексуальной рабыни, находящейся в постоянной готовности утолять его мужские потребности. Арнольда очень расстраивал отказ сразу обеих женщин вести себя как следует. Он отправился по магазинам за подарками, намереваясь своей щедростью задобрить их. Сэди он купил электропечь для выпечки хлеба, прозрачный пылесос последней марки, электрический секатор для изгороди и еще электронные весы в ванную. Патрисии он купил флакон дорогих духов, до невозможности соблазнительные черные подвязки и бюстгальтер, набор массажных масел и черное кожаное платье. Он принес подарки в офис, упаковал и аккуратно сложил у двери дожидаться сочельника.

Канун Рождества он решил провести с Патрисией и на четыре часа дня заказал романтический обед на двоих в небольшом ресторанчике на Ботаник-авеню. Если все пойдет как надо, к половине восьмого он будет дома с Сэди, чтобы на следующий день встретить Рождество на большом семейном сборе.

Он подумал, что рождественские хлопоты — хорошая возможность заставить Сэди вернуться к домашним обязанностям. Они всегда приглашали родственников Арнольда на рождественский обед, и обычно все последние недели перед праздником Сэди надраивала дом сверху донизу, пекла кексы, пирожки и печенье и замораживала их впрок. Она всегда

украшала дом свежей зеленью из сада и самодельными рождественскими звездами и ангелами, вылепленными из теста. Нужно будет поговорить с ней вечером, решил Арнольд, и прилепил на печь для хлеба большой розовый бант. Он подумал, что цвет Сэди — ярко-розовый. Как у слона из мультфильмов. Цвет герани и сахарной ваты. Цвет Патрисии — черный, цвет плаща злой колдуньи.

Вернувшись домой, Арнольд обнаружил Сэди перед телевизором. Она даже не взглянула на мужа, когда он спросил, как идет подготовка к празднику.

— Я больше не могу заниматься всей этой ерундой, — сказала она.

Она полулежала на диване, положив подушку под ноги.

— Что-о? — не поверил своим ушам Арнольд. — Рождественская индейка, гусь, фруктовый торт...

— Ведь никто этого по-настоящему не ценит, разве не так? Ты, как проклятая, целый день печешь торт, потом еще целый день его украшаешь. Нет уж! Куплю в супермаркете каких-нибудь сосисок в тесте, разных готовых закусок и разогрею все в духовке. Готовые салаты с макаронами, картофельные крокеты из морозилки.

— Надеюсь, ты шутишь.

— Фуршет вполне сойдет. Главное, чтоб выпивки хватило, и все будут счастливы. Знаешь, твои родственнички — просто шайка алкашей. А теперь тихо, я смотрю детектив. Мой любимый.

— Сэди, я настаиваю...

— Смотри, пришел убийца, а она и не догадывается. Ну какая же ты дуреха! У него нож в кармане, осторожно!

— Сэди, выключи эту ерунду. Ты хочешь сказать, что не будешь готовить традиционный обед с индейкой? Ты сошла с ума?

— Арнольд, ты отстал от жизни. На нашей улице уже никто не готовит индейку. Миссис Келли из соседнего дома заказывает в кулинарии лосося под соусом. А ее подруга Джессика везет всю семью на обед в гольф-клуб.

— Какое мне до них дело. Я хочу индейку.

— Если честно, тебе нужно слегка расслабиться. Ты раньше времени превращаешься в старика. Знаешь, в чем твоя беда? У тебя нет воображения.

— Хочу обед с индейкой!

— А я хочу влезать в сорок шестой размер. Но этому не бывать.

— Какое неслыханное безобразие...

— Ну-ка, потише, я ничего не слышу. Джон Нетлз просто неотразим, правда? Вот бы мне получить его в подарок на Рождество. Быстренько сняла бы с него обертку.

— Прекрати болтать непристойности. Ты бы не знала, что с ним делать.

— Не сомневайся, знала бы. Во всяком случае, я бы попыталась.

— Сэди, а как же украшения? — спросил он без надежды на успех. — Где твои ангелочки из теста?

— Поставлю большую стеклянную вазу с ароматизированными сосновыми шишками и свечами. Минимализм: просто и элегантно. Сейчас так модно. Не собираюсь я больше выворачиваться наизнанку.

Арнольд пошел в сарай и сел в шезлонг возле искусственной елки. У Сэди не было времени ни на него, ни на елку. Она выбросила их как вышедших из моды. Она купила большой горшок с несколькими прутиками ивы и собиралась повесить на них пять звезд из

стекляруса. Вот такая у них будет теперь рождественская елка. Какие-то прутья и звезды! И ваза со свечками! И это все, чем они украсят дом на праздник.

Все шло наперекосяк. Как раз этим утром Патрисия заявила, что, по ее мнению, им нужно на время расстаться. Молодость уходит, сказала она. И она устала быть любовницей. Для разнообразия ей хотелось бы побыть женой. Ей нужен большой дом, который бы она украшала к Рождеству и куда бы приглашала друзей и родственников. Она устала жить в своей однокомнатной дыре, ожидая телефонного звонка. Ее миленькая квартирка вдруг превратилась в дыру.

Морис и Дейзи справляли Рождество в Греции. Арнольд позвал их на праздники в Белфаст, но они ответили, что не вынесут столпотворения в аэропорту. Сначала они пойдут с друзьями на обед в ресторанчик поблизости, а потом организуют небольшую вечеринку у себя дома. Морис подготовил записи мелодий пятидесятих годов. Дейзи для такого случая купила новое платье. Она предвкушала, как чудесно будет встретить Рождество с людьми их возраста, с такими же, как у них, интересами. Арнольд чувствовал себя опустошенным.

Сыновья прислали большую поздравительную открытку и сообщили, что остаются в Австралии и идут со своими подружками на вечеринку у бассейна. Арнольд внимательно рассмотрел присланную с открыткой фотографию, на которой его сыновья загорали на пляже вместе с полуголыми девицами. Уговаривать их приехать домой было бы напрасной тратой его иссякающей энергии.

Ну ничего, утешал он себя, будет и у него праздник — вечеринка на работе. Где его объявят лучшим продавцом года.

Сэди потирала руки в восторге от результатов своей разрушительной кампании, но работа еще не была закончена. Самоуверенность Арнольда таяла на глазах. Он постепенно сдувался, как старый воздушный шар. Следующая часть ее плана касалась репутации Арнольда Смита. Из уголка зеркала в холле торчало новенькое белоснежное приглашение на вечеринку в его офисе.

УЭЛЛИ
ЭЛИТНЫЕ ОКНА И ОРАНЖЕРЕИ

УВАЖАЕМЫЙ г-н Арнольд Смит!
ПРИГЛАШАЕМ ВАС
НА ПРАЗДНОВАНИЕ РОЖДЕСТВА,
КОТОРОЕ СОСТОИТСЯ
21 декабря 1999 года
В 20.00 В ОТЕЛЕ «ЕВРОПА».

Официальная форма одежды.
Приглашение на два лица

Сэди собиралась нарядиться в ярко-розовый брючный костюм и босоножки с «бриллиантами», на ремешках. Она выкрасила несколько прядей волос в красный цвет и купила новую сумочку, расшитую розами. Она задумала выждать, когда Арнольд подойдет к

микрофону, чтобы получить награду за свои трудовые успехи. Вот тут-то она и выступит!

Глава 36

«Счастливого Рождества, Николас Кейдж!»

Бренда наслаждалась одной из «Рождественских тарелок» Дэниела и писала письмо, не замечая капельки сливок на верхней губе.

14 декабря 1999 г.

Дорогой Николас!

Как у тебя дела? Ты уже украсил к Рождеству свой особняк? Повесил вокруг бассейна электрическую гирлянду с белыми огоньками? Наверняка повесил.

Мама купила мне красивую раму для выставки. Я пока не решила, для какой картины она подойдет.

Сегодня у меня счастливый день. Утро началось со звонка из галереи в Голуэе. Если точнее — «Голубой осел». Говорят, у них все готово к моей завтрашней презентации. Они заново покрасили стены и напечатали грудку рекламных открыток. Все приглашенные обещают прийти.

Может быть, художники из Белфаста, в конце концов, входят в моду. Если ты получил картину, которую я тебе посылала, не выбрасывай ее. Не исключено, что в один прекрасный день она будет стоить кучу денег.

Я подготовила к выставке шестьдесят девять работ. У всех моих подрамников широкие боковины, их я тоже записала, поэтому картины необязательно вставлять в рамы. Это очень современно, как ты понимаешь. И экономно.

Местные музыканты будут исполнять на открытии медленные ирландские баллады, а гостям предложат изысканные закуски. Ради такого события я купила новое платье и туфли на шпильках. Все, что мне сейчас осталось сделать, это упаковать работы в ящики. И в путь.

Пожелай мне удачи. С Рождеством!

С любовью,

Бренда

P. S. Пожалуйста, пришли мне свою фотографию с автографом.

Я твоя преданная поклонница.

Бренда тут же отправила письмо. Она не сомневалась, что Николас вскоре ответит ей. Даже звезда такого уровня, как Николас, может найти время для одной открытки, так ведь? Только не напрасно ли она написала в конце «С любовью, Бренда»? Да, ладно! На дворе Рождество. Остаток утра она провела, укладывая в деревянные ящики свои драгоценные полотна и набивая промежутки между ними полистироловыми шариками.

Красивое платье с серебристо-голубой бисерной отделкой, купленное в интернет-магазине «Монсун», она повесила на обтянутую поролоном вешалку, сделанную из рейки для картин. Бренда отдала за это платье целое состояние, хотя продавалось оно со скидкой.

Она проверила, не остались ли на новых туфлях наклейки с надписью «уценка», и поставила их на пол, рядом с платьем. Ей не хотелось появиться на выставке с огромной желтой наклейкой на каждой подошве, сообщающей о том, что туфли стоили ВСЕГО 4,99. Такое с ней уже случалось. Дважды. Волосы она покрасила в цвет воронова крыла, отдавая дань уважения Сейлору Рипли, герою Николаса Кейджа в фильме «Дикие сердцем». Иссиня-черное сияние сделало ее еще бледнее, чем обычно. Бледнее и интереснее, как она надеялась. Наконец все было готово. Чтобы отпраздновать завершение работ, она налила себе джина с тоником, уселась на продавленный диван и задумалась о том, как бы провести остаток дня.

У нее остался большой кусок холста. Она могла бы написать еще одну картину, может портрет самого Николаса? Странно, но она никогда его раньше не рисовала. Точно! Она натянет холст на заднюю сторону новой золотой рамы и закрепит его. Слава богу, у нее осталось достаточно скрепок в степлере. Почему ей не пришло это в голову сразу, когда мама вытащила из пакета свой сюрприз? Идея была превосходной, просто превосходной. Она нарисует обрамление в виде праздничной гирлянды и назовет картину «Счастливого Рождества, Николас Кейдж!». К тому же в этом году у нее в квартире для вдохновения стояла чудесная елка. (Украшения принесла миссис Браун.)

Бренда хранила целый альбом открыток, рецензий и вырезок из журналов. Она выбрала фотографию, где Николас, одетый в пиджак из змеиной кожи, пристально смотрит в камеру своими большими задумчивыми глазами — кадр из фильма «Дикие сердцем». Углем она сделала набросок на холсте. Закончив рисунок, плеснула себе в бокал еще джина с тоником, снова уселась и задумалась. Она решила выполнить портрет в полном цвете, а не в обычной своей, серо-голубой, гамме. Из кухни она принесла банку с кистями и из большого ящика для инструментов, который стоял на полу в гостиной, достала необходимые тюбики с краской. Все это она аккуратно разложила на журнальном столике и некоторое время рассматривала благородные черты Николаса. Прежде чем взяться за дело, она налила себе еще.

— Мы им всем покажем, Николас, — обратилась она к холсту. — Ты и я, мы вместе. Таланты, объединяйтесь! Мы спасем мир, мы всем им покажем, что превыше всего искусство, и музыка, и кино, и любовь. И все перестанут ссориться друг с другом и спорить по пустякам, и в мире воцарит совершенство.

Она улыбнулась. Ей уже было хорошо после четырех коктейлей. Она взяла большую зеленую бутылку джина с каминной полки, заново наполнила стакан и выбрала абсолютно новую кисть.

— Да будут благословенны добрые старые кредитные карты! — И с этими словами она начала рисовать.

В пять часов портрет был готов и получился очень хорошо. Может, это была лучшая работа в ее жизни. Абсолютное сходство. Она плюхнулась на диван полюбоваться картиной. Ей так хотелось выставить портрет в галерее, но к утру краска еще не высохнет.

Ну ничего, утешила она себя. На завтрашней выставке мир узнает, каким необыкновенным талантом обладает Бренда Браун. И потом все галереи, которые отвергли ее, начнут локти кусать от досады. Они униженно будут просить позволения выставить ее работы, но она с чувством глубокого удовлетворения ответит им, что, к сожалению, переезжает в Ирландскую Республику и больше в Северной Ирландии выставляться не будет.

Почти бессознательно она подтянула за провод телефонный аппарат, стоявший на противоположной стороне ковра, и стала листать «Желтые страницы». Художественные

галереи. Художественные галереи. Она нашла нужную страницу и набрала номер первой же известной ей галереи.

— Алло, — начала она. — Это я на проводе, Бренда Браун из Белфаста. Я просто хочу сообщить, что завтра у меня персональная выставка в Голуэе и я переезжаю туда насовсем. Поэтому я не смогу в будущем представить свои работы в вашей галереи. К несчастью. Мне очень жаль.

— Ну надо же! Спасибо, что предупредили, — произнес не без сарказма чей-то голос. — До свидания!

— Минуточку! Знакомы ли вы с работой Винсента ван Гога «Портрет доктора Рея», дерево/масло, тысяча восемьсот восемьдесят девятый год?

— Да, — вздохнул голос.

— А вы знаете, что Винсент подарил свою картину доктору Рею? А этот замечательный доктор закрыл портретом дыру в курятнике? И что картину спасли много лет спустя, когда гениальность Винсента была уже общепризнанна? И продали за миллионы долларов?

— Мисс Браун, вы пьяны?

— Так вот, по моему скромному мнению, все картины из вашей галереи нужно безотлагательно перевесить в курятник. И через годы они ничего не будут стоить. Они по-прежнему будут висеть на стене сарая, и вы по-прежнему будете захудалой галереей в затрапезном городишке, а я прославлюсь. И выйду замуж за известного киноактера. До свидания! — И она швырнула трубку.

Бренда не была уверена, сколько владелец галереи успел услышать, прежде чем повесил трубку, потому что изрядно напилась, однако почувствовала воодушевление. Она поставила компакт-диск «Плейсибо» и включила звук на полную катушку. Потом подлила еще джина и, обнаружив, что тоник кончился, бросила вместо него несколько кубиков льда. Бренда пробежалась взглядом по списку галерей в справочнике и нашла еще одну, где ей отказали. Она подняла трубку и набрала в легкие побольше воздуха. Почему бы не сжечь парочку мостов, пришло ей в голову. Этот город ей больше не нужен. С Белфастом покончено. Из-за орущей музыки ей приходилось кричать что есть силы, но тем не менее она сумела обзвонить семь галерей. Потом ей это надоело, и дрожащей рукой она положила трубку на место.

В шесть часов Бренда отнесла портрет Николаса Кейджа в свою спальню и спрятала под кроватью, заботливо устроив его возле обувной коробки с письмами.

— Извини за такое неуважение, Николас, — сказала она картине. — Здесь немножко пыльно, и я бы предпочла, чтобы ты лежал в кровати, а не под ней. Ты понимаешь, о чем я. Но сейчас повсюду столько воров! А ты будешь в безопасности, никто тебя не тронет, пока я не вернусь. Если вернусь.

Наконец она улеглась на полу в гостиной около своей нарядной рождественской елки и, напевая под музыку, допила остатки джина, неразбавленного, прямо из бутылки. Она наблюдала, как в восхитительной пьяной дымке вращается комната, а огоньки в гирлянде то вспыхивают, то гаснут, то вспыхивают, то гаснут. Проспав полчаса, она внезапно проснулась от сильнейшего чувства голода. В кухонных шкафах ничего съестного не обнаружилось. Тогда она позвонила маме и напросилась на ужин. Миссис Браун только что приготовила целую кастрюлю ирландского рагу и зеленые и розовые меренги с ванильно-сливочным кремом.

— Дорогая, возьми такси. Приедешь, я заплачу. Может, останешься ночевать?

Какое счастье!

Бренда выпила чашку крепкого черного кофе и причесала свои иссиня-черные волосы.

Она вдруг ощутила удивительную уверенность в том, что *он* появится на выставке.

В девять часов она вызвала такси и, пошатываясь, пошла вниз, намереваясь провести ночь в доме матери.

— Прощай, Белфаст! — объявила она, когда за спиной захлопнулась входная дверь. — С тобой покончено! Здравствуй, Голуэй! Здравствуй, Николас Кейдж!

Возможно, Бренда и покончила с Белфастом, но Белфаст с ней не покончил.

Глава 37

Еще одна миссис Стэнли

Пенни вышла из такси и расплатилась с водителем. Только убедившись, что голубой «мерседес» скрылся за поворотом, она повернулась и посмотрела на дом Дэниела. Дворцом его не назовешь. Тут Ричард прав. Скромный домик викторианской постройки, зажатый между соседними домами, покрытый многолетним слоем угольной пыли. Узкая дорожка вела к садику позади дома. На крохотном газоне трава была аккуратно подстрижена, а посередине росла одинокая сирень.

Она открыла калитку и подошла к окну в эркере. Занавески старые, но чистые. Она попыталась разглядеть хоть что-нибудь, но ничего не было видно. Она нажала на звонок. Никто не ответил. Входная дверь была надежно заперта.

Улица словно вымерла. Ни людей, ни даже бездомных собак. Однако кто-нибудь мог наблюдать за ней из-за кружевных занавесок в доме напротив. Пенни быстро пошла по дорожке на задний двор.

Она посмотрела тут и там, надеясь найти ключ, но все напрасно. Тогда она взяла с клумбы камень и разбила стекло в задней двери. Просунув руку внутрь, Пенни обнаружила, что ключ вставлен в замок. Она медленно повернула его и открыла дверь. С колотящимся сердцем Пенни вошла в дом.

Она ходила из комнаты в комнату и искала ключ к разгадке. Зацепку, которая объяснила бы ей, почему ее муж купил дом в том же городе, где жили они, и почему скрывал это от нее в течение пятнадцати лет. Вся мебель в гостиной была старая, ничего примечательного. В кухне стоял неплохой буфет. На полках Пенни нашла несколько тарелок и чашек и красно-черную банку для чая с оставшимися на дне чайными листочками.

Пенни пошла вверх. В спальне стояла медная кровать, накрытая старым пуховым одеялом. На туалетном столике выстроились флаконы с духами «Яблоневый цвет». Пенни сразу же увидела белый конверт, прислоненный к зеркалу. Она подошла и взяла его. Адресовано некой Терезе Стэнли. Пенни вскрыла конверт.

Моя дорогая Тереза!

Если ты когда-нибудь вернешься, а меня не будет дома, пожалуйста, дожись меня. Я купил этот дом для тебя, поэтому тебе не придется снова уезжать. У меня небольшое кафе на Малберри-стрит, но по вечерам я иногда ненадолго прихожу сюда. Я хочу, чтобы ты знала: я прощаю тебя за то, что когда-то, много лет назад, ты меня бросила, и я по-прежнему люблю тебя всем сердцем, и каждый день я живу надеждой на твое возвращение. Нам еще не поздно попробовать снова узнать друг друга. Обещаю заботиться о тебе, и никогда тебя не оставлю.

С любовью,

Дэниел

Пенни снова и снова перечитывала письмо. Она поверить не могла в то, что у Дэниела до нее уже была жена, но в письме говорилось об этом черным по белому. Он был женат на

женщине по имени Тереза. Может быть, он все еще женат на ней. Неудивительно, что он не хочет детей. Грезит только о своей Терезе! А Пенни он вовсе не любит. Женился на ней из-за кафе, вот и вся любовь. *У меня небольшое кафе на Малберри-стрит.* Ну-ну, подумала Пенни, это мы еще посмотрим! Она положила письмо в карман и бесшумно вышла из дома.

Когда в тот день она вернулась в чайную, Дэниел метался по кухне как сумасшедший.

— Где ты была? — закричал он. — Ты не можешь постоянно вот так исчезать. Я терпел, сколько мог, Пенни, но как прикажешь вести дело при таком отношении?

— Убирайся, — тихо произнесла Пенни.

— Что?

— Я сказала, убирайся из моего кафе.

— Ты в своем уме, Пенни?

Он поставил чайник, который держал в руках. Дэниел Стэнли не знал, что и думать. Он привык считать Пенни составной частью их общего дела, чем-то вроде бойлера или тостера, и до недавнего времени так и было.

— Журналов начиталась! — вскипел он. — Вот отчего у тебя голова набекрень. Не надо было их читать. Журналы подрывают основы брака.

— Ах, ты! — крикнула Пенни. — Да ты-то точно спятил!

— Пенни, что происходит?

— Даю тебе пятнадцать минут, чтобы собрать вещи и убраться из моего семейного бизнеса. Я знаю о доме на Магнолия-стрит. Адрес: *Магнолия-стрит, четырнадцать*, о чем-нибудь говорит тебе? И я знаю о твоей пропавшей жене, Терезе. И я сыта по горло тобой и твоим бессмысленным скупердядством. А теперь убирайся к чертям!

Внезапно Дэниелу показалось, будто он задыхается. Глаза у него расширились от страха.

— Пожалуйста, давай поговорим...

— Время разговоров ушло. С нашим браком покончено. В любом случае он недействителен, глупец. Ты двоеженец. Преступник! У тебя нет никакого права находиться здесь. При разводе останешься ни с чем.

Дэниел выглядел так, как будто получил пощечину. Он все смотрел и смотрел на Пенни, не отрываясь.

— Развод? Пенни, пожалуйста, выслушай меня...

— Нет. Хватит с меня вранья. Лучше уйди сам, пока я не вызвала полицию.

Она вытащила из кармана письмо и положила на стол.

Голубые глаза Дэниела были полны ужаса.

— Я все могу объяснить. Как же ты узнала?

— Не имеет значения, как я узнала. Это ведь правда? Семнадцать лет подряд ты набивал карманы за счет папиного кафе. И все для того, чтобы купить дом своей первой жене. Ты использовал меня в качестве бесплатной прислуги, ты погубил мою молодость. Ненавижу тебя!

— Пенни, пожалуйста, не поступай так со мной!

— Я ненавижу тебя. Ты превратил меня в жалкое подобие женщины. Так мне и надо, сама виновата. Милли Мортимер предупреждала меня — не выскакивай замуж так быстро! Я должна была понять, что с тобой не все в порядке, — за тридцать, а все не женат. Ах нет, женат, еще как женат — на Терезе!

Он закрыл лицо руками. Его голос был еле слышен:

— Тереза — моя мать.

Пенни рассмеялась ему в лицо. Ей хотелось убить его.

— Не ври. Сколько можно? Твою мать звали Кэтлин.

— Нет. Кэтлин — моя тетка. Клянусь тебе.

— Не верю.

— Послушай, там клиенты ждут. Давай я с ними быстренько разберусь, а потом мы закроем чайную, и я все тебе расскажу.

— Нет. Слишком поздно. Мне теперь все равно, что ты скажешь. Я голову себе сломала, все пыталась понять, что же с тобой не так. Почему ты равнодушен ко мне, почему не хочешь детей. А теперь проваливай сию же минуту вместе со всеми своими секретами.

— Пенни, пожалуйста!

— Между нами все кончено, Дэниел. У меня есть любовник. Я хочу развестись. Я иду к адвокату и подаю на развод.

— Любовник? Как ты могла?

— Как? Я нормальный человек, вот как! Ты что, даже не подозревал? А мои ночные отлучки? А все мои обновления? Я проводила время с другим мужчиной. И он не считает меня настолько непривлекательной, чтобы штудировать поваренные книги, когда можно лечь со мной в постель. Убирайся немедленно!

— Ты не можешь все сломать и даже не выслушать меня! И потом, Пенни, у нас же общее дело.

— Разрешаю тебе забрать все деньги, которые ты сумел отсюда выкачать. Считаю, ты получил отступные. На этом вопрос закрыт. А если ты хоть на секунду подумал, что я позволю тебе забрать чайную, то можешь забыть об этом. Я скорее сожгу кафе дотла, чем позволю тебе когда-нибудь еще раз переступить этот порог.

Она отправилась в зал и попросила всех уйти. Сказала, что за еду платить не нужно. Нельзя ли просто поскорее все доесть и уйти? Семейные проблемы. В полном изумлении посетители вышли из кафе, ворча и гадая, в чем дело. Пенни закрыла дверь на замок. Когда она вернулась на кухню, Дэниела там уже не было. Она заперла заднюю дверь и, дрожа как осиновый лист, села на стул. Затем она сделала три звонка. Позвонила Милли и рассказала, что Дэниел двоеженец. Позвонила в местную ремонтно-строительную фирму и попросила прислать человека для оценки работ. И наконец, записалась на прием к адвокату.

Глава 38

Дэниел пытается исправить положение

Всю дорогу к Терезиному старому дому Дэниел шел пешком, и слезы текли по его лицу. До этого момента он всегда жил в двух временных измерениях: было настоящее, с ежедневной работой в чайной, и прошлое, с постоянным ожиданием, что к нему вернется мать. Теперь два его мира столкнулись, и все разом рухнуло. Он вошел в дом, сел на диван и сидел, пока не стемнело. Потом подогрел немного молока, приготовил какао и машинально выпил его.

Пенни хотела от него уйти. Уже ушла. Все кончено. Он думал и думал о том, как она сумела узнать о доме, но не находил ответа и снова заплакал.

У нее любовник. Дэниел разозлился. Почему женщины так носятся со всякой любовной романтикой? И почему тогда она так долго не заводила романов? Она могла бросить его уже сто раз — за семнадцать лет! Давным-давно могла с ним развестись. Но не развелась. Выходит, она любила его.

Но и мама любила его. И ушла. Нет, женщины — непредсказуемые создания. Такие странные, их не поймешь. И все же, если их нет рядом, жизнь кажется пустой и холодной. Он представил себе годы, ожидающие его впереди. Не с кем будет даже поговорить вечерами. Нужно как-то удержать Пенни.

Он вернется в чайную, и расскажет Пенни всю правду, и заставит ее поверить. Он отвезет ее в гостиницу, чтобы они могли спокойно обо всем поговорить. Пенни это понравится. Она любит красивые вещи. Как называется та гостиница, которой восхищалась Пенни? Та, из журнала? «Лоусон Лодж»?

Этот отель, очаровавший Пенни, предстал перед ним как обвинительный приговор. Он был прямой противоположностью скупости Дэниела, прижимистости, которую Пенни, живя с ним, сносила столько лет. Он снова заплакал и вытащил из портмоне шиллинг — отец Малкахи дал его четырехлетнему Дэниелу в утешение, когда исчезла Тереза. Он вертел и вертел монету на своей ладони.

И внезапно все встало на место. Мама ушла не потому, что не любила его. Она ушла, потому что ее сердце было разбито. Потому что ее бросил муж, оставив ей кучу счетов, которые она не могла оплатить. Она ушла, потому что соседи судачили у нее за спиной и обвиняли в том, чего не было на самом деле. Она ушла, потому что так и не приобрела друзей. Женщины на их улице не любили ее, потому что она была красивой, стройной и незамужней. И Дэниел не виноват в том, что она ушла. Скорее всего она снова вышла замуж и скрыла от своего нового мужа, что у нее уже есть сын. Почему никто ему не объяснил всего этого раньше?

А он сам ничем не лучше своего отца. Это открытие оглушило его, как мастерский апперкот. Пенни уходит от него. Он снова останется один, но на этот раз он сам виноват. Больше винить некого. Сколько сейчас времени? Половина одиннадцатого вечера. Он вышел на улицу и шел, пока не увидел телефон-автомат. Он узнал в справочной номер той роскошной гостиницы и позвонил туда.

— Извините, что звоню в такой час, — начал он. — Я только хотел узнать, не поздно ли заказать комнату на Рождество? Я имею в виду, есть ли у вас свободные номера на все праздничные дни? Хочу сделать жене сюрприз, неожиданные каникулы.

Женщина на другом конце провода, кажется, совсем не удивилась позднему звонку. Голос ее звучал деловито.

— Сейчас проверю, — ответила она. — Да, знаете, есть один номер, — добавила она после небольшой паузы. — Один-единственный. Но очень дорогой. Это номер для новобрачных с роскошной ванной и гостиной, в которой есть настоящий камин. Триста фунтов за ночь.

— Я возьму, — еле слышно просипел Дэниел.

— Хорошо, сэр. На какую ночь вы хотите сделать заказ? Мы работаем все рождественские каникулы.

— Могу я заказать этот номер на три недели? С восемнадцатого декабря до седьмого января?

Женщина, принимавшая заказ, выпрямилась в кресле и поставила чашку с кофе на стойку из красного дерева. Нечасто ей удавалось заполучить подобного клиента с такой легкостью.

— Конечно, разумеется. Благодарю вас, сэр. Надеюсь, вы приятно проведете время в нашем отеле и получите удовольствие от специальной праздничной программы. Могу я узнать номер вашей кредитной карты?

— К сожалению, у меня нет кредитной карты. Но утром я сразу отправлю вам чек на всю сумму и подтверждение из банка. Какой у вас адрес?

Она продиктовала адрес.

— Большое спасибо, сэр. Какие-нибудь пожелания?

— Да. Нельзя ли поставить в номер елку? И еще праздничные украшения, конфеты, шампанское?

— Конечно, сэр. Все это входит в стоимость номера для новобрачных.

— И какие-нибудь духи. Подороже, — добавил Дэниел. — На этом все. Ах да, меня зовут Дэниел Стэнли.

— Спасибо, мистер Стэнли. Я позвоню, чтобы подтвердить заказ, когда получу ваш чек.

— Э-э, я сам позвоню. Я сейчас очень занят. Меня трудно застать...

— Отлично. Спасибо. До свидания.

Он аккуратно повесил трубку. Он чувствовал себя прекрасно. Оказывается, тратить деньги не так уж трудно. Совсем не тяжело, нужно только решиться. Он быстро прикинул: у него в банке пара сотен тысяч фунтов, которые он скопил за все годы, но половина из них принадлежит Пенни. Больше половины, если честно. Она много трудилась, чтобы заработать эти деньги. Он оплатит гостиницу, а все остальное отдаст Пенни. Он будет умолять ее вернуться, он пообещает сделать все, что она захочет. Он не может снова остаться один. Деньги не скрасят его одиночества, когда она уйдет. Он любит Пенни. Ему страшно было подумать о том, как же он любил ее все эти годы, сам того не понимая. Он поспешил обратно к маленькому домику.

Сегодня он даст Пенни время остыть, а утром придет к ней. Он скажет ей все как есть. Он ужасно опоздал со своими признаниями, но она, возможно, еще питает к нему какие-то чувства. Может быть, она простит его и даст еще один шанс.

Глава 39

Милли Мортимер в ярости

Милли Мортимер мчалась по Малберри-стрит, как будто за ней гнались черти. Вслед за Милли спешил ее сбитый с толку муж Джек. Он тащил тяжелый ящик с инструментами и периодически просил жену идти помедленнее. Он терпеть не мог, когда Милли вот так вмешивалась в чужие дела, но было совершенно бесполезно учить ее жизни. Если уж она что затевала, то действовала подобно смерчу. Хорошо еще, что он сам пока ни разу не стал жертвой ее норовистого характера. Джек Мортимер не такой дурак, чтобы заводить интрижку за спиной Милли.

Милли забарабанила в дверь и, когда Пенни повернула ключ, ворвалась в чайную как ураган. Дверь чуть не сорвало с петель.

— Где этот мерзавец? — кричала она, стоя посреди зала. — Я убью его. Дэниел Стэнли, спускайся вниз и пеняй на себя. Джек! Порви его в клочья!

— Он ушел, — прервала ее Пенни. — Я выгнала его и сказала не возвращаться. Никогда. Он ушел навсегда.

У Джека от облегчения закружилась голова. Бицепсы у него были, как грейпфруты. Битва получилась бы неравной.

— И правильно сделала, — согласилась Милли. — Джек, иди сюда.

Джек топтался у дверей, не желая вмешиваться в семейные проблемы Пенни. Он не понимал, почему женщины не могут вести себя поспокойнее.

— Иди на кухню и смени замки, — приказала Милли. — И поставь две щеколды на заднюю дверь. И ставни на все окна.

— Это обойдется недешево, — предупредил Джек.

— О, мужчины! Забудь о деньгах. Ты хочешь, чтобы этот прощелыга ворвался ночью и придушил бедную Пенни в ее собственной постели? Он на все способен, лишь бы заполучить кафе. Это я тебе говорю! Иди в строительный магазин, возьми там, что нужно, и скажи мистеру Куку, что Пенни оплатит счет через пару дней.

Джек что-то замерил и вышел из кафе, не сказав Пенни ни слова. Выходя за дверь, он просто кивнул ей в знак сочувствия. Она заметила, что он, кажется, здорово похудел. Должно быть, идея Милли с зеркалом в ванной сработала.

Милли приготовила чай и мерила шагами кухню, яростно затягиваясь сигаретой.

— Я знала. Я все это знала. Я всегда знала, что мистер Дэниел Само Совершенство Стэнли какой-то странный. Двоеженец! Какова наглость! А ты, Пенни, горбатилась все эти годы не разгибая спины, стирая в кровь пальцы, ради того, чтобы он мог купить дом своей первой жене! А ее там даже нет, ты говоришь? Она исчезла? Ну, если это не доказывает, что он ненормальный, тогда я не знаю. Как только я его встречу, уж он у меня схлопочет, и Бог мне судья. Выпущу из него кишки и скормлю собакам.

Пенни была слишком измучена, чтобы остановить этот поток.

— Расскажи все адвокату, Пенни. Ты слышишь меня? Я буду свидетелем и подтверждаю, что с твоей стороны он видел только любовь и преданность. У тебя письмо, которое он написал первой жене? Береги его. И даже думать не смей о том, чтобы оставить ему деньги. Да у тебя со дня замужества не было ни одной приличной тряпки. Наглый скупердяй! Ты получишь свои деньги обратно через суд. А если суд не вернет их тебе, то я это сделаю.

Здесь у нас свои методы. Какой проныра!

Вернулся Джек, нагруженный замками, ставнями и задвижками, и приступил к работе. Он потратил два часа и превратил чайную в неприступную крепость.

Когда уже ночью Милли и Джек ушли из кафе с упаковкой кексов и тридцатью фунтами за беспокойство, Пенни еще долго сидела в зале. Она не чувствовала себя одинокой. Это было ее кафе, и она забрала его назад. Она разведется с Дэниелом как можно скорее. Деньги ее не волнуют. Она возьмет в долг, переделает чайную и начнет все сначала. Мэри Чистюля, их уборщица, поможет ей. Пенни может нанять еще работников. При первой же встрече она обо всем расскажет Ричарду. А сегодня она очень устала.

Наверху в шкафчике стояла бутылка бренди, подарок от Милли на прошлое Рождество. Пенни пошла на второй этаж и открыла ее. Она налила в стакан хорошую порцию и устроилась у окна, рассматривая электрические гирлянды на улице. Ей захотелось есть, но даже мысль о том, чтобы приготовить себе еду, была ей отвратительна. Она позвонила в индийский ресторан, где готовили на вынос, и сделала заказ.

В пятом часу утра, наполненная бренди, карри и невыплаканными слезами, она уснула на диване.

Глава 40

Конец эпохи

Комната была пуста, но свет по-прежнему горел. Возле двери ожидали переезда деревянные ящики. На каминной полке стояли стеклянные банки с льняным маслом и скипидаром. На полу валялись порванные «Желтые страницы», а на журнальном столике осталась пустая бутылка из-под джина.

На рейке для картин висело красивое, расшитое бисером платье, а рядом на полу примостились туфли на высоких каблуках.

Электронные часы на музыкальном центре показывали пять утра.

У окна в гостиной стояла рождественская елка, украшенная старинными шариками с блошиного рынка и симпатичной мигающей электрической гирляндой из комиссионки. На фоне мрачной, тесной комнаты елка казалась согревающим душу красочным пятном, и именно поэтому Бренда забыла ее выключить. Кроме того, она забыла выключить маленький переносной обогреватель. Уходя тем вечером из дому, она думала только о том, что на следующий день на ее выставку в Голуэе, как знать, может быть, заглянет какая-нибудь знаменитая особа...

Но шнур старого удлинителя давно отработал свое. И он страшно перегрелся, потому что работал всю ночь, заставляя мигать лампочки на елке и питая обогреватель.

Тоненькая струйка дыма пробилась из треснувшей розетки на стене, а затем крошечная, красная искорка сверкнула на изношенном шнуре удлинителя.

Огонь занимался медленно. Сначала загорелся потрепанный каминный коврик, а потом вытертый ковер под ним. Маленькие грациозные огоньки пламени продвигались еле-еле, с трудом находя подпитку. Но когда они добрались до брошенных у камина, пропитанных скипидаром тряпок, то сразу воспряли. Время на дисплее музыкального центра исчезло. Щелчок — и потухла гирлянда. Языки пламени принялись за обои, пробираясь вверх по стенам, поджигая и испепеляя на своем пути эскизы Бренды и все ее убогое имущество.

Красивое серебристо-голубое платье под натиском стихии соскользнуло с обитой поролоном вешалки и исчезло, вспыхнув напоследок снопом искр. Дешевый диван и деревянный журнальный столик загорелись в считанные минуты, и густой черный дым заполнил тесную квартиру. Деревянные ящики у двери всего на минуту-другую защитили уложенные в них картины, но затем рассыпались и отдали свое содержимое на растерзание адскому огню. Все до одной картины сгорело. Тысячи и тысячи вдохновенных мазков, штрихов и прикосновений Бренды были уничтожены за несколько секунд. Ее драгоценные альбомы с рисунками, графитовые карандаши, компакт-диски «Плейсибо» и «Радиоход». Все, что делало Бренду тем, кем она была. Последней жертвой бушующего пламени оказался ее мольберт. Треснули стекла в окнах. Когда в гостиной обрушился пол, огонь проделал дыру в стене, и дым стал вползать в квартиру Пенни.

Пенни спала на диване, свернувшись калачиком, прикрытая только своей старой кофтой. Не подозревая о происходящем, она видела во сне большой загородный дом с белыми диванами, толстыми коврами и голубыми льняными шторами.

В этот самый момент Дэниел спешил по улице. Ему показалось, что он забыл выключить печь. Как только ему в голову пришла эта мысль, он потерял всякий сон и отправился на Малберри-стрит предупредить Пенни и, может быть, даже поговорить с ней,

попытаться все объяснить. Увидев огонь, он бросился бежать. Квартира по соседству была вся охвачена пламенем. Он ничем уже не мог им помочь. Он забарабанил в дверь, но ни эта сумасшедшая, художница Бренда Браун, ни другие жильцы не подавали никаких признаков жизни. Он похолодел от страха, когда увидел дым из окна собственной гостиной. Он достал связку ключей и начал судорожно совать в замок то один, то другой, однако почему-то замок не отпирался.

— Будь ты проклята, Милли Мортимер! — крикнул он, почуяв, что и тут не обошлось без Милли.

Он толкнул дверь и даже попытался высадить ее плечом, но двойные засовы надежно защищали ее. Он стучал и звонил, звонил в дверь. Он выбил бы окна, если бы их не закрыли ставнями.

— Пенни, Пенни, проснись! — кричал он.

Но она спала крепким-крепким, пьяным сном и не слышала его. Она не пошевелинулась, даже когда дым подобрался к ней вплотную.

— Пенни, пожар! Давай просыпайся! — орал Дэниел.

Но Пенни спала как убитая.

— Будь проклята моя скупердэйская душонка за то, что я не установил пожарную сигнализацию! О Господи! Помогите мне! Что мне делать?

Языки пламени лизали углы комнаты. Пенни закашлялась, но не проснулась. Дэниел кричал и звал на помощь:

— Помогите! Помогите мне! Кто-нибудь!

Но никто его не слышал, а если бы и услышал, то внутрь попасть все равно не смог бы. Джек крепко знал свое дело. Чайная была неприступна. Только провода электрической гирлянды покачивались на ветру. Дэниел бросился на задний двор. Он мчался со всех ног и через несколько секунд уже перемахнул через забор и попытался открыть заднюю дверь, но она тоже была надежно заперта. Он посмотрел вверх, на окно спальни. Было не видно, есть ли там кто-нибудь и закрыто ли и это окно ставнями. Он бросил камень в темное стекло. Ничего. Он бросил камень покрупнее. В стекле осталось небольшое отверстие, а вокруг расплзлись трещины. Но Пенни в окне не появилась. В отчаянии он полез по водосточной трубе и сильно поранил руку о торчащий гвоздь. Он сорвал с себя куртку, обмотал ею руку и выбил стекло. Слава богу, хоть здесь нет ставней! Собрав все силы, он подтянулся и перетащил себя через подоконник. Он обшарил большую двуспальную кровать, где последние несколько месяцев Пенни спала одна. Ее там не было.

Он бросился в гостевую спальню с окном на улицу, но и там никого. Из-за дыма, плотным слоем скопившегося под потолком, дышать стало почти нечем, поэтому на четвереньках он пополз в гостиную и увидел на диване Пенни.

— Пенни, Пенни, родная! Просыпайся! Ну же, проснись! Пожар!

Он молил Бога, чтобы не было слишком поздно.

В отчаянии мотнув головой, он поднял ее с дивана своими сильными руками и, спотыкаясь, понес вниз по лестнице и дальше, на кухню. Там он отодвинул щеколды на двери и через двор вынес ее в переулок.

— Прости меня, Пенни! — плакал он. — Прости меня. Я сам во всем виноват. Знал же, что нужно сменить проводку на кухне! Вот, дотянул.

Он увидел, что на улице появились соседи. Кто-нибудь уже наверняка вызвал пожарных. Дэниел аккуратно положил Пенни на дорожку на безопасном расстоянии от горящего

здания, и она, почувствовав под собой холодную землю, открыла глаза и снова закашляла.

— Что происходит? — прошептала она.

— Слава богу! Слава богу! — ласково бормотал Дэниел.

— Мне страшно. Что происходит?

— Пожар. Чайная горит. Я с тобой. Это я, Дэниел.

Он сидел рядом на коленях и держал ее за руку.

— Дэниел? Что ты здесь делаешь?

— Я не мог уснуть...

— Боже, Дэниел, нам нужно спасти чайную. — Она попыталась встать.

— Не думай о чайной. Слава богу, сама жива осталась. Пенни, моя ненаглядная, подожди меня здесь. Огонь перекинулся на соседний дом...

— Только не это! Бренда! Дэниел, где Бренда?

— Побудь здесь, Пенни, а я посмотрю, что там...

Он вернулся через несколько секунд.

— Кажется, никто не пострадал, — с облегчением сообщил он. — Квартира Бренды выгорела почти дотла, но кто-то видел, как Бренда поздно вечером села в такси и уехала. Скорее всего назад она не вернулась. Соседи вызвали пожарных и «скорую». Пусть тебя осмотрят, и мы пойдем домой, ко мне на Магнолия-стрит.

— А как на это посмотрит вторая миссис Стэнли? — спросила Пенни и заплакала.

— Пенни, я говорю тебе правду. Тереза — моя мать. Я не рассказывал о ней, потому что мне было стыдно. Она ушла и оставила меня с Кэтлин, когда я был совсем маленький. Я купил ей дом в надежде, что она вернется. Чтобы она знала, где меня искать. Кэтлин — моя тетка, и я ее терпеть не мог.

— А где сейчас Тереза? И почему она бросила тебя?

— Она не могла справиться со всем одна. Она была сломлена. Наверное, она снова вышла замуж и не захотела, чтобы я ей мешал. Пенни, пожалуйста, не нужно вот так на всем сразу ставить крест. Я не соображал, что делаю, я был не в себе. Я женился на тебе из-за кафе, из-за денег — это правда. Прости меня!

— Ты абсолютно ничего не чувствовал ко мне в день нашей свадьбы? В медовый месяц?

— Чувствовал. Вину.

— И все? Только вину?

— Ты нравилась мне. Ты была хорошенькой и молоденькой.

— А я-то! Если бы ты только знал, что я испытывала в тот день, Дэниел! — всхлипнула Пенни.

— Зато теперь я так люблю тебя, Пенни! Давно уже люблю. Я просто сам не понимал, как ты мне нужна. Если ты уйдешь от меня, я умру. Столько лет потеряно! Пожалуйста, разреши мне хоть что-то для тебя сделать. Я отдам тебе все, что у меня есть. Пожалуйста! Я забронировал для нас на все праздники номер в том замечательном отеле у моря. Мы можем начать все сначала.

Пенни слишком устала, чтобы думать. Она прижалась к Дэниелу, и вместе они смотрели, как догорает их драгоценная чайная. Кто-то из соседей дал ей одеяло, и она накинула его на плечи. Когда на Малберри-стрит с воем прибыла пожарная машина, от чайной уже ничего не осталось. Пожарные удостоверились, что в квартире Бренды никого не было. Пенни осторожно положили в машину «скорой помощи» и увезли для осмотра в госпиталь королевы Виктории. Дэниел поехал с ней. Когда полицейский сообщил ей, что

здание придется снести, она ответила, что для нее главное — не разлучаться с мужем. Остальное не важно.

Глава 41

После пожара

15 декабря 1999 г.

Дорогой Николас!

Все кончено. (Прости, писать на листке из блокнота не в моем стиле.)

Моя карьера художника, так и не выбравшись из болота разбитых надежд, приказала долго жить. Извини за патетический тон — весь день пью джин. Если честно, я и вчера весь день пила джин. Поэтому все и случилось! Забыла выключить этот проклятый обогреватель.

Квартира полностью выгорела. Неисправная электропроводка, так мне объяснили. Да еще столько скипидара в комнате. Мои картины были обречены. Их больше нет. Погибли, все до одной. Никто из жильцов не пострадал, но только потому, что в этот момент в доме никого не было. Я чуть их всех не погубила.

Все мои работы, все ценное, что у меня было, превратилось в пепел. Мое прекрасное, украшенное бисером платье из магазина «Монсун». Выходные туфли на шпильках.

Моя серебряная рамка для твоей фотографии. Которую ты так и не прислал. Все погибло. Конечно же, я не была застрахована. И теперь мне негде жить.

В галерее мне сказали, что я их очень, очень огорчила. Они же пригласили на открытие столько важных гостей. И даже наняли небольшую музыкальную группу, которая должна была исполнять баллады. И все закуски готовы — кому же их теперь есть?

Предложили связаться с ними, если я подготовлю еще одну выставку.

Но я потеряла вкус ко всему этому. Не хочу больше заниматься живописью. Моя душа молчит, мое сердце иссушено, а картины мои унеслись во вселенную — искорки памяти, убегаящие за пределы космоса.

Я живу сейчас у мамы. Ниже указан номер ее телефона.

С любовью,

Бренда

Бренда пошла на почту отправить письмо, хотя она была так слаба от джина и краха своих надежд, что едва могла держаться вертикально.

Мама вела себя, конечно, изумительно, и отец внезапно явился с большим букетом алых роз для мамы и белых ромашек для своей несчастной дочери. Две сестры Бренды пришли в гости и принесли кое-какую одежду.

— Огонь не пощадил ничего, — снова и снова повторяла им Бренда. — Утром я приехала с фургоном, который наняла для картин, а вместо дома лишь черное пепелище.

В это невозможно было поверить. Никто не мог в это поверить.

— Совсем ничего не осталось?

— Один пепел.

— Как же ты теперь, детка? Куда пойдешь?

Отец предложил отвезти ее на праздники в Дублин, но Бренда отказалась.

— У меня сейчас кризис, папа, — прошептала она. — Я должна принять некоторые кардинальные решения. Но в любом случае спасибо. Я тебе очень благодарна за приглашение.

— Какие такие решения? — спрашивали ее потом все по очереди.

Но Бренду разве поймешь! Она постоянно бормотала что-то о дурных предзнаменованиях и собственном невезении и все допытывалась, почему пожар случился именно в ту ночь, а не в какую другую.

— Я собиралась прославиться, понимаете? Как Лайэм Нисон. Представляете, заказали группу исполнять баллады, прекрасные ирландские баллады? И какие-то особые закуски. Думаю, итальянские. Кто знает, может, даже Николас приехал бы. И поэтому я купила модное платье. И туфли на шпильках.

— Какой Николас? — спросила одна из сестер.

Миссис Браун показала ей глазами — ни о чем не спрашивай.

— И я хочу знать, может, в этом и была моя ошибка? Зачем я купила эти дурацкие туфли? Много о себе возомнила?

— Бренда, ты говоришь ерунду, — возмутилась вторая сестра.

— А может, это судьба? Думаю, да, судьба. Выставке просто не суждено было случиться. — Бренда печально покачала головой. — Понимаете, на многих своих картинах на заднем плане я рисовала разбитые окна с треснувшими стеклами. И я никогда не задумывалась, почему там трещины. Я просто так чувствовала. И когда я сегодня увидела квартиру, я поняла — вот же они трещины в стеклах. Это было предчувствие, понимаете?

— Бог мой, мам, тебе не кажется, что ей нужно вызвать врача? — спросили на этот раз обе сестры одновременно.

— Теперь я пойду в свою комнату писать письмо, — сказала Бренда и тихо вышла.

16 декабря 1999 г

Дорогой Николас!

Ты скорее всего уже догадался, что я люблю тебя.

Ничего не могу с этим поделать. Я влюбилась в тебя, когда услышала, как твой герой Сейлор поет своей возлюбленной Луле Фортун знаменитую «Люби меня нежно» Элвиса Пресли.

Я знаю, пресса представляет тебя плейбоем, но это неправда. Настоящей Николас нежный и добрый. И он ищет понимающего человека, которого сможет впустить в свою жизнь. И такой человек — я. Именно поэтому до тебя я ни разу не влюблялась в других мужчин. Именно поэтому и ты никак не мог устроить свою жизнь с другой. Судьба берегла нас друг для друга.

Пожалуйста, напиши мне.

Я уверена: если бы мы познакомились, я бы тебе понравилась.

Даже если мы не полюбим друг друга, с меня довольно просто быть твоим другом.

Я послала тебе картину, а ты даже не поблагодарил. Я отправила тебе столько писем, а ты ни на одно не ответил. Почему? Я всего лишь хотела получить от тебя

маленькую фотографию с автографом. Хотя какая-то символическая связь с тобой — вот все, чего я хотела. Иметь возможность прикоснуться к чему-нибудь, чего касался ты.

Пожалуйста, позвони мне.

Я твоя преданная поклонница.

С любовью,

Бренда

В тот день телефон звонил не раз, и на каждый звонок Бренда мчалась к столику в прихожей и хватала трубку обеими руками. Конечно же, это не мог быть он. Он еще не получил письмо с номером телефона миссис Браун, но Бренда утратила всякое представление о времени.

— Николас? — умоляющим голосом спрашивала она.

Но нет, звонила очередная приятельница миссис Браун по танцевальному клубу, чтобы уточнить детали поездки в Нэшвилл. Не хочет ли Бренда поехать с ними, любезно предлагали они, узнав о несчастье. И место свободное есть.

Но Бренда скорее согласилась бы принять участие в конкурсе «Мисс Вселенная», позируя на глазах у миллионов телезрителей в откровенном бикини и с большим картонным номером на запястье, чем с подружками матери тащиться на автобусе в Нэшвилл. (Семь дней кряду с Долли Партон и Слим Витман!)

Весь день Бренда просидела в гостиной, разглядывая замысловатый узор на ковре. Она не могла ни есть, ни спать. Тысячу раз она пожалела о том, что не может повернуть время вспять и выдернуть из розетки неисправный удлинитель. «Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, — шептала она, зажмурившись. — Господи, помоги мне. Пожалуйста». Но чуда не случилось.

Когда наступил вечер, Бренда решила сходить куда-нибудь выпить, чтобы прийти в себя. Она вылезла из автобуса прямо напротив бара «Корона» на Грейт Виктория-стрит и вошла внутрь. Она была одна, без спутника, но это ее не беспокоило. Она выглядела как женщина, планирующая основательно напиться, а не флиртовать с симпатичными мужчинами. Она надела длинное пальто, некогда принадлежавшее ее дедушке, садовые башмаки мамы и старый, тридцатилетней давности, костюм отца. Чтобы люди принимали ее за светскую цыпочку, а не за бездомную бродягу, Бренда подвела глаза в два раза толще, чем обычно. Она взяла с собой бумагу и конверты, так, на всякий случай. Толкнув тяжелую дверь и подходя к стойке, она поймала на себе несколько взглядов, но никто ничего не сказал и не заговорил с ней.

— Что будете пить, мисс? — спросил бармен, вытирая руки о старомодный, белый фартук.

— Двойной джин с тоником, пожалуйста.

— Хорошо, мисс. Лед и лимон?

Бренда кивнула.

Забрав свой стакан, она отвернулась и, поставив локти на стойку, стала прихлебывать ледяной джин. Какое-то время она изучала пол, а потом принялась рассматривать зал, лица других посетителей. И тут у окна Бренда увидела одну из своих бывших начальниц — Патрисию Колдуэлл, которая ссорилась с каким-то беднягой в мятом костюме. Бренда

глубоко вздохнула: общее чувство досады и негодования, тихо тлевшее в ней последние два дня, вдруг обрело конкретный объект, на котором полностью сфокусировалось. Она заказала еще один джин с тоником. И еще пинту «Гиннесса». Забравшись на табурет у барной стойки, она стала смотреть на Патрисию в зеркало за спиной у бармена.

17 декабря 1999 г.

Дорогой Николас!

Это мое последнее письмо тебе.

Меня арестовали. Сейчас шесть утра. Я пишу тебе из полицейского участка на Лисберн-роуд.

Я вылила целую пинту «Гиннесса» на одну женщину в пабе.

Патрисия Колдуэлл — когда-то я у нее работала. Она определила меня на склад распаковывать товар. Меня! Дипломированного художника! (Диплом, между прочим, с отличием.)

Через две недели она меня уволила за «неправильное отношение к работе», как она изволила выразиться.

(Старая дура!)

Так вот, сидит она на своем месте, вся в «Гиннессе», пыхтит от возмущения, а я ей говорю: «Помнишь меня? Я — Бренда Браун, талантливая художница, дружу со знаменитостями. Так вот, просто чтоб ты знала: это я в прошлом году бросила кирпич в окно твоей задрипанной сувенирной лавки. А может, в позапрошлом году, не помню? Ах ты, сука капиталистическая!»

Она вызвала полицию. Охранник скрутил мне руки за спиной и так и держал, пока не приехали полицейские. Стыд какой! Ко мне в камеру даже позвали врача. Я рассказала ему, что пишу картины и что ты мой близкий друг. (Он прописал мне антидепрессанты.)

Как бы там ни было, я не раскаиваюсь. Я рада, что разбила тогда окно, и я рада, что она узнала, чьих рук это дело. И я не раскаиваюсь ни капли. Я теперь крутая, бой-баба из Белфаста, кто меня тронет, тому не поздоровится. Ура!

Не знаю, дойдет ли дело до суда.

Даешь рок энд ролл!

С любовью,

Бренда

P. S. С моей карьерой художника покончено, поэтому я больше не надеюсь, что мы когда-нибудь встретимся, но я желаю тебе прожить чудесную жизнь и получить все, о чем ты мечтаешь. Мои чувства к тебе останутся неизменными, невзирая на годы и невзгоды.

P. P. S. Теперь уже не стоит посылать мне фотографии с автографом, не утруждай себя — я все равно переезжаю. Но знай, что я остаюсь твоей поклонницей номер один.

Р. Р. Р. S. «Дикие сердцем» — по-прежнему мое любимое кино, несмотря на все его странности. Какие у тебя в этом фильме уши и какой нос! Пожалуйста, никогда не делай пластических операций.

Р. Р. Р. Р. S. Я скоро сменю имя, это уже решено.
С любовью,
твоя навеки Бренда Браун (бывшая)

Бренду выпустили в восемь часов. Она бросила письмо в почтовый ящик и не спеша пошла по Лисберн-роуд, разглядывая витрины модных кофеен. Некоторые выглядели очень мило — изящные, респектабельные заведения, но они не шли в сравнение с чайной «У Малдуна». Не было в них той непринужденной атмосферы. Она снова пошла на Малберри-стрит и остановилась перед пепелищем. На улице стояли контейнеры, ожидая, когда их заполнят мусором, который еще недавно был жизнью Бренды.

Пенни и Дэниел чуть не погибли. Чудом спаслись и другие жильцы. Бренда была счастлива, что никто не пострадал. Пусть сама она всего лишилась, могла случиться беда гораздо страшнее. Потом в своей крохотной машинке подкатили Пенни и Дэниел, и Бренда поспешила прочь, пока ее не заметили. Но Пенни догнала ее и стиснула в объятиях.

— Все хорошо, — радостно выпалила Пенни. — Мы перестроим кафе, и оно станет намного лучше, чем раньше. У нас будет стеклянная крыша и новая кухня.

— О-о, — выдохнула Бренда. Она уж испугалась, что Пенни задушит ее прямо здесь, на тротуаре.

— И мы хотим, чтобы после открытия ты была нашим первым посетителем.

— Пожалуйста, прости меня за пожар, Пенни.

— Не за что прощать. Пожар мог запросто вспыхнуть и в нашей квартире. Между прочим, Дэниел сначала так и подумал. Все давно прогнило. Ничего, страховка частично возместит нам убытки.

— Ну что ж, я рада, что вы так стойко все восприняли.

— Да, кстати, Бренда: наши строители работают ведь и в соседних квартирах и они нашли у тебя кое-какие вещи, уцелевшие при пожаре. Они показали мне, и я решила сохранить их для тебя. Подожди-ка, сейчас принесу. Они у нас в багажнике. — И она побежала через дорогу за вещами Бренды.

— Мне сказали, что ничего не осталось, — удивилась Бренда.

— Кое-что осталось. Эти вещи нашли под кроватью, еще вчера, — сказал Дэниел.

Пенни вернулась, держа в руках слегка обгоревшую по углам обувную коробку, заполненную красными конвертами, и портрет Николаса, чудесным образом совершенно не пострадавший от огня. Разве только по краям образовалось несколько трещинок — там, где от высокой температуры слишком быстро высохла краска. Пенни так радовалась, что именно она вернула Бренде ее драгоценные сокровища.

— Вот, — сказала Пенни. — Какая удача, что я как раз стояла и разговаривала с бригадиром, когда нашли твои вещи. Иначе они могли бы оказаться в мусорном контейнере!

Бренда прислушивалась к себе и ждала, когда внутри у нее начнут kloкотать пузырьки радостного волнения, обычно заполнявшие ее при мысли о Николасе. Но внутри были холод и пустота, как в пещере, в которой она однажды оказалась, когда с классом ездила на

экскурсию в Фермана. Вне стен ее тускло освещенной квартиры вся история с Николасом Кейджем показалась ей немного удручающей. Его милое лицо, толстая пачка писем, которые она сочиняла с такой страстью, больше не трогали ее. И тогда она поняла, что любовный роман, которого никогда и не было, кончился. Ей двадцать пять. Пора взрослеть.

— Знаешь, Пенни, я могу показаться тебе неблагодарной, — начала Бренда, — но мне все это теперь ни к чему. Я решила бросить живопись. Я собираюсь стать обыкновенным человеком и найти обыкновенную работу.

— Как же так, Бренда, картина ведь замечательная! — Пенни подняла портрет, чтобы получше его рассмотреть. — Ты не хочешь попробовать начать все сначала, как мы?

Дэниел положил руку на плечо Пенни и нежно ей улыбнулся. Бренда не могла припомнить случая, чтобы они раньше прилюдно обнимались.

— Ну да, я начну все сначала, только не здесь. Я уезжаю. Подвернулась работа, хочу принять предложение. А вам обоим желаю всего самого лучшего, — добавила она и серьезно пожала им руки.

Дэниел неловко потрепал ее по плечу, а Пенни поцеловала в щеку.

— Спасибо, Бренда, — поблагодарила Пенни. — Без тебя мы, возможно, никогда бы так и не поняли, в чем наше счастье.

Бренда улыбнулась и кивнула.

Медленно, очень медленно она пошла прочь, скрестив руки и поеживаясь, как будто ей было холодно. Она ни разу не обернулась.

— Что мне с этим делать? — крикнула ей вслед Пенни, поднимая портрет и коробку.

— Выброси в ближайший мусорный контейнер.

— Как можно, Бренда!

— Удачи вам.

И Бренда ушла, завернула за угол на Лисберн-роуд. Она шла назад к маме, чтобы отоспаться.

— Я ни за что это не выброшу, — решила Пенни.

— Но куда нам это девать, Пенни?

— Придумаю что-нибудь. Подожди минутку, Дэниел.

— Нам нужно пройтись по магазинам, купить что-нибудь из одежды. Нам же нечего носить во время отпуска.

— Знаю, знаю.

Пенни открыла обувную коробку, вынула пачку писем и опустила их в почтовый ящик.

— Пенни! Нельзя этого делать!

— Почему нет? Марки наклеены, все в порядке, — ответила Пенни, просовывая в щель очередное письмо.

— Она же сама сказала: с этим покончено.

— Мало ли что она сказала, Дэниел. Она просто удручена. Погоди, вот получит мистер Кейдж все письма разом — уж тогда он как пить дать обратит внимание на нашу бедную маленькую Бренду.

— Вот-вот! Еще выдвинет против нее обвинение за то, что она его преследует.

— Ничего подобного. Ему будет приятно иметь такую поклонницу.

— Не будет.

— Вот увидишь! — И она опустила в ящик последнюю партию писем.

— А картину ты тоже собираешься ему послать?

— Нет. Картину я оставлю себе и повешу в кафе. Посмотрим, может, удастся устроить Бренде несколько приличных заказов. Помочь ей снова встать на ноги. Не сомневайся, когда мы откроемся, она наверняка придет нас проведать.

Глава 42

Стихотворение для Бренды

Последнюю ночь в Белфасте Бренда провела в родительском доме на Сентфилд-роуд. Ей хотелось побыть с мамой, прежде чем навсегда уехать из города. Они приготовили чудесный обед: жареный цыпленок со сложным гарниром и ванильное мороженое с вафлями. Выпили по бутылочке белого вина. Отца и сестер тоже пригласили, и вечер прошел как в старые добрые времена.

У Бренды было такое жуткое похмелье после того, как она целую неделю не переставая пила джин, что каждый глоток вина давался ей с трудом, но нужно было пить, чтобы притупить боль. Потеря картин настолько потрясла ее, что она плохо соображала, что к чему, но миссис Браун изо всех сил старалась подбодрить ее. Когда все разошлись по домам, мать и дочь устроились на кухне обсудить все в последний раз.

— Послушай, я сказала, что не буду вмешиваться, но ты точно не хочешь остаться? — осторожно спросила миссис Браун.

Какое-то время, прижав пальцы ног к батарее, Бренда обдумывала эту идею. Она могла бы снять другую квартиру и найти другую работу, начать выплачивать задолженность по кредиту, принимать рекомендованные врачом антидепрессанты и снова вернуться к живописи. Одна картина в неделю в течение года — и она будет готова позвонить в галерею «Голубой осел». Могла бы принести извинения менеджерам Николаса Кейджа за причиненное беспокойство и пообещать, что больше никогда не станет ему докучать. Но в глубине души она знала: у нее не хватит сил.

— Спасибо, мама, спасибо. Но это все в прошлом.

— Глупости. Ты только начинаешь жить.

— Мам, два года работы пошли прахом. Целых два года жизни.

— И что? Ты не можешь сдаваться из-за потери нескольких картин. Тем более сейчас, когда на твои работы обратили внимание.

— Я знаю, мам. В последние дни я много думала об этом. Пора двигаться дальше. Пожар был знаком.

— Опять ты со своими предзнаменованиями! А если Николас Кейдж возьмет и ответит тебе?

— Послушай, мам, ты должна пообещать мне кое-что.

— Все что угодно, милая.

— Обещай, что никто не узнает, куда я уезжаю. Ни мой банк, ни хозяин квартиры, ни галерея «Голубой осел», ни Клэр Фицджеральд, ни даже Пенни Стэнли, ни сам Николас Кейдж. Наверное, я была не в своем уме, когда отправила ему эту картину. Я больше никогда не стану ему писать. Я никакая не поклонница его таланта, мам. Я чокнутая. Вот кто я такая. Охотница за знаменитостями, которые смеются над такими, как я. Мы жалкие создания. Зачем такому, как он, связываться с такой убогой неудачницей, как я? Мне еще чертовски повезло, что все обошлось без последствий.

— Не говори так. Какой вред от нескольких писем поклонницы?

— Ты не понимаешь, мам. Знаменитости не пишут своим фанатам. Да почему он знает, может, я прячусь в его мусорном баке с хлебным ножом за пазухой? Пожар меня просто

убил, но в каком-то смысле это мой шанс начать все заново. Знаешь, я, может быть, даже брошу пить. Боюсь, я слетаю с тормозов, когда пью.

— Ты уверена, что хочешь устроиться на эту работу, детка? Мне кажется, она тебе совершенно не подходит.

— Да, уверена. Я напишу тебе, а с папой и сестрами свяжусь, как только приду в себя. И я выплачу все долги, когда встану на ноги. Но ты единственный человек, который знает, куда я еду, и я хочу, чтобы ты пообещала никому не говорить, где я. Что бы ни случилось. Обещай мне.

— Обещаю. А теперь тебе нужно немножко поспать. Ты падаешь с ног. Пошли, я положила тебе в постель грелочку.

Бренда надела пижаму и улеглась под одеяло в своей старой комнате. Она долго не могла уснуть. Чтобы убить время, она стала писать стихотворение. На сей раз на голубой бумаге. С красной было покончено.

СТИХОТВОРЕНИЕ ДЛЯ БРЕНДЫ

Белфаст, навеки прощай!
Сегодня последний день.
Я отправляюсь в путь
И здесь оставляю лишь тень.

Квартира моя, прощай!
Вы слышали, что стряслось?
Ее сожгла я дотла.
(Пожарных не счесть собралось.)

Мечта, прости и прощай!
Ван Гогом уже мне не быть.
Душа умерла в огне,
И что мне осталось — забыть.

Мой дар, мой талант, прощай!
Себя хотела дарить,
Но сил уже больше нет.
Теперь я хочу просто жить.

Прощайте, счета, долги,
Врач из психушки, прощай,
И музыка, и мечты,
Джин с тоником, травка, гудбай!

Прощайте, флажки, огни,
Яркие пятна цвета,
Костер, зажженный в ночи.

Не гаснувший до рассвета.

Прощайте, вы, ярлыки!
Я не хочу вас носить.
Не замужем, резус плюс —
Вот все, чем пришлось мне здесь быть.

И Биржа труда, прощай!
Что ты могла предложить?
Мрачную работенку.
Такую, что хочется выть.

«Бредбери графикс» прощай!
Холсты, бумага, гуашь
Притягивали так взор —
Последнее пенни отдашь.

Николас, милый, прощай!
Писем любовных река
Остановила свой бег.
Ты снова свободен, пока!

Дом в Голливуде, прощай!
Прощай, бассейн голубой.
Мечтала о славе я
Как дура, но мой путь другой.

Эй, Клэр Фицджеральд, прощай.
Ценитель моих работ!
Патрисии Колдуэлл я
Не доставлю больше хлопот.

Навеки, Пенни, прощай!
Ты мой единственный друг.
Чайная, тоже прощай!
Замкнулся мой первый круг.

Когда чуть позже миссис Браун заглянула в комнату Бренды, то увидела крепко спящую, улыбающуюся во сне дочь. Миссис Браун поцеловала ее в лоб и поплотнее укутала одеялом. Может быть, Бренда и права, подумала она. Кажется, увлечение искусством действительно приносит одни расстройства. Возможно, Бренде пора повзрослеть и найти нормальное занятие.

Бренда проспала восемнадцать часов и проснулась абсолютно готовая к путешествию. Когда подошло время отъезда, мать и дочь обнялись. Бренде хотелось одной пройти пешком

весь путь до автовокзала, в последний раз кинуть взгляд на знакомые места.

— Мам, не беспокойся обо мне, — сказала она, выходя из дому с маленьким чемоданчиком под мышкой. — Со мной все будет в порядке.

Глава 43

Продавец года

В тот день, когда должна была состояться корпоративная вечеринка, Арнольд долго валялся утром в постели, чтобы выглядеть отдохнувшим. Он проверял и перепроверял пуговицы на костюме и целый час начищал ботинки. На работе ходили слухи, что директор собирается вручить ему кроме приза еще какой-то подарок. Он сходил в парикмахерскую, подстригся там и побрился. Полдня он репетировал свою речь. Чтобы не мешать ему, Сэди с утра отправилась в кино на двойной сеанс. В темноте зрительного зала она прихлебывала кока-колу, жевала попкорн и настраивалась на предстоящее мероприятие.

На улице моросило, когда на такси стали подъезжать гости. Множество гирлянд освещало фойе отеля. Официанты разносили бокалы охлажденного белого вина. Гости собирались в мраморном вестибюле и, разбившись на небольшие группы, о чем-то беседовали. Сэди показалось, что жены смертельно скучают, пока их мужья обсуждают светочувствительные стекла и жалюзи с электронным управлением. Она пошла в туалет и подкрасила губы.

Когда все расселись в банкетном зале, мистер Уильям Уэлли, председатель совета директоров фирмы, произнес молитву, и официанты стали подавать еду.

— Не налегай на жареную картошку, — прошипел Арнольд. — Люди смотрят. Жирная розовая слониха! Как ты сподобилась купить костюм такого цвета?

— Заткни свою поганую пасть, — зашипела Сэди в ответ. — Ты бесишься только потому, что тебя динамит твоя грязная маленькая потаскушка.

Лицо Арнольда побагровело от бессильной ярости.

— Что ты сказала? — проскрежетал он.

— Я все знаю, — весело ответила Сэди. — Я не идиотка, дорогой. Не передашь ли мне соус?

У Арнольда внезапно пропал аппетит.

Наконец тарелки убрали, и начались речи. С небольшого подиума мистер Уэлли серьезно разглагольствовал о неуклонном снижении числа ирландских домов, в которых еще не установлены стеклопакеты. Рынок новых окон на глазах усыхает, предупредил он.

— Жаль, что ты никак не усохнешь, — буркнул Арнольд, обращаясь к Сэди.

— Поэтому мы должны изменить нашу маркетинговую политику, — продолжал председатель. — Пора делать ставку не на окна, а на оранжереи, широкий ассортимент которых мы уже готовы предложить. Хорошая оранжерея улучшает внешний вид дома и увеличивает его стоимость. Другими словами, это хорошее вложение средств. Наша фирма занимает в Ирландии лидирующее положение, продавая увеличенные по высоте модели, изготовленные в соответствии с новейшими технологиями, и предоставляя клиентам полный спектр отопительных приборов с низким потреблением энергии.

Раздались жидкие аплодисменты. Кое-кто из женщин украдкой зевал.

— И наконец, пора вручить приз лучшему продавцу года. Мне, наверное, нужно говорить *продавцу или продавщице года*. Ха-ха-ха! Настал момент признания заслуг всех наших трудолюбивых сотрудников — и одного из них в особенности. В этом году приз получает человек, который больше, чем кто-либо другой, сделал для распространения стеклопакетов. Он не только продал больше всех окон и оранжерей, но и подал отличную

идею для нашего рекламного буклета: поместить на обложке фотографию оранжереи с рождественской елкой внутри. И я с радостью сообщаю вам, что новый буклет пользуется большой популярностью у клиентов. Поздравляю вас... мистер Арнольд Смит!

Когда Арнольд пробирался к подиуму, гремели аплодисменты и то и дело раздавались одобрительные возгласы. Мистер Уэлли вручил ему приз и с чувством пожал руку.

— Спасибо, спасибо, — сказал Арнольд. — Этот приз очень много значит для меня. И я бы хотел поблагодарить...

— Пока вы не начали, — прервал мистер Уэлли, — хочу сообщить вам о новой форме поощрения наших работников. Отныне лучший продавец года кроме престижной награды получает в подарок роскошное путешествие на двоих. Арнольд Смит, здесь два билета на трехнедельный круиз — для вас и вашей замечательной супруги. Давайте поднимем бокалы. За Арнольда Смита и «Окна Уэлли»! С Рождеством всех!

Арнольд был так доволен собой, что почти забыл о своем незаконченном выступлении, но вспомнить о нем ему и не пришлось. Сэди встала со своего места и начала пробираться через зал. Она взяла микрофон из рук мистера Уэлли. Гости затаили дыхание. Все выпрямились на стульях и вытянули шеи, чтобы получше разглядеть невысокую пухленькую женщину.

— Я просто хотела бы добавить несколько слов от себя, если вы не возражаете, — произнесла Сэди, когда смолкли аплодисменты. — Меня зовут миссис Сэди Смит. Когда-то я гордилась этим именем и гордилась своим умным мужем. Но теперь, к сожалению, Арнольд называет меня Слонихой Сэди из-за моих внушительных габаритов.

Женщины в зале открыли рот от возмущения. Послышались нервные смешки мужчин. Они сразу поняли, что Сэди пошла ва-банк.

— Вообще-то, Арнольд не сам додумался так меня называть. Это блестящая идея его ехидной любовницы, мисс Патрисии Колдуэлл, управляющей магазином сувениров на Лавендер-стрит.

Арнольд бросился к Сэди и попытался увести ее с подиума, но она крепко стояла на ногах, и сдвинуть ее с места ему не удалось. Восемьдесят четыре килограмма оскорбленной женской плоти ни в какую не поддавались его потугам. Арнольд попробовал отшутиться, но зрители смотрели на них вытаращенными от страха и удовольствия глазами.

— Да-да, — продолжала Сэди. — Мой муж — темная лошадка, вы не знали? Он любит путешествовать. Он только что ездил в Париж, где славно провел с Патрисией весь уик-энд. А мне в подарок привез трогательный кулечек розовых конфеток. Так что ваш круиз ему очень понравится. Не сомневайтесь! И Пэтти-Пэт тоже!

В зале стояла гробовая тишина, и все смотрели на Арнольда, который отступал назад. В этот момент мистер Уэлли решил, что пора заканчивать мероприятие. Но у Сэди имелось кое-что и для него. Прячась за шкафом в офисе Арнольда, она услышала немало интересного.

— Я расскажу вам всем об одном маленьком секрете моего мужа. Он собирается уйти из «Окон Уэлли» и открыть собственное дело. Последние несколько недель он потихоньку переманивает перспективных клиентов и напрямую договаривается с поставщиками. Он у меня такой умный!

— Это правда? — тихо спросил мистер Уэлли.

— Нет, конечно! Она помешалась от ревности, — оправдывался Арнольд, заикаясь.

— То есть вы признаете свою связь с другой женщиной, да?

— А знаете, как он вас называет? — продолжала Сэди. — Понимаете, у них с Патрисией такая игра — придумывать всем забавные прозвища.

— Сэди, умоляю тебя, не надо!

— Знаешь, Арнольд, а я думаю, надо. Особенно после того, как я узнала, что ты собираешься вышвырнуть меня из моего собственного дома и оставить без всяких средств.

Ропот возмущения пронесся по залу.

— Где Чарли Драммонд? Они называют вас Деревяшка Драммонд, наверное, потому что вы не очень бойкий на язык. А где Нора Кеннеди? Или лучше сказать Нора Новосиськенд? Думаю, вы сделали пластическую операцию на груди? А Брет Гарсон? Бедняга Брет, вам нужно проконсультироваться с доктором по поводу метеоризма. Тогда они, возможно, перестанут называть вас Британский Газ. Так, что там еще... А, мистер Уэлли!

— Сэди! Нет!

— Жирная Шишка Уэлли! Это вы! Ха-ха-ха!

Сэди напрягла память, чтобы припомнить другие клички. Но в этом не было необходимости. Деревяшка Драммонд карабкался на сцену и уже закатал рукава на рубашке. Может, он был не мастак говорить, зато всегда недолюбливал Арнольда Смита, и теперь выдался подходящий момент показать мерзавцу где раки зимуют.

Но Арнольд уже дал деру вниз по черной лестнице. Он выскочил через пожарный выход, кинулся к своей любимой машине и рванул с парковки, оставив позади бегущего за ним по пятам Чарли. Он не слышал, как мистер Уэлли уволил его, как до упаду смеялась Сэди и как плакала в туалете Нора Новосиськенд.

Наконец Сэди повернулась к мистеру Уэлли:

— За годы работы мой муж продал великое множество окон. Он трудился не покладая рук. И я очень им гордилась. К сожалению, теперь мы решили идти по жизни каждый своим путем. И поэтому мы хотим пожертвовать это замечательное путешествие в благотворительный фонд. Спасибо и до свидания!

Мистер Уэлли выхватил конверт с билетами из рук Сэди. Председатель был человеком семейным, и тот факт, что никто не сообщил ему о печальном положении дел, очень расстроил его. Сэди помахала гостям и вышла из зала с высоко поднятой головой. Все снова стали аплодировать, больше от смущения, чем по какой-то другой причине.

Сэди собрала чемоданы мужа и оставила их на пороге бунгало. Он пришел за ними на следующий день.

— Знаешь что? — сказала она. — Я только что съела упаковку кукурузных чипсов «Чили» с целой миской перечного соуса, и если бы мне пришлось выбирать между этой вкусняшкой и твоей драгоценной особой, я выбрала бы чипсы, не задумываясь ни на секунду. И кстати, дом остается у меня. С этой минуты ты будешь общаться со мной только через моего адвоката. До свидания.

Глава 44

Операция «Кузнечик»

Если бы Арнольд согласился на условия Сэди, ей не пришлось бы в обжигающе-холодный канун Рождества среди бела дня лезть по пожарной лестнице к окнам Патрисии Колдуэлл. Но она туда забралась и стояла, спрятавшись за веревкой с бельем, которое кто-то вывесил на свежий воздух. Машинально Сэди пощупала одно из полотенец — не высохло ли. На морозе полотенце затвердело.

Она знала, что Патрисия с Арнольдом сидят дома, потому что все утро следила за входной дверью и оттуда никто не выходил. Сэди съела все бутерброды с ветчиной из своей корзинки и два сладких пирожка. Она окоченела от холода, и у нее сводило ногу. Она решила подождать еще полчаса и бросить эту затею. Из своей засады она прекрасно видела окно кухни. Если бы только кто-нибудь раздвинул занавески, она быстро бы получила то, за чем пришла, и отправилась домой. Сэди налила из клетчатого термоса чашечку горячего шоколада и залпом его выпила, согревая о чашку руки в перчатках. Она помахала рукой, чтобы разогнать пар от шоколада. Она очень надеялась, что хозяйка белья до вечера на работе. Если бы Сэди обнаружили на площадке пожарной лестницы на уровне третьего этажа, объяснить ситуацию было бы трудно, мягко говоря.

Вдруг шторы распахнулись и перед окном возникла Патрисия в пошлом халатике с драконами спереди. Сэди пригнулась за одеревеневшими на холоде полотенцами. За спиной своей ненаглядной появился Арнольд и запустил руки под ее шелковое одеяние. Патрисия обернулась, чтобы поцеловать его, и они сцепились в объятии — точь-в-точь кадр из телепередачи о живой природе. Под халатом у Патрисии ничего не было, а на Арнольде Сэди увидела только малюсенькие черные трусики, которые совершенно не шли ему. Сэди почувствовала себя телевизионным ведущим, когда увидела, как они рухнули на кухонный стол, вгрызаясь друг в друга, подобно паре изголодавшихся насекомых: *самка, откровенно продемонстрировав самцу сексуальное желание, привлекла его внимание к своим половым органам, а сама занялась...* Бог мой, как хотите, но смотреть на это неприятно. Сэди бросила чашку в свою плетеную корзинку и нащупала фотоаппарат.

В известном смысле все оказалось слишком просто. Чтобы добыть такой снимок, она готова была ждать дни и недели и, в крайнем случае, даже заплатила бы кому-нибудь, кто бы сделал за нее эту работу. И вот, пожалуйста, в первый же день операции «Улики» у нее все получилось, и она вынуждена была признать, что эти двое отдавались страсти со всей душой. Они, наверное, эдак упражняются по десять раз на дню, подумала Сэди. Сама она ни разу не вступала в брачные отношения среди бела дня и уж тем более на стеклянном столе с витыми серебристыми ножками. У Арнольда точно в голове помутится, когда он увидит этот снимок. Если, конечно, у него еще есть чему мутиться. Сэди увидела, как Патрисия длинными красными коготками подцепила резинку черных трусов Арнольда и начала их стаскивать. Он лежал на спине, и Патрисия, сбросив красный халатик, вскарабкалась на своего возлюбленного.

Сэди вспомнила, как она ходила на день естествознания в школу, когда ее сыновья учились в младших классах, и видела двух кузнечиков, дерущихся в стеклянном аквариуме. Этот образ всплыл у нее в голове при взгляде на Арнольда с его тощими руками и ногами, но все еще кругленьким животиком. Двое на столе — сплошь локти, колени, жилы — являли

собой иллюстрацию яростной борьбы за сексуальное превосходство: только так возможно описать подобное зрелище. Сюжет явно не из сентиментальных женских романов издательства «Миллс энд Бун». Сэди никогда не видела ничего подобного, даже по спутниковому телевидению, и, надо сказать, была слегка разочарована. Во всяком случае, ради этого вряд ли стоило отказываться от комфортабельного бунгало в Карридаффе. Эдна Эверидж, знаменитая героиня телешоу, как истинная леди могла бы гордиться Сэди, если бы увидела, какие гримасы возникают у нее на лице, пока она наблюдает за мужем и его худосочной подругой в декорациях кухни в минималистском стиле.

Сэди не нравился минимализм. Слишком голо. В ее бунгало в Карридаффе глаз то и дело натыкался на кресла, обитые ситцем, ламбрекены в цветочек, гобеленовые подушки и симпатичные плетенки с сухими цветами. Двадцать лет понадобилось Сэди, чтобы создать дом своей мечты, и она не собиралась отдавать его без боя. Этим утром она получила письмо от адвоката Арнольда, в котором ей предлагалось освободить помещение в течение шести недель, в случае если она не может предъявить доказательств неверности мужа и если у нее на попечении нет детей, не достигших восемнадцатилетнего возраста. Письмо ее не особенно напугало. Скорее всего какой-нибудь приятель Арнольда по гольф-клубу сочинил. Мужчины этой породы всегда поддерживают друг друга при разводе. Но Сэди решила, что будет лучше все-таки заручиться необходимыми доказательствами, вдруг дело и впрямь дойдет до суда.

Она на цыпочках подобралась к окну, проверила, включен ли фотоаппарат и готова ли вспышка. Как раз когда Арнольд в экстазе схватился за груди Патрисии, размером с чайные булочки, и страстно их стиснул, Сэди громко постучала в окно. Патрисия подняла голову, и Арнольд тоже, и, хотя он смотрел снизу вверх, он тотчас узнал свою слоноподобную жену. А потом увидел фотоаппарат.

В тот момент, когда сработала вспышка, мокрый рот Арнольда готовился произнести грязное ругательство. Белые от бешенства губы выговаривали первую букву всем известного слова — таким Арнольд и был запечатлен для потомков. Патрисия завизжала и резко соскочила с трепещущего тела любовника, вызвав у него тем самым довольно болезненные ощущения в области гениталий.

— Схвати эту чокнутую стерву! — заорала она, сталкивая Арнольда с холодного стекла и опрокидывая по ходу дела высокую вазу с одинокой орхидеей.

— Где мой халат, корова безмозглая? — прорычал Арнольд. — Говорил я тебе, не открывай занавески! Ах ты, корова, тупая, безмозглая корова!

— Не смей меня обзывать! Так и знала! Какая же я идиотка, что дала тебе еще один шанс. Почему я не осталась с Джейсоном Максвеллом? Он ездит на «роллс-ройсе»!

— К черту Джейсона Максвелла! Где этот проклятый халат? Она же сбежит!

— Надень мой! — взвизгнула Патрисия.

Сэди бросила фотоаппарат в корзинку и в своих удобных туфлях без каблуков помчалась вниз по пожарной лестнице. Ударяя, она не могла сдержать хохота, несмотря на то что была до смерти напугана и дрожала как осиновый лист. Она пробежала мимо мусорных баков на колесиках, стоящих возле черного выхода, когда на пожарную лестницу выскочил Арнольд. Смешно было смотреть, как он прыгает босиком по заледеневшим металлическим ступенькам в ярко-красном шелковом халатике с драконами.

— Если ты не заберешь у нее фотоаппарат и не разобьешь его на мелкие кусочки, я тебя убью! — кричала Патрисия ему вслед. — Черт бы побрал всех женатых мужиков! Больше

неприятностей, чем пользы! Прямо как «Роковое влечение» с Майклом Дугласом, только все наизнанку.

Патрисия стояла, завернувшись в белое одеяло, и уже закурила длинную коричневую сигаретку. Но Сэди ее не видела. Добежав до угла улицы, она подняла руку и села в такси.

— Быстрее! Подальше отсюда! Едем в Карридафф! — выкрикнула Сэди.

Позабыв всяческие приличия, Арнольд несся посередине дороги вдоль разделительной полосы. Через заднее стекло автомобиля Сэди сделала еще один снимок догонявшего ее Арнольда, а потом машина набрала скорость и выехала на главную дорогу. Она увидела, как муж сбавил темп и вскинул руки, признавая поражение.

— Отлично, все прошло как по маслу, — выдохнула Сэди в затылок водителя.

— Значит, дом достанется вам? — спросил водитель, который был человеком слова и согласился ждать, сколько нужно... за соответствующее вознаграждение.

— Еще бы он мне не достался!

После того как пленка была проявлена и тошнотворные фотографии спрятаны для надежности в офисе адвоката, Сэди переименовала все случившееся в операцию «Кузнечик». Отчасти она жалела Арнольда, когда думала, на какое сексуальное рабство он обрек себя с новой партнершей. Она не понимала, как он мог предпочесть такое торопливое и безрассудное соитие нежным объятиям Сэди в их большой кровати среди уютных подушек и подушечек. Откровенно говоря, ей казалось, Патрисия Колдуэлл сведет бедолагу в могилу раньше времени. Жаль, что Арнольд не был честен с самого начала и не признался сразу в своем увлечении. Они могли бы расстаться друзьями. Кто знает, возможно, она даже простила бы его. В конце концов, постель никогда не была сильной стороной Сэди, а Арнольд — всего только мужчина.

Но потом она припомнила, какие кошмарные вещи он говорил, когда она пряталась в офисе за шкафом с канцелярскими принадлежностями. О том, что он будет держать Сэди в качестве бесплатной прислуги, пока родители не обретут вечный покой, а затем укажет ей на дверь. А в ее прекрасном доме поселится гнусная маленькая ведьма. Простить такое невозможно, и потому она выбросила из головы все мысли о жалости. Она сменила замки на дверях и телефонный номер. Она наняла фургон для перевозки мебели и отправила его роскошный рабочий стол с креслом на квартиру Патрисии. На кожаную поверхность стола она скотчем прикрепила записку.

Всего несколько слов: «С любовью от Слонихи Сэди».

Глава 45

Возвращение Питера Прендергаста

Клэр Фицджеральд сидела за большим столом в своем нью-йоркском офисе. Был практически конец рабочего дня накануне Рождества. За ее дверью, в главном офисе, все готовились к корпоративной рождественской вечеринке. Из музыкального центра слышалась романтическая мелодия, зазвенели бокалы, которые кто-то уже расставлял на столе. Клэр знала, что чуть позже пошлют за едой — ее еще нужно ждать, — а она страшно проголодалась. Ей ужасно захотелось итальянского салата, поэтому она дописала последнее предложение и выключила компьютер. Декабрьский номер журнала имел оглушительный успех, и она была очень довольна собой. Она взглянула на портрет Бренды на стене, теперь вставленный в роскошную позолоченную раму. Он стал для нее портретом Питера за то короткое время, что висел здесь. Она смотрела на картину каждое утро, каждый вечер, каждый раз, когда Питер звонил ей по телефону. Они разговаривали часами, наверстывая упущенное, заново влюбляясь друг в друга. Через два дня они должны были встретиться. Клэр так хотелось увидеть его, но из-за каких-то важных дел он не мог приехать раньше. И она уже смирилась с мыслью, что будет встречать Рождество в одиночестве.

Статья о Бренде Браун, напечатанная в разделе, посвященном искусству, вызвала большой интерес, и в папке на столе Клэр лежало двадцать четыре заказа на работы художницы. Клэр взяла папку, написала короткую записку Бренде и положила все в лоток для исходящей корреспонденции. Хорошо бы, чтобы Бренде больше не нужно было жить в ее тесной холодной квартирке. Она девушка со странностями, но ведь талантливые люди все немного того, эксцентричные, подумала Клэр.

Она открыла рождественский выпуск и перечитала заново свое редакторское послание читателям.

Рождество — особое время. Время, когда друзья и родственники собираются вместе. Время зажженных свечей, праздничных венков и сладостей, приготовленных своими руками, как наша помадка из белого шоколада. Рецепт вы найдете на странице 212: не забудьте его вырезать и сохранить на будущее. В этом номере мы вспоминаем рождественские елки прошлых лет. На странице 46 вы увидите коллекцию старинных елок из перьев и эффектные алюминиевые елки пятидесятых годов, которые сегодня снова входят в моду. Желаем вам настоящего волшебного Рождества!

Она хотела полистать номера конкурирующих изданий, но голод разыгрался не на шутку. Ее помощница ушла на совещание, поэтому Клэр накинула жакет и пошла к лифту.

В деликатесной лавке было полно народу. Длинная очередь стояла вдоль стеклянной витрины, заполненной экзотической едой со всех уголков земного шара. Когда дело касается еды, жителям Нью-Йорка очень трудно угодить, и уж если они выбрали для себя подходящее место, то готовы ждать сколько угодно. Клэр встала в очередь.

Когда Клэр вернулась на работу, то увидела, что помощница через весь офис машет

рукой, подзывая ее.

— В кабинете кое-кто тебя дожидается, — сообщила она, задыхаясь от волнения. — Он говорит, что познакомился с тобой в Ирландии много лет назад. Я разрешила ему подождать у тебя в кабинете. Принести вам кофе? Дай сюда этот огромный бутерброд. Он подумает, что ты ешь как свинья. А какой красавчик, Клэр!.. Подкрась немного губы, потом входи.

Клэр не нужно было спрашивать, кто это. Она знала, что это Питер.

Когда она открыла дверь, он стоял перед портретом, повернувшись к ней спиной. Уже не такой худой. Сильно раздался в плечах. Длинные черные волосы исчезли, остался короткий с проседью ежик. Но когда он повернулся, Клэр так и ахнула и из глаз брызнули слезы. Большие голубые глаза были все те же. Тот же овал лица, чувственные губы. Она бросилась к нему, а он протянул руки ей навстречу, и они долго не отпускали друг друга.

— Это мой портрет? — спросил он.

— Нет. Но он напоминал мне о тебе.

— Где ты его взяла?

— Это долгая история, — ответила она, и слезы снова покатались у нее по щекам.

— Мне удалось вырваться, в конце концов.

— Каким образом?

— Поменялся сменами с одним парнем.

— Как трогательно с его стороны!

— Не совсем. Я отвалил ему кучу денег.

— Я польщена. Боже, извини, я все время плачу. Сколько времени мы потеряли!

— Я думал тогда, что ты больше не хочешь меня видеть, понимаешь? Наверное, в молодости мужчины болезненно переживают отказ. Мы не так круты, как кажется.

— Я знаю. Теперь знаю. Значит, ты не женат. Подумать только! Трижды разведен, ты говоришь?

— Тебя это пугает?

— Нет. Просто не понимаю, какая женщина в здравом уме тебя отпустит? В чем дело?

— Ты знаешь в чем. Я любил другую.

— Меня, Питер?

— Да.

— Ты и сейчас меня любишь?

— Да.

— И мы все начнем сначала?

— Да. — Он нежно поцеловал ее в губы. — Давай пойдем куда-нибудь поедим, и ты все расскажешь мне об этом портрете.

— С удовольствием. Но сначала ты должен пойти на вечеринку и со всеми познакомиться. Кстати, где ты встречаешь Рождество?

— Нигде. Надеялся, что старинная приятельница пригласит меня к себе.

— Раз так, считай себя приглашенным.

А в Белфасте Генри и Роза занимались уборкой после рождественской распродажи. В магазине ужас что творилось, но они потрудились на славу. Традиционные рождественские венки на дверь пользовались огромным спросом. Генри смел с пола листики и обрывки ленточек и вылил всю воду из ваз в раковину. Роза закрыла ставни и убрала деньги в сейф.

— Большое спасибо за помощь, Генри. Поверить не могу, что в канун Рождества у тебя

не нашлось бы дел поинтересней.

— Представляешь, нет. Роза, ты делаешь мне одолжение. У Авроры большая вечеринка для «Почитателей Бронте», и я бы только путался у них под ногами.

— Так или иначе, я очень тебе благодарна. С тобой очень приятно.

— Послушай, Роза, я взял на себя смелость и купил нам билеты в театр. Что скажешь? Только не чувствуй себя обязанной.

— Как мило! А ты уверен, что Аврора не будет против?

— Абсолютно уверен. Она слишком занята, чтобы заметить мое отсутствие.

— В таком случае давай оставим уборку на другой раз.

— Мы только-только успеем взять по чашке кофе перед началом спектакля.

Они надели куртки и шарфы и отправились вместе в центр города. Они не держались за руки, но шли очень близко друг к другу, и, когда стал падать снег, Генри отдал Розе свои перчатки.

Глава 46

Идеальное Рождество Сэди Смит

Проснувшись в Рождество в семь утра, Сэди удивилась, не увидев рядом с собой в кровати Арнольда. Наверное, он в гостиной распечатывает свои подарки. Большое дитя, никогда не может вытерпеть до обеда! Потом она вспомнила. В этом году никаких подарков она ему не покупала. Она его самого подарила его любовнице. Пусть в этом году Патрисия Колдуэлл готовит ему праздничный обед. Пусть на собственном опыте узнает, какая это работа — обихаживать Арнольда Смита. В пальцах ног Сэди ощутила приятную теплоту, которая поднялась по телу вверх, к ее сияющим розовым щекам.

Она зевнула, потянулась и подумала, как провести сегодняшний день. Не нужно готовить индейку, не нужно ублажать неблагодарную родню — можно заняться чем угодно. В доме тишина и покой. Наконец-то она совсем одна. Приятное чувство.

Сначала она повалялась в постели, слушая по радио рождественские гимны. Включилось центральное отопление, и дом стал нагреваться. В десять часов она встала и приготовила себе ванну, истратив всю горячую воду и добавив щедрую порцию пены. Довольная, она лежала в сугробах ароматных пузырьков и то и дело посмеивалась, вспоминая лицо своего мужа, когда раздался щелчок фотоаппарата. Пусть теперь попробует отобрать у нее бунгало! Попался, голубчик, пойман с поличным: сам разлегся на столе, кузнечик. Патрисия на нем верхом, да он еще вульгарным образом вцепился ей в грудь. Теперь уж не отвертишься. Пусть только начнет судиться с ней, и она разошлет эту фотографию всем его знакомым. Его благочестивому начальнику и заносчивым приятелям по гольф-клубу, его завистливым коллегам и еще более завистливым конкурентам. Как же они будут злорадствовать, глядя на снимок! Она вывесит фотографию в Интернете и наклеит на всех уличных фонарях Белфаста. Она станет самым страшным кошмаром в жизни Арнольда.

Она решила расслабиться. Все-таки сегодня Рождество. Она лежала в ванне, пока не остыла вода, затем вылезла, вытерлась пушистым банным полотенцем, наредила ногти на ногах и почистила зубы.

В одиннадцать часов, все еще в халате, она приготовила аппетитный завтрак из бекона, пшеничного хлеба, грибов и помидоров, слегка обжаренных в подсолнечном масле. Нужно заботиться о здоровом питании. После трех чашек чаю она оделась и пошла на дневную службу в местную церковь. Она полубовалась колыбелью Иисуса и сияющей над яслями желтой звездой, послушала, как дети исполняют рождественские гимны, и поблагодарила Господа за то, что получила назад свою драгоценную жизнь. Когда ее кто-то из знакомых спрашивал о семье, она говорила правду и изо всех сил пыталась сохранить серьезную мину, если видела, как у людей от изумления глаза вылезают из орбит.

— Господь Бог придаст мне сил, чтобы пройти через это испытание, — повторяла она в двадцатый раз за утро.

— Тяготы посылаются нам, дабы испытать силу нашего духа. Господь дает нам только ту ношу, которую мы способны вынести. — И так далее и тому подобное.

Все обнимали ее и называли Арнольда настоящим подлецом. Сэди пожимала плечами и отвечала, что он вообще-то хороший человек и виновата во всем она сама, потому что превратилась в толстую отвратительную старуху. Все снова начинали возмущаться и

обещали отворачиваться от Арнольда при встрече. Какая чудесная вещь жалость, подумала Сэди.

Сэди пошла домой и поставила разогреваться в духовку готовый обед. Куриная грудка под соусом из красного вина. Пюре из моркови и брюквы. Картофельный гратин. Картофельные крокеты. И все в изящных маленьких контейнерах из фольги. Кто говорит, что Рождество — тяжкий труд для женщин? Устаревшие представления. Она постелила на стол в гостиной нарядную, праздничную скатерть, поставила несколько красных свечей в разных стеклянных подсвечниках, налила хороший бокал вина и положила три изысканных крекера. Сорок пять минут в ожидании, когда будет готов обед, она потягивала вино, пощипывала крекеры и слушала радио. Между делом она надела бумажный колпак и аккуратно расставила на камине поздравительные открытки. Потом вынесла вазу с ветками в холл и притащила из сарая искусственную елку. Елка была огромной, и Сэди понадобилось несколько минут, чтобы собрать ее. Таймер на духовке подал сигнал, как раз когда она распрямляла ветки. Нарядить елку можно и после обеда.

И тут зазвенел дверной звонок. Сэди чуть на месте не подпрыгнула от неожиданности. Она выглянула из окна гостиной. Девять родственников Арнольда стояли под дверью и тряслись от холода. Одна-единственная бутылочка вина и один сверток с подарком на всех. И то сказать подарок — коробка конфет, которую они всегда сами же и съедали. Сэди порадовалась, что в этом году не выбросила несколько сотен фунтов им на подарки. Уж лучше она обновит свой гардероб на январских распродажах.

Пошел снег. Крошечные, белые снежинки падали с неба, искрясь в лучах зимнего солнца и собираясь в уголках оконных рам. Из-за занавесок Сэди наблюдала, как родственники мужа на пороге приплясывают от холода и нетерпения. Она заставила их прождать целые три минуты и только потом подошла к двери.

— Сэди, дорогая,пусти же нас! Мы насквозь промерзли, — завопили они, когда она наконец приоткрыла дверь. Чуть-чуть. Не сняв дверной цепочки.

— Надеюсь, индейка готова. Мы так голодны, что можем проглотить лошадь. Почему шторы задернуты? А где машина Арнольда?

— Его здесь нет. Мы больше не живем вместе, — громко объявила Сэди, чтобы не повторять снова. — Объясню один раз, так что слушайте внимательно: он ушел к своей любовнице Патрисии, для близких людей Пэтти-Пэт, так ее и зовите. И я уверена, она всем вам очень понравится. Как раз то, что вам нужно! Хозяйка каких поискать. Нет такого, чего бы она не могла сотворить на кухонном столе. Передайте ей мои слова. Слышите меня? Как раз там-то вы сегодня и обедаете. У нее. Вот адрес. — Она протянула бумажку с адресом стоявшему ближе всего родственнику с отвисшей от удивления челюстью.

— Эй-эй, подожди-ка, что происходит? — потребовал ответа брат Арнольда Тону. — Почему ты не открываешь дверь? Дай мне войти. Я хочу позвонить Арнольду. И Дженни нужно в туалет.

— Прошу прощения, — ответила Сэди, — но этот дом и все, что находится на его территории, больше не принадлежат семейству Смитов. Я никогда вас не любила, ни одного из вас. А вы никогда не любили меня. Так давайте уж бросим притворяться. Приглашение на рождественский обед по этому адресу, таким образом, официально отзывается. Нет индейки, нет торта и нет дармовой выпивки. В этом году я купила еду в расчете на одного человека. Так что до свидания. Веселого Рождества! — И она плотно захлопнула дверь и задернула занавеску, чтобы они не подглядывали через щель для писем.

Рождественский обед оказался самым замечательным обедом в жизни Сэди. Ни разу не пришлось ей выскакивать из-за стола, чтобы принести Дейзи стакан воды, или Морису еще гарнира, или Арнольду еще соуса. Или без конца подливать алкашам из числа братьев и сестер Арнольда, или дергаться, хватит ли льда. Или смотреть, как все они распечатывают дорогие подарки и принимают это как должное, не утруждая себя словами благодарности. Даже не верится, что она столько лет обслуживала эту ораву.

Сэди подложила себе еще пюре из брюквы, и ей пришлось признать, что у нее пюре получается хуже. Тут были добавлены какие-то специи, еще что-то. На десерт она съела три шоколадных эклера, кусочек рождественского пирога и выпила чашку капучино. Все из магазина, и все очень вкусно. Уже больше пяти часов, а кухня по-прежнему сияет чистотой.

Пришло время насладиться вечером. Она пошла на чердак и осторожно принесла оттуда коробку с елочными украшениями. Два блаженных часа провела она, манипулируя ветками и огоньками, чтобы гирлянда легла безупречно, развешивая тонкие стеклянные шары в форме слезинок, хрупких стеклянных ангелов, маленькие хрустальные салазки, и широкие полосы мишуры, которые так красиво переливаются на свету. Когда она отошла полюбоваться своей работой, небо за окном было темным, бархатистым. Елка величаво стояла посередине эркера в гостиной. Пора ее оживить. Сэди быстро пропылесосила оставшийся мусор и обрывки мишуры с ковра и включила гирлянду. Эркер наполнился светом, а снег снаружи пошел еще сильнее. Красота!

Она включила телевизор и обвела в программке два сериала, три комедии и премьеру кинофильма. Первый раз за двадцать лет она что-то могла спокойно посмотреть и была в состоянии расслышать голоса персонажей, которые не заглушалась буйным алкогольным весельем Смитов, гогочущих над собственными пьяными шутками. И камин она в этом году не будет растапливать. В доме и так тепло. Она зажгла три толстые свечи цвета слоновой кости, составила их шалашиком на решетке, и камин стал как настоящий. И наконец, она положила орехи и конфеты в серебряную вазочку на журнальном столике, перенесла туда же остатки вина и большую кружку чаю.

Она свернулась на диване, приготовившись к нескольким часам удовольствия, и начисто забыла об Арнольде с Патрисией и о том кошмаре, который, наверное, устроили в их квартире горе-родственнички. Только представить всю их ораву, собравшуюся вокруг крошечного стеклянного столика в ожидании, когда же Патрисия достанет из своих узорчатых стеклянных шкафчиков баснословные угощения! Если догадки Сэди были верны, максимум, на что им можно надеяться, это по бутерброду с сыром на нос.

Глава 47

Запоздалый медовый месяц Пенни

В ночь, когда телевизоры всего мира отсчитывали последние секунды, оставшиеся до Нового года и нового тысячелетия, Пенни с Дэниелом сидели у камина в своих апартаментах в «Лоусон Лодж». В нижнем баре всюю шло эстрадное представление. Когда далеко в Лондоне пробили куранты Биг-Бена, снизу послышались восторженные вопли и визги. Пенни подняла свой бокал и предложила тост за новое начало. Дэниел коснулся ее бокала своим и сказал: «Я люблю тебя, Пенни Стэнли, спасибо тебе за все. Я не знаю, что бы делал без тебя, если бы ты... если бы пожар... просто не знаю. Никогда в жизни я больше не причиню тебе боль, не обижу».

Этого было недостаточно, но Пенни знала, что он хочет сказать. Они допили шампанское, Дэниел обнял ее за плечи, и они сидели, глядя, как весело потрескивает огонь в огромном камине. Пенни повернулась к Дэниелу, мягко коснулась его лица и нежно поцеловала в губы. Она положила его руки себе на грудь и не отпускала их весь долгий поцелуй. Дэниел понял, что Пенни простила ему его подлость и жадность. И он понял, что пришло время сделать ее своей женой по-настоящему. Легкими прикосновениями он раздел ее и повел через комнату к высокой, с пологом кровати и уложил на белое стеганое одеяло.

Пенни тихо ждала, когда он разденется, она протянула к нему свою руку, и их пальцы сплелись.

Потом они любили друг друга так страстно, что посрамили бы самого Ричарда Аллена. Много лет Пенни мечтала как раз о такой ночи, и теперь она решила, что ее, если честно, стоило ждать так долго. А самое лучшее в их любви было ощущение того, что они больше никогда не расстанутся. Пенни теперь знала: какие бы испытания ни приготовила им жизнь, они не дрогнут и вместе справятся с чем угодно. Когда Дэниел осознал, что Пенни не исчезнет из его жизни, его как будто подменили. Смутное чувство тревоги отпустило его. Он понял, что в жизни нельзя все предвидеть наперед, и, сколько ни старайся, нельзя изменить ход вещей, и остается только плыть по течению и уповать на лучшее.

Они отпраздновали Новый год, вместе забравшись в пенную ванну и позавтракав шампанским с праздничным тортом.

Все праздники они гуляли по окрестностям, подолгу валялись в постели, строили планы реконструкции своего кафе и заказывали вкусную еду и коктейли. Обоим казалось, что это их запоздалый медовый месяц. И лучше поздно, чем никогда.

Глава 48

Чайная снова открыта

Постоянные посетители немало изумились, когда шесть месяцев спустя увидели новую чайную. Дэниел платил слишком скромную страховку, чтобы она могла покрыть все расходы по ремонту, но у него еще скопилась приличная сумма в банке. И они с удовольствием тратили эти деньги. Пристроили большой эркер, установили новую ярко-синюю входную дверь, приделали новую вывеску, а над ней медные лампы. Стильная надпись на вывеске с достоинством сообщала: *Чайная «У Стэнли»*. Возле двери, как часовые, стояли два лавровых куста в синих горшках.

Внутри чайной свежоштукатуренные стены выкрасили в насыщенно-красный цвет. Повесили огромные зеркала в золоченых рамах и расставили небольшие круглые столики с мраморной столешницей и кованые стулья. Полки за стойкой украсили расписанными вручную чашками и блюдцами. Мягкий белый диван у окна вносил в атмосферу кафе декадентскую нотку. В стеклянной вазе на стойке красовались свежие лилии.

Дэниел нанял повара и позволил ему самостоятельно формировать меню. И теперь вместо булочек с джемом в чайной подавали французские пирожные, сочащиеся шоколадным кремом, и итальянский хлеб с экзотическими наполнителями. Старый потрескавшийся линолеум на полу заменили кафельной плиткой. Квартиру наверху превратили в великолепный обеденный зал со стеклянной крышей. Три официантки в футболках и джинсах, с карандашом за ухом, сновали между столиками, разнося еду на круглых серебряных подносах. Пенни и Дэниел сами приходили в восторг от всего этого.

Они купили небольшую квартирку возле реки Лаган. Продал им квартиру Ричард Аллен. Когда Пенни пришла в офис к Ричарду за ключами, то сказала, что он спас ее брак и что она больше не будет встречаться с ним. Ричард ответил, что очень рад за нее, но будет скучать. И это была чистая правда.

Дэниел и Пенни приходили на работу каждый день в двенадцать часов, только чтобы посмотреть, как идут дела. У Дэниела почти ничего не осталось на счете в банке, но никогда в жизни он не был так счастлив.

Редактор газеты «Белфаст телеграф» прислал репортера подготовить статью о кафе. Несколько журналов решили поместить в светской хронике заметки о новой чайной. Пенни и Дэниела сфотографировали за стойкой кафе. Они держали в руках стеклянную подставку с вишневым чизкейком и радостно улыбались.

Сэди уже собиралась выбросить газету в мусорное ведро, когда заметила маленькую фотографию счастливой пары, держащей в руках огромный чизкейк на стеклянной подставке. Они нежно улыбались друг другу. Мужчина крепко обнимал женщину за талию. И женщина смотрела на него с такой любовью! Сэди прочитала статью под фотографией. Это были Дэниел и Пенни Стэнли, владельцы чайной на Малберри-стрит.

— Так, так, — сказала Сэди и стала читать дальше. — Значит, они снова в деле.

Супруги Стэнли произвели огромные восстановительные работы в кафе, уничтоженном пожаром, и переделали квартиру на втором этаже в обеденный зал оранжерейного типа. Похоже, репортер считал, что новое заведение непременно нужно посетить.

Сэди села в автобус на остановке в конце улицы и ехала, казалось, целую вечность.

Когда она наконец добралась до чайной, то уже умирала от голода.

Она вошла. Кафе наполняли необыкновенные ароматы: пахло свежей выпечкой и специями. Свободных мест не было. За каждым столиком сидели дамы. Сэди узнала Пенни по фотографии в газете. С новой прической и в модной одежде она абсолютно ничем не напоминала ту Пенни, которая когда-то здесь работала.

Пенни поспешила из-за стойки навстречу Сэди и сказала, что она может сесть наверху в новом просторном обеденном зале. Сэди несказанно обрадовалась. Через пару минут она уже прихлебывала латте и млела от клубничного чизкейка, который таял во рту. Но она не наелась и заказала еще итальянское блюдо из тостов, сыра, помидоров и красного перца.

Сэди поблагодарила тоненькую, словно тростинка, официантку, которая принесла ее заказ наверх, и посмотрела, как та легко сбежала вниз по лестнице.

Не думая о собственных чрезмерных бедрах и толстых лодыжках, Сэди щедро посыпала солью и перцем горку божественного наслаждения на своей тарелке. Ах как вкусно! Уплетая, она изучала меню. Сплошной восторг! Повар-итальянец отбирал блюда по собственному выбору. Суп из каштанов и моркови со сливками и крутонами, домашний пшеничный хлеб на темном пиве, с кунжутом, обжаренные на гриле ломтики цыпленка с сальсой и сметаной, ломтики картофеля с приправами и луком-пореем, сэндвичи из подсушенного хлеба с ростбифом и индийским соусом чатни. Двадцать сортов кофе и сорок наименований выпечных изделий. И все сбрызнуто оливковым маслом, покрыто глазурью или посыпано корицей.

У Сэди времени было навалом, никто не ждал ее в бунгало, и она попросила место официантки в чайной на Малберри-стрит. И получила его.

На собеседовании Пенни держалась очень доброжелательно и сказала, что Сэди идеально подходит для этой работы. Дружелюбная, внимательная и всегда с улыбкой на лице. Сэди отпраздновала начало новой жизни бокалом шампанского, куском вишневого чизкейка и свежей завивкой.

Глава 49

Записка от руки

Когда наступил день отъезда Розы, Генри написал Авроре записку. Она была очень нежной и романтической, и в ней говорилось о том, что, хотя его сердце и разрывается на части, он покидает Аврору и ее фантазии, чтобы последовать за своей собственной мечтой. Аврора нашла записку очень милой, обвязала ее голубой ленточкой и положила в секретный ящик своего бюро. Она не опечалилась.

Ее постоянно навещал Дэвид Кроппер. Она грезилась о том, как он в костюме георгианской эпохи читает ей стихи.

Дом Генри оставил жене. Подписал соответствующий документ. А она никогда не любила его так, как свою оранжерею.

— Возьми меня с собой, — попросил Генри Розу, когда они стояли возле чайной после прощального обеда.

— Что? — не поняла Роза. — Ты шутишь. Конечно, ты мне очень нравишься, но...

— Я люблю тебя. Я хочу помогать тебе сажать деревья и цветы.

— А твоя жена, твои друзья, твой магазин...

— Теперь это все не важно. Пожалуйста. Давай я отвезу тебя в Коннемара и останусь там на несколько дней. И мы просто посмотрим, что случится. Знаю, я слишком стар и недостаточно хорош для тебя, но сердце мое молодо, и я люблю тебя, и я отличный садовод.

Миссис С. Фогарти, хозяйка универсального магазина в Голуэе, пребывала в отличном настроении. Ее приятельница Бронах Гилмартин пришла в магазин во время перерыва, чтобы купить банку консервированных груш, и услышала, как весело распевает миссис Фогарти, вытирая с полок пыль.

— Чему радуемся? — спросила миссис Гилмартин.

— Доходам. Вот чему. Меньше двух часов назад сюда зашла парочка, и они скупили практически весь магазин. Сказали, что едут в Коннемара. Они забрали всю растопку для камина. У меня совсем ничего не осталось, так что надеюсь, ты пришла не за этим. Они купили двадцать упаковок торфяных брикетов, и две бутылки виски, и столько консервов, что можно накормить всех голодающих. А самое интересное, джентльмен, потому что по-другому его не назовешь, скупил все семена, которые только были на стенде.

— Цветочные семена? Боже мой! Ты сказала, все?

— Да. Сотни пакетиков. Посмотри сюда. Пусто! Хорошо, что я купила в этом году кассу. Я бы не сосчитала все вручную. Женщина выглядит как будто немного моложе мужчины, и выговор у нее провинциальный. Чем-то похожа на хиппи. А он очень представительный: галстук-бабочка и речь правильная, явно столичный господин. Думаю, они не женаты, по крайней мере друг на друге. Уж очень вид у них счастливый! Но ничто не вечно. Всегда нужно помнить об этом. Я и спросила, не будет ли им одиноко. В крохотном домишке, в такой дали от всего мира. Там же вокруг ничего, кроме камней и привидений. Вот я и говорю, эти коттеджи для тихого отдыха — выброшенные деньги, по себе знаю. Но он ответил, нет, у них все будет прекрасно. Мол, спасибо за беспокойство, у них есть все, что нужно. Вот так, Бронах. Что хочешь, то и думай.

Глава 50

Письмо от Николаса

1 августа 2000 г.

Уважаемая миссис Стэнли!

Надеюсь, вы сможете мне помочь. Я пытаюсь связаться с художницей по имени Бренда Браун. Не уверен, является ли она вашей близкой подругой, но в письмах она упоминала, что часто ходит в ваш ресторан. Ее дом сгорел, и я не знаю, где она сейчас живет. Кажется, даже ее мать не знает, где она. На Рождество я получил от нее целую кипу писем, но уже долгое время от нее ничего нет.

Я был бы чрезвычайно благодарен, если бы вы попросили ее связаться со мной.

Обычно я не отвечаю поклонникам, но теперь, когда ее письма перестали приходить, мне их не хватает.

Я хотел бы встретиться с Брендой и поблагодарить ее за потрясающую картину, которую она мне прислала. Скоро я буду в Белфасте на съемках и хотел бы заранее договориться о встрече.

Спасибо за помощь.

С наилучшими пожеланиями,

Николас Кейдж

P. S. Я был бы действительно вам благодарен, если бы вы передали Бренде этот пиджак из змеиной кожи. Я снимался в ней в одном фильме, и Бренда написала, что она ей нравится. Скажите ей, пиджак — благодарность за присланную картину. Кстати, я решил оценить его, и мой знакомый артдилер сказал, что он действительно хорош. Он говорит, что когда-нибудь с удовольствием организует в своей галерее в Беверли Хиллз выставку работ Бренды. Если я смогу ее разыскать.

20 августа 2000 г.

Уважаемый мистер Кейдж!

Надеюсь, у вас все в порядке. Вынуждена сообщить, что я не смогла разыскать Бренду. Несколько месяцев назад, перед пожаром, она приходила в кафе, но с тех пор никто из друзей или родственников ее не видел. Такое впечатление, что она просто исчезла. Я присмотрю за вашим пиджаком, пока Бренда не вернется. Надеюсь, вы найдете ее.

С наилучшими пожеланиями,

Пенни Стэнли

29 августа 2000 г.

Мистеру Реймонду Мориарти,
директору Центра погодных исследований ирландской телерадиокомпании
RTE,
Дублин

Уважаемый мистер Мориарти!

Прилагаю последний отчет о количестве осадков, выпавших в нашей местности. Надеюсь, на этот раз таблицы заполнены правильно. Мне очень нравится моя работа, и одиночество доставляет мне огромное удовольствие. Раньше я от всей души ненавидела дождь, но теперь все, что связано с атмосферными осадками, невероятно меня увлекает. Я читаю, гуляю и люблю пейзажем, так что ваши опасения, что мне здесь будет скучновато, лишены всяких оснований. Я хочу остаться здесь. Моя скромная хижина более чем соответствует моим потребностям, и по вечерам так уютно сидеть перед камином, в котором горит торфяной брикет, и смотреть на огонь. Я отлично справляюсь без телефона и электричества, и я починила заднюю дверь, которая была сломана. По вечерам я читаю при свечах, и еще я купила себе велосипед и песика для компании. Надеюсь, я справилась с заданием удовлетворительно и вы предложите мне постоянную работу, когда закончится испытательный срок. Большое спасибо за помощь.

Искренне ваша,

Татьяна Кобальт-Клиаруотер

30 августа 2000 г.

Дорогая мама!

Надеюсь, у тебя все в порядке. Я живу превосходно. Чувствую себя такой здоровой и отдохнувшей! Со щек не сходит румянец. От здешних пейзажей просто дух захватывает. Я никогда не смогла бы передать такую красоту на холсте. Вообще-то, я не сделала ни одного наброска с тех пор, как приехала сюда, и нисколько не скучаю по своему прошлому. Когда я зажигаю камин, у меня в хижине очень уютно и тепло, и не волнуйся, я помню о безопасности и купила три дымовых датчика. Мой песик просто прелесть. Я назвала его Ник. Он повсюду ходит со мной, и он такой хороший! Он спит в маленькой корзинке, на полу, рядом с моей кроватью.

Мне по-настоящему нравится моя работа, и, кажется, впервые в жизни я делаю что-то полезное. Я познакомилась с приятным парнем по имени Шон. Он живет километрах в трех от меня. Он государственный служащий и исследует уровень загрязнения побережья. Он все объясняет мне про погоду и про окружающую среду и как все наши поступки могут влиять на будущее. Это так интересно! И как нам в Ирландии повезло: у нас нет недостатка в пресной воде. Вообще он симпатичный. В субботу вечером мы идем куда-нибудь поужинать. Кто знает, может, в конце

концов, мы начнем встречаться. Думаю, я нравлюсь ему. Он отдал мне свою лучшую куртку, чтобы я не мерзла, пока езжу на велосипеде и собираю данные о количестве выпавших осадков. Разве не мило с его стороны? Я так рада, что увлечение Николасом Кейджем осталось в прошлом. По крайней мере Шон мне отвечает, когда я с ним разговариваю.

Спасибо за то, что ты хранишь в секрете мое местопребывание, и за то, что уладила проблему с банком. Я буду каждый месяц посылать деньги, и ты, во время поездок в город, сможешь выплачивать мои долги. Я ужасно благодарна тебе за все, что ты для меня делаешь.

Надеюсь, у тебя хорошие отношения с приятельницами по танцклубу и ваша поездка в Нэшвилл удалась на славу. Не спрашиваю, купила ли ты ковбойскую шляпу, потому что точно знаю — купила. Береги себя, и до скорой встречи.

С любовью,

Бренда

P. S. Посылаю тебе маленькую акварель с изображением гор Коннемара. Я купила ее для тебя в магазине сувениров. Повесь на стену в гостиной. Сама я скорее всего не буду больше рисовать. Хотя из дерева, которое прибило к берегу, я делаю рамы для картин и прочую мелочь.

Миссис Браун прижала к лицу письмо Бренды, закрыла глаза и вздохнула с облегчением. Никогда еще Бренда не казалась такой счастливой. Наконец-то она, похоже, нашла свое место в жизни.

Миссис Браун взяла со столика в холле письма от Николаса Кейджа и Клэр Фицджеральд, которые переслала ей хозяйка квартиры Бренды, и ласковым движением положила их в камин в гостиной. Через несколько месяцев они оба забудут о существовании Бренды Браун, и наступит конец артистической карьеры, которая едва не погубила ее младшую дочь. Пусть Бренда наслаждается обретенным покоем. Она заслуживает этого больше, чем кто-либо.

Глава 51

Хорошо то, что хорошо кончается

Пенни и Дэниел были в восторге от того, как замечательно идут у них дела. Дэниел передал Пенни все финансовые вопросы и сказал, что в будущем попробует не волноваться по этому поводу. Пенни оформила страховку. Она платила работникам хорошую зарплату и заказывала для ресторана продукты только лучшего качества. Она купила льняные сине-белые клетчатые скатерти, чтобы создать у себя атмосферу уютного французского кафе.

Дэниел продал дом на Магнолия-стрит и смирился с тем, что мать к нему не вернется. На память о Терезе они решили оставить ее валлийский буфет и поставить его в кафе, заполнив нарядными тарелками. Дэниел отвел Пенни на кладбище, где покоилась тетя Кэтлин. Они положили на могилу цветы и заказали надгробный камень. Дэниел рассказал Пенни все о своей матери, ее исчезновении и о том, как тетка приучила его дрожать над каждым пенни. На кладбищенском ветру Пенни прижала мужа к себе, и так они стояли, оплакивая потерянные годы.

Не просто было Дэниелу отказаться от своей чрезмерной бережливости, и он старался изо всех сил, чтобы не экономить на каждой мелочи. Как Пенни неустанно напоминала ему, даже, несмотря на возросшие расходы, их бизнес процветал. В том году Дэниелу исполнилось сорок восемь, а Пенни — тридцать шесть, и они понимали, что деньги не так важны для них. Гораздо важнее быть вместе и заново узнавать друг друга. Они еще раз поехали в «Лоусон Лодж», и в декабре двухтысячного года Пенни обнаружила, что ждет ребенка.

Беатрис и Элис продолжали заниматься благотворительностью, но больше своей работой не кичились. Вместо этого в свободное время они планировали поездки и наслаждались жизнью. Да, очень важно совершать хорошие поступки и не грешить, но получать от жизни удовольствие тоже важно. Иногда они вспоминали Лео, но своим дорогим папочкой по-прежнему называли Уильяма.

Каждый раз на воскресную службу они надевали стеклянные броши Элизы и ощущали при этом тайную гордость оттого, что в их семье разыгралась настоящая любовная драма.

Слонихе Сэди так нравилась ее работа в чайной, что она перестала покупать «семейные» упаковки кукурузных чипсов и начала худеть. Вскоре она уже весила семьдесят пять килограммов и надеялась дойти аж до семидесяти. Морис и Дейзи были без ума от своего острова и прислали ей открытку, где сообщили, что теперь они ходят на курсы греческого языка, потому что хотят стать настоящими греками, а не какими-то эмигрантами. У Мориса практически прошел артрит, а Дейзи записалась в шахматный клуб.

Тем судьбоносным рождественским утром 1999 года Патрисия Колдуэлл распечатала подарки Арнольда и зарыдала, поскольку увидела пылесос и духовку для выпечки хлеба. Неужели он всерьез предполагал, что она будет выпекать домашний хлеб? И у нее уже есть пылесос. Арнольд напомнил, как ей хотелось стать частью его жизни, а не увлечением на стороне. Теперь она может быть частью его жизни, но это означает, что ей придется готовить и заботиться о домашнем уюте. Но такое объяснение расстроило ее еще больше.

Даже черное белье и набор массажных масел почему-то вызвали раздражение у Пэтти-Пэт. Ведь на самом деле это подарки для Арнольда, всхлипывала она. Разве не так? Ведь за редким исключением массаж будет делать не он ей, а она ему. Как он может быть таким эгоистом? И это после того, как она великодушно позволила ему переехать к ней и даже поставить в ее миленькой белоснежной квартирке его безобразный стол красного дерева.

Она все еще плакала, когда у ее порога из двух машин выгрузилась орава родственников Арнольда, которые рассчитывали получить здесь свой праздничный обед с индейкой. Они ввалились в квартиру, оставляя на девственно-белых коврах уличную слякоть, и объявили, что умирают с голоду. Как будто это ее вина. Патрисия сама умирала с голоду, потому что накануне вечером не пошла в модный ресторан на рождественский ужин, и все из-за этой Слонихи Сэди, которая объявилась под окном и сфотографировала ее в чем мать родила.

Пришлось ей разогревать в микроволновке замороженный обед для ненасытной родни Арнольда, и они не преминули сообщить ей о своем разочаровании, поскольку Сэди рассказывала, будто Патрисия творит у себя на кухне настоящие чудеса. Они были до того расстроены, что в качестве утешения выдули целый ящик шампанского, который Арнольд получил от руководства фирмы. Они изрядно набрались и позволили себе несколько уничижительных замечаний по поводу достоинств Патрисии.

Патрисия попросила их уйти, а Арнольд — остаться, поэтому они остались и, словно стая саранчи, пожирали все, что было съедобного в квартире. Целый рождественский пирог, несколько коробок орехов и конфет, весь сыр и все печенье. Дело кончилось тем, что в спальне Патрисия и Арнольд разругались в пух и прах и пропустили специальный рождественский выпуск «Истэндеров».

Патрисия обожала этот сериал. После случившегося корабль их любви дал течь и быстро пошел ко дну. Спустя несколько недель Патрисия не выдержала и позвонила Джейсону Максвеллу. Тот немедленно прибыл в своем «роллс-ройсе», и Арнольда вежливо попросили освободить помещение.

Несколько недель он ночевал в офисе и не переставая звонил Патрисии. Она не отвечала на его звонки, твердо заявив, что встретила другого — неженатого мужчину, который не станет дарить ей на Рождество пылесосы и духовки. Джейсон Максвелл знает, как вести себя с леди. В конце концов она сменила номер телефона.

Арнольд переехал в другую часть страны и открыл небольшую фирму по установке стеклопакетов в городе Эннискиллен. Он решил оставить Сэди бунгало в Карридаффе. В глубине души он знал, что она это заслужила, и, кроме того, окрестности Фермана пленили его воображение. Он купил заброшенный свинарник возле озера, пристроил к нему симпатичную шестиугольную оранжерею, выходящую прямо на воду, — словом, превратил старый сарай в сказочное холостяцкое жильё. Местные жители были очень приветливы, а дожди тут шли даже чаще, чем в Белфасте. Новые окна пользовались огромным спросом, и вскоре Арнольд снова стал самим собой. Он с удовольствием флиртовал с местными жительницами, и через некоторое время Эннискиллен привык к нему вместе с его темно-синим «ягуаром», коллекцией дизайнерских костюмов и титулом «Продавец года».

Аврора Блэкстафф и Дэвид Кроппер стали неразлучны. Они регулярно появлялись на театральных подмостках Белфаста. «Общество почитателей Бронте» стало международным образцом литературного общества, и Аврора потеряла счет литературным кружкам,

устроенным по образу и подобию «почитателей». Иногда, когда Аврора и Дэвид были уверены в том, что никто им не помешает, они передевались в викторианские костюмы и без усталости вальсировали в оранжерее. А потом Дэвид нес Аврору наверх в спальню и удовлетворял свою страсть, не давая ей снять нижние юбки.

Генри и Роза спокойно и ненатужно полюбили друг друга на просторах Коннемара. Генри купил небольшой коттедж и годовой запас торфа, и каждый вечер они садились к камину, с книгами по садоводству и бокалами красного вина. Они посадили все деревья, которые, по их мнению, смогут вынести проливные дожди и сильные ветры с Атлантики. Каждое утро, просыпаясь в объятиях Розы, Генри благодарил Бога за ее длинные рыжие волосы, веснушки и нежную белую кожу. И за то, что существует чайная на Малберри-стрит, где он впервые ее увидел. Как только Роза призналась, что тоже его любит, он сделал ей предложение, и она согласилась.

Клэр Фицджеральд и Питер Прендергаст назначили дату свадьбы. Они считали, что и так упустили достаточно времени. Иногда Клэр поддразнивала Питера по поводу его работы. Дескать, мог бы найти ее пораньше — как-никак детектив. И Питер соглашался — да, может, и мог бы, но ему мешала мужская гордость.

— Я думал, что стал тебе неинтересен. Насколько я помню, был в тебе эдакий снобизм.

Клэр хотела двинуть его своей сумочкой, но не смогла ее найти.

Питер перевелся в Нью-Йорк и поселился в шикарной квартире Клэр. Их свадебная церемония была очень скромной: только они и их чувства, которые жизнь заставляла так долго сдерживать. Майк, коллега Клэр, и его бойфренд, выступавшие в роли свидетелей, осыпали новобрачных золотым и розовым конфетти, пригоршню которого Клэр положила в стеклянную шкатулку и хранила потом у кровати.

Если бы отец Пенни был жив, он мог бы гордиться новой чайной. Посетители выстраивались перед кафе в очередь, и все признавали, что главное достоинство чайной — атмосфера любви и счастья, царившая там. Пенни заказала для ресторана специальную пуленепробиваемую витрину и установила на нее сигнализацию. Туда она поместила пиджак Николаса Кейджа и его портрет кисти Бренды. Чайная «У Стэнли» превратилась в мекку для поклонников артиста. Пенни то и дело предлагали кучу денег за пиджак из змеиной кожи, но она отказывалась продавать его. Помимо всего прочего, он ей не принадлежал. Она только хранила его для Бренды Браун.

Бренда Браун, или теперь Татьяна Кобальт-Клиаруотер, жила в Коннемара со своим песиком Ником и никогда еще не чувствовала себя счастливее. Белфаст, правительство, митинги, знамена, полицейские, психиатры, неоплаченные счета — все осталось где-то далеко-далеко. И самое замечательное: так же далеко осталось искусство. Днем она ездила на велосипеде по округе и собирала информацию о выпавших осадках, а Ник, гавкая, бежал рядом. Вечером же она слушала шипение и потрескивание огня и наблюдала за тенью, которую он отбрасывает на стены. Иногда заходил Шон, и они вели интересные беседы о проблемах экологии. Они приняли участие в мирной демонстрации в Дублине против загрязнения окружающей среды и, маршируя по улицам, держались за руки. Шон сказал, что Бренде очень пойдут длинные волосы, и она перестала брить затылок.

Она переживала, что может забыть свои феминистские идеи и влюбиться в Шона, но потом он установил в ее хижине ветряной электрогенератор, и ей пришлось признать: мужчины иногда способны приносить пользу. При свете электрической лампочки она нежно поцеловала его и подумала, как он красив в своем потертом джинсовом комбинезоне. Шону не нужен пиджак из змеиной кожи или коллекционная модель автомобиля, чтобы выглядеть привлекательным. Он хорош как есть.

Она попросила у него фотографию, он дал ей, и она вставила ее в маленькую рамку, которую сделала сама из раковин и камешков. Здорово наконец-то увидеть в рамке лицо.

Когда у Пенни появился мальш, Дэниел каждому клиенту подряд сообщал, что его жена родила здорового мальчика и собирается назвать его тоже Дэниелом. Дэнни то есть. В течение трех дней посетителей бесплатно угощали чаем и кофе. В день крестин мальчика родители устроили в кафе праздник для всех своих друзей, чтобы отметить радостное событие. Пригласили даже Милли Мортимер с Джеком (вместе с детьми). Они появились слегка смущенные, но без ящика с инструментами. Пенни украсила чайную живыми цветами, шариками и серпантинном, а гостям раздала цветные колпаки. Танцы продолжались до рассвета. Все это время Дэнни спал тут же, в кафе, которое в один прекрасный день будет принадлежать ему. Прохожие заглядывали в окна и жалели, что их не пригласили. Угощение было превосходным, а Дэниел самолично приготовил большой бисквитный торт, который украсил сахарными фигурками Пенни, Дэнни и себя самого.

Чайная «У Стэнли» скоро стала самой модной кондитерской города. Люди из разных стран приезжали сюда, чтобы полюбоваться на ее мраморное великолепие и пиджак Николаса Кейджа в сияющей стеклянной витрине.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Приложение

Отведайте и вы восхитительный чизкейк — фирменное угощение чайной на Малберри-стрит

Вишневый чизкейк (на 8 порций)

ИНГРЕДИЕНТЫ

Для теста:

Растительное масло для смазывания формы
125 г орехового печенья с имбирем
65 г сливочного масла

Для начинки:

Зерна одного стручка ванили (можно заменить ванильным сахаром)
75 мл молока средней жирности
500 г обезжиренного натурального йогурта
100 г сахарной пудры
Сок и мелко натертая цедра 2 лаймов
1 пакетик желатина (замоченного в холодной воде)
150 г взбитых сливок

Верхний слой:

1 банка консервированной вишни (порезанной маленькими дольками)
1/2 пакетика желатина (замоченного в холодной воде)

1. Для приготовления теста измельчить печенье, растопить сливочное масло. Добавить масло в печенье и как следует перемешать.

Разъемную форму диаметром 22 см смазать растительным маслом. Выложить смесь в форму и хорошо прижать ко дну и стенкам. Поставить на 10 минут в холодильник.

2. Для приготовления начинки положить в кастрюлю с молоком зерна ванили (или ванильный сахар), подогреть, добавить желатин и сахарную пудру.

При быстром размешивании венчиком влить йогурт, добавить сок и цедру лайма. Полученную массу тщательно взбить.

3. Вылить начинку на тесто и охладить в течение одного часа (до застывания).

4. Для приготовления верхнего слоя измельчить в блендере вишню, добавить сахар по вкусу.

В кастрюлю влить 1 ст. ложку воды, добавить, помешивая, размоченный желатин и

измельченную вишню. Полученную смесь вылить на начинку.

Форму поставить в холодильник на 2–3 часа до полного застывания верхнего слоя.

5. Снять форму и подавать чизкейк на блюде с соусом из малины, сахара, лимонного сока и ликера.

Рецепт предоставил Невен Магуайер, шеф-повар программы «Оупен Хаус» ирландской телерадиокомпании RTE и автор серии книг «Невен Кукс», опубликованных издательством «Пулберг».